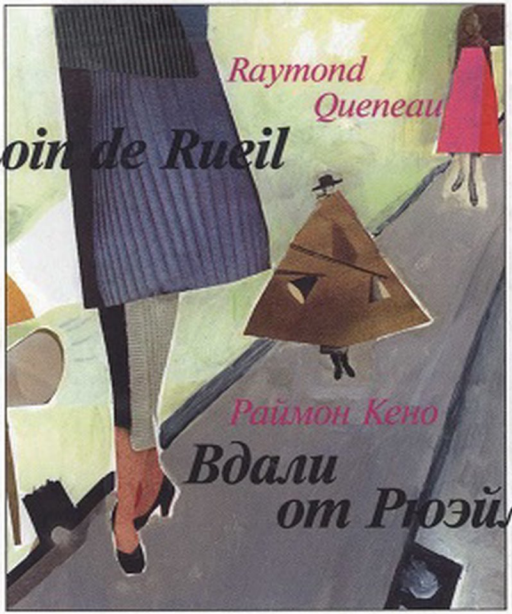

FreeFly

Вдали от Рюэйля
Раймон Кено

Аннотация
Раймон Кено. Вдали от Рюэйля
I
II
III

Аннотация

Жизнь-эпопея Жака Сердоболя происходит на грани яви и сновидения, в додумывании и передумывании (якобы) фиктивных историй, увиденных в кинематографе, которые заменяют главному герою (якобы) действительную историю его собственной жизни. Читатель, а по сути, зритель переходит от детских фантазий (ковбой, король, рыцарь, Папа Римский, главарь банды…) к юношеским грезам (спортсмен, бродячий актер, любовник…) и зрелым мечтаниям (статист в массовке, аскет, ученый-химик, путешественник…), а под конец оказывается в обществе стареньких родителей и их гипотетического внука, завороженно наблюдающего за экранными подвигами заморского киноактера, который чем-то очень похож на него самого…

Раймон Кено
Вдали от Рюэйля[1]

[1] Примечания: 1

Изначально автор хотел озаглавить роман *La Peau de rêve* (дословно: «Шкура сновидений» или «Кожа грез»), возможно, по ассоциации с названием произведения О. де Бальзака *Peau de chagrin* («Шагреневая кожа»), которое, впрочем, можно перевести и как «Кожа печали/грусти». В аннотации к первому изданию «Вдали от Рюэйля» (1944) указывалось, что это «роман о снах наяву».

Рюэйль — в настоящее время Рюэйль-Мальмезон, главный город в департаменте Верхней Сены, к западу от Парижа.

I

I

Помои вывалились из металлического ведра и ухнули в мусорный бак: яичная скорлупа, огрызки, очистки, засаленные обрывки. Низвержению сопутствовал вялый, — но не такой уж и отвратительный, — гниловатый запах, подобный запаху влажного мха в лесной чаще, правда, слегка отдающий цинком из-за самой емкости, стоящей подле тележки, на которой ее каждое утро выкатывают к краю тротуара перед приездом мусорщиков. Ведро, избавленное от содержимого, повисло на мужественной руке, уже готовое к возвращению на седьмой этаж, когда появилась служанка. Она считала, что мусор выкидывать дело не мужское, но из деликатности смолчала, не желая комментировать вид призрачного персонажа в халате, почтившего своим присутствием черную лестницу.

Джентльмен предложил свою помощь, поскольку ему показалось, что служанка несла что-то тяжелое, но та отказалась. А еще он спросил, давно ли она здесь служит, нет, сегодня

первый день как. Он был в курсе, ибо знал всю прислугу в доме, ее нравы и обычаи, ее отъезды и приезды. Они поднялись вместе. Дошли до последнего этажа; он, облаченный в узорчатый шелк, обитал под самой крышей, питая слабость к мастерским художников в мансардах, хотя сам художником не был.

Он предложил девушке зайти к нему на минутку. Экий вы, однако, прыткий, возмутилась она. Он пожал плечами. Да за кого она его принимает? Он прошел дальше, к другой двери, тихонько постучал и напел несколько тактов из «Травиаты»[2]. На пороге появилась молодая особа с упругими формами, которая, недолго думая, предложила партию в белот[3] на троих, спросив, так это ты новенькая. Меня зовут Тереза, добавила особа, а ее, ответила новенькая, зовут

[2] Примечания: 2

«Травиата» — опера Д. Верди (1813–1901), написанная в 1853 году.

[3] Примечания: 3

Белот — карточная игра из 32 карт с козырями, в которой взятки оцениваются по количеству набранных очков.

Люлю[4] Думер[5].

Тип переспросил, так как она, Люлю Думер, насчет партии в белот на троих? Она не умеет играть. Он открыл дверь своей обители, и они вошли. Электрический свет явил взору Люлю то, что за всю свою недолгую жизнь она еще не имела возможности видеть воочию, а именно артистический интерьер: мягкий ковер, твердые подушки, китайские безделушки, приглушенное освещение, средневековые алебарды, бретонские кресты, фотографии акрополей, предметы, столь же фольк-, сколь и фальш- лорные, и уйма прочих штуковин того же пошиба.

Классно здесь, сказала Люлю Думер с высоты своих четырнадцати лет.

— Обалдеть можно, да? — спросила Тереза. — Причем весь этот бардак это тебе не туфта. Только оцени, насколько шикарна каждая фигня.

— Здорово, — ответила Люлю Думер, — просто

---

[4] Примечания: 4

«Люлю» — название оперы А. Берга (1885–1935) с симметричными действиями и персонажами.

[5] Примечания: 5

Думер — Поль Думер (1857–1932), французский политический деятель, министр финансов, губернатор Индокитая (1897–1902), президент палаты парламента (1904), президент Сената (1927), президент Франции (1931). Убит русским анархистом Горгуловым. Возможно, фамилия отсылает к *араб.* doum — карликовой пальме, чьи листья использовались в Средиземноморье для изготовления метелок.

здорово.

— Такие квартирки нечасто встретишь, — сказала ей Тереза. — Не все ведь поэты.

И не всех зовут Лу-Фифи. Так знакомые упрощали имя Луи-Филиппа де Цикада[6], который тем временем в шкафчике шуровал. Он достал оттуда бутылку алкоголя и рюмки, поставил их на поднос. Положил печенье. Тереза взяла Люлю Думер под руку и увлекла в сторону закутка, где покоилась могильная бездна дивана, от которой поднимался тяжелый дух.

Они уселись, прохрустели печеньем, выпили, и Люлю Думер, распарив желудок неразбавленным марком[7], внезапно почувствовала себя ну совершенно в своей тарелке. Де Цикада расстелил зеленую скатерть и раскрыл колоду карт.

— Жалко, что она не умеет играть в белот, — произнес де Цикада.

---

[6] Примечания: 6

Цикада — на юге Франции символ лирического пения. Мудрые старцы, «сильные словом, цикадам подобные», воспеты Гомером в «Илиаде»; «божественными цикадами» называет поэтов кондитер Рагно в пьесе Э. Ростана «Сирано де Бержерак». Цикада также персонаж басни Ж. де Лафонтена «La Cigale et la Fourmi» (в русском переложении «Стрекоза и Муравей» (пер. И. А. Крылова).

[7] Примечания: 7

Марк — крепкий алкогольный напиток (до 70°) из белых сортов винограда, близкий по вкусу к граппе.

— Ну не в батай[8] же играть, — сказала Тереза.

— Она наверняка и в бридж не умеет, — произнес де Цикада.

— Нет, мсье, — ответила Люлю Думер.

— Как и я, — сказала Тереза. — Всякий раз, когда ты начинал меня учить, я засыпала.

— Ты — лентяйка, — сказал де Цикада, тщательно перемешивая карты. — Ну так что будем делать?

— Я могу вам погадать, — предложила Люлю Думер.

— Ты умеешь? — спросила Тереза.

— Да.

— Я тоже, — призналась Тереза.

— Этот талант ты от меня скрывала, — заметил де Цикада, передавая карты Люлю Думер.

— Кому сначала? — спросила Люлю Думер.

— Ему, — ответила Тереза.

— Мне, — подтвердил де Цикада.

— Снимите три раза левой рукой, — сказала Люлю Думер.

— Снял, — сказал де Цикада.

— В последний раз было всего две карты, — заметила Тереза.

---

[8] Примечания: 8

Батай — не Жорж, а карточная игра из 36 карт, в которой взятки бьются по старшинству, а козырей не существует.

— Ничего, — ответила Люлю Думер.

— Я в таких случаях прошу снять заново, — сказала Тереза.

— У каждого свой метод, — сказал де Цикада. — Не сбивай ее.

— Это вы, — объявила Люлю Думер, вытаскивая червового короля.

Де Цикада кивнул.

— Блондинка, — продолжала Люлю Думер. — Тридцать пять лет. Профессия? Ну-ка посмотрим. Белошвейка? Нет. Ага, бубновая восьмерка: она держит парикмахерскую.

— Вы узнали все это из карт? — спросил де Цикада.

— Она тебя сразила наповал, — сказала Тереза.

— Сходится? — спросила Люлю Думер.

— Я действительно знаю одну даму этой профессии, — ответил де Цикада.

— Продолжим. Червовая десятка: вы ее любите. Червовая девятка: безумно. Пиковая девятка: она вас не любит. Крестовая семерка: неужели это ваша дама?

— Продолжай, — сказал де Цикада.

— Бубновая восьмерка: она любит другого человека. Бубновая дама: черт, ничего не понимаю! Это женщина!

— Не понимаешь?! — воскликнула Тереза. — Понять не трудно, просто ты еще слишком молода.

— Из того, что ты рассказала, ничего нового я не узнал, — произнес де Цикада.

Люлю Думер смешала карты.

— Не обижайся, — сказал ей де Цикада.

— Можно разложить заново, — сказала Тереза.

— Теперь ваш черед, — предложила ей Люлю Думер.

— Спасибо, — сказал де Цикада. — С меня довольно.

— Тогда мне, — сказала Люлю Думер.

Тереза попросила ее сдвинуть карты левой рукой всего один раз. Она читала карты по-другому. Де Цикада молча и мрачно курил, а Тереза вещала об утраченных предметах, доброжелательных дальних родственниках, выгодных путешествиях и болезнях, на которые не стоит обращать внимание. В общем, все оказалось не так уж и мрачно.

— Не так уж и весело, — промолвил де Цикада. — Да и как предсказание жизни может быть веселее самой жизни? На два дня раньше или на три месяца позже, одна и та же тягомотина. Когда играешь, ненадолго забываешь об этом, но если игра лишь напоминает о прошлых неудачах, ну

ее к чертям собачьим!

— Просто в ваших картах оказались пики, — сказала Люлю Думер.

— Ну что, Лу-Фифи, тогда, может, сыграем в экарте[9]? — предложила Тереза. — Вдвоем.

— Мне уже не хочется.

— Вы меня рано прервали, — сказала Люлю Думер. — Может быть, дальше пришли бы хорошие карты.

— Может быть.

— Похоже, вы мне не верите.

— Лу-Фифи не верит, — вмешалась Тереза, — это из-за его болезни.

— А что с вами? — спросила Люлю Думер.

— Онталгия[10], — ответила Тереза.

— Он — что?

— Онталгия.

— А что это такое?

— Экзистенциальная болезнь, — ответила Тереза, — похоже на астму, но только более изыс-

---

[9] Примечания: 9

Экарте — карточная игра из 32 карт с козырями, в которой взятки и пасы оцениваются на очки.

[10] Примечания: 10

Онталгия — неологизм onthalogie вероятнее всего образован от *гр.* on/ontos (быть, бытие) и algos (боль). Возможна и отсылка к ontologie: on/ontos (быть, бытие) и logos (учение). Онтология — раздел философии, изучающий основы, принципы бытия, мироздания и его структуру.

канная.

— Вы здорово подкованы по этой части, — сказала Люлю Думер.

— Это он мне все объяснил.

Де Цикада набивает трубку и закуривает. Его движения основательны и размеренны. Люлю Думер наблюдает за ним, а Тереза начинает раскладывать пасьянс.

— Ты откуда? — спрашивает она у Люлю.

— Из Танкарвиля[11], под Гавром.

— А-я-ис-Пари-и-и-жа, — растягивает Тереза.

Де Цикада степенно вынимает изо рта свою трубку. Он произносит:

— Из Парижа, что близ Понтуаза[12].

Выдав это, он важно вминает свой мундштук обратно в рот.

— Я ездила в Гавр один раз, — говорит Тереза, — посмотреть на море и на корабли. Забавно.

Де Цикада выдавливает изо рта свой наргиле:

---

[11] Примечания: 11

Танкарвиль — город в департаменте Приморской Сены, недалеко от Гавра.

[12] Примечания: 12

Цитата из четверостишия Ф. Вийона «Катрен»: «Je suis François, dont il me poise/ Né de Paris emprès Pontoise/ Et de la corde d'une toise/ Saura mon col que mon cul poise» («В Париже, что близ Понтуаза / Я, Франсуа, родился…» (пер. Ю. Стефанова).

Понтуаз — город в департаменте Валь д'Уаз, к северо-западу от Парижа.

— Вот именно что забавно.

Де Цикада обратно вдавливает свой чубук.

— А вот я, — говорит Люлю Думер, — представьте себе, я тоже была там всего один раз, чтобы сесть на поезд до Парижа. Я даже моря не увидела.

— А вот я, — говорит Тереза, — я знаю в Рюэйле таких людей, которые никогда не видели собор Парижской Богоматери.

Де Цикада вытаскивает свою носогрейку, отводит ее на несколько миллиметров ото рта и, выпустив дым, подтверждает:

— Точно.

Затем вновь стискивает губами свой курительный прибор.

— Здесь, в вашей дыре, не развлечешься, — говорит Люлю Думер.

— Место тихое, ничего не скажешь, — соглашается Тереза. — По воскресеньям — кино. А если захочешь потанцевать, то можешь доехать до Сюрен[13], там готовят мидий, и картошка фри вкусная. А что тебе еще надо? Я налью еще по одной?

Де Цикада утвердительно склоняет голову.

---

[13] Примечания: 13

Сюрен — город в департаменте Верхняя Сена, к западу от Парижа.

Тереза снова наполняет рюмки.

— А еще есть музей, — продолжает она, — в Мальмезоне[14]. Там полно всяких штук времен Императора. Именно туда он заслал свою Жозефину, когда она начала его доставать. Все ж какой мерзавец этот Наполевон, хотя мужики все такие. Принесут в жертву бедную женщину, лишь бы добиться почета, и даже не задумаются. Поэтому я тебе и говорю, мы, женщины, никогда не должны доверять типам с амбициями; рано или поздно такой обязательно бросит.

— А почему бы мне самой не-дабица-пачота? — вопрошает Люлю Думер.

— Говорю же, он тебя бросит.

— А почему бы не попробовать дабица-пачота одной? Я тоже желаю быть ик богатой ик-ик почитаемой.

Де Цикада вытряхивает пепел на тарелку.

— Тогда надо идти в шлюхи.

— Фигурка у нее ничего, — оценивает Тереза. — Как ты думаешь, Лу-Фифи?

Де Цикада переводит взгляд на Люлю Думер.

— Ничего, — нравоучительно изрекает он.

— А почему, — вопрошает Люлю Думер, — в

---

[14] Примечания: 14

Мальмезон — см. Рюэль. Мальмезонский замок, построенный в XVII веке, являлся резиденцией императрицы Жозефины и Наполеона I.

меня не может влюбиться какой-нибудь богатей, может, даже какой-нибудь принц? Такое же случается.

— Случается, — авторитетно подтверждает Тереза.

— Индийский принц? — спрашивает де Цикада.

— Почему бы и нет? Они самые богатые, у них белые слоны и брюлики размером с яблоко.

— Он увезет тебя к себе.

— На своей собственной яхте.

— На бело-золотой, я видела такие в бухте Коммерс в Гавре.

— У меня будут слуги, драгоценности и право на жизнь и смерть моих подданных.

— Ты там заскучаешь и захочешь обратно в Понтуаз.

— Вот еще! А потом, я смогу запросто возвращаться во Францию, когда пожелаю.

— Если этого захочет твой раджа.

— О! Он захочет то, чего захочу я.

Де Цикада смотрит на нее и улыбается.

— Голова у нее на месте, — по-отечески изрекает он и добавляет: — Такая милашка далеко пойдет.

— В Аргентину, — подсказывает Тереза.

Люлю Думер улыбается в потолок.

— Любуется своим принцем, витающим в воздухе, — комментирует Тереза.

Люлю Думер смотрит непонятно куда. Указательным пальцем она изящно скребет голову.

— У тебя что, вши? — спрашивает у нее Тереза.

Люлю Думер не отвечает: она очень далеко отсюда.

— У тебя вши? — кричит ей в ухо Тереза.

— У меня? Нет! — отзывается Люлю Думер.

— А у меня были, — говорит Тереза.

— Ну уж поменьше, чем у меня, — говорит де Цикада.

— Лу-Фифи, не хвастайся, — говорит Тереза.

— У меня тоже они были, — говорит Люлю Думер, — когда я была маленькой.

— У меня — в школе, — говорит Тереза.

— У меня — в армии, — говорит де Цикада.

— Возвращаюсь я как-то домой. А мать мне и говорит, Люлю, до чего же ты растрепанная. Причесывает меня. И что же обнаруживает на расческе? Вошь. Причем не одну.

— А мне мать все время говорила, Тереза, что ты все время чешешь голову? Потому что я действительно чесала себе голову. Наконец, она посмотрела, что у меня в волосах. Бог ты мой,

сказала мама, да ведь это же вошки!

— А я в армии как-то опускаю рассеянный взгляд на свою тумбочку.

— Меня обмазали какой-то жирной мазью, и она испачкала мне всю подушку.

— Мне выбрили наголо голову и натерли каким-то черным мылом. Было больно, я плакала. А потом надо мной смеялись девчонки, и мальчишки тоже.

— И что же я вижу на этой самой тумбочке?

— В конце концов, всех вшей извели, но потом мне пришлось спать на вонючей подушке.

— Не весело девчонке ходить с бритой головой.

— Но эта вошь была не моя, она перебежала ко мне от соседа, очень неряшливого парня, которого непонятно почему звали Трескаль.

— Странные твари, — замечает Люлю Думер. — И зачем их только Бог создал?

— Это еще что, — замечает де Цикада, — вы знаете только вшей телесных. А если бы вы, как и я, познакомились с бельевой вошью, так вот от нее, дети мои, от нее, милые мои, нет никакого избавления. Приходится убивать их поодиночке или кипятить всю одежду, а это дело нешуточное.

— Проще всего, — говорит Тереза, — давить

их ногтем.

— Они при этом хрустят, фу! — поморщилась Люлю Думер.

— Все насекомые хрустят, когда их давишь, — заметила Тереза.

— Люди тоже хрустят, когда их давишь, — заметил де Цикада. — Представь, малышка, что тебя кладут под копер, и если он на тебя упадет, ты тоже хрустнешь.

— Какой ужас! — воскликнула Люлю Думер, поправляя непослушный локон.

Тереза внимательно приглядывается к де Цикаде добрых пять минут, после чего спрашивает:

— С тобой все в порядке?

Де Цикада не отвечает. Тереза переспрашивает:

— Лу-Фифи, с тобой все в порядке?

Вот уже добрые пять минут он выглядел как-то странно. Он мрачнел. Черты его лица обострялись, удлинялись, вытягивались. Люлю Думер ничего не замечала, потому что была не в курсе.

— С тобой все в порядке, Лу-Фифи?

Он трясет головой, что означает «нет». Он дышит совершенно ненормально. Говорить не хочет. Может быть, даже не может. Может быть, даже если бы захотел.

— Хочешь, я сделаю укол?

Он трясет головой, что означает «нет». Теперь он сидит согнувшись, упираясь руками в колени.

— Зря. Ты же сам знаешь, что каждый раз все заканчивается уколом.

Она поясняет Люлю Думер:

— Он каждый раз думает, что онталгия быстро отпустит, но она не отпускает, он каждый раз надеется, ждет до последней минуты, но в итоге все равно приходится прибегать к наркотикам.

Люлю не очень врубается в то, что происходит, но ей становится не по себе. Она боится, что дядька шлепнется на пол и изо рта у него потечет слюна, как это иногда случается с людьми на улице.

Луи-Филипп де Цикада, обоими кулаками опираясь на колени, Луи-Филипп де Цикада, согнувшись, дышит просто ненормально, то есть начинает осознавать свое дыхание из-за того, что в данный момент оно работает неважно. Нельзя сказать, что он, Луи-Филипп де Цикада, задыхается, нет, так сказать нельзя, но в данный момент он удручен; в момент, последовавший за осознанием своего затрудненного дыхания, Луи-Филипп де Цикада удручен сужением легких, легочных мышц, легочных нервов, легочных

каналов, легочных сосудов, это что-то вроде удушья, но не того, что сдавливает горло, сжимает глотку сверху, а удушье, которое начинается снизу, которое охватывает одновременно с обеих сторон, это удушье всей грудной клетки, полное сковывание дыхательных путей. А теперь, а теперь становится еще хуже. Это удушье берет не за горло, как если бы мощные руки сжимали шею, нет, это удушье поднимается из мрака диафрагмы, распространяясь от самого паха до трахей, а еще это удушье тоски, крах настроения, кризис сознания. А теперь, а теперь становится еще хуже, ибо это страшнее, чем сковывание, страшнее, чем сдавливание, это — физиологическая пропасть, анатомический кошмар, метафизический ужас, возмущение, стон; сердце бьется слишком быстро, руки судорожно сжимаются, кожа потеет. Луи-Филипп де Цикада подобен рыбе, брошенной на дно лодки, он в отчаянии разевает рот, поскольку чувствует, что сейчас умрет, поскольку чувствует, что уже умирает. Но Луи-Филипп де Цикада, неподвижно застывший в кресле, заброшен в мир, где людям дышится труднее, чем рыбам, выуженным из воды, Луи-Филипп де Цикада не умрет, хотя чувствует, что умирает, он не умрет, по крайней мере, на этот

раз, он дышит все глубже и глубже, но его дыхание замирает, уже ничто не проникает в грудь, кажется, он больше не выдержит, и все же он держится. Большой атмосфере, окружающей земной шар, на котором живет Луи-Филипп де Цикада размером с вошь, этой большой атмосфере не удается, хотя он судорожно открывает пасть, беспрестанно увеличивая амплитуду, этой большой атмосфере никак не удается просочиться в его глубины, в глубины человека размером с вошь; там внутри есть маленькое пространство, куда она, большая атмосфера, не проникает вовсе, маленькое, разветвленное, словно два сросшихся дерева, пространство, которое отторгает большую атмосферу.

Тереза настаивает:

— Ну что? Сделать тебе укол?

Он что-то сипит. Кивает.

— Филонтин или ничтотин?[15]

О, ему уже все равно.

Люлю Думер смотрит на него с жалостью. Бедный дяденька, думает она, даже не в силах выбрать себе лекарство, а ведь лечение — штука серьезная. Тереза идет за шприцем и снадобьем,

---

[15] Примечания: 15

Филонтин или ничтотин? — Philontine от *гр.* philo (люблю) и ontos (быть, бытие); néantine от *фр.* néant (ничто).

Тереза идет кипятить воду. Все это время Лу-Фифи продолжает борьбу, свой одиночный бой, свои легочные маневры; обильно течет едкий пот. Взгляд Лу-Фифи уходит в такие дали, которые невозможно даже представить. Бедный, бедный дяденька, думает она, Люлю Думер.

— Готово! — кричит Тереза.

Он встает. Опираясь на стул, стол, доходит до кровати. Отстегивает подтяжки, расстегивает ширинку, задирает халат, спускает штаны, затем трусы и ложится, продемонстрировав свои ягодицы Люлю Думер, которая думает, да-а, ну и оригиналы же они здесь.

Тереза щупает ягодицу, ищет удобное место, которое в итоге находит, трет кожу ватой, пропитанной спиртом, и раз! втыкает иглу, после чего наркотик медленно вливается в кровь. Бездыханный де Цикада экзальтированно таращится в потолок; у него отсутствующий вид. Выбитый из колеи переживаемой агонией, он истекает потом и судорожно сжимает пальцы. Кажется, он сейчас умрет, судя по его глазам, он уже очень далеко. Нет, он не умрет, нет, он не умрет; проходят удручающие минуты, постепенно удушье отпускает, сжимавшийся панцирь, сдавливавший грудь, дает слабину, и время от времени де Цикаде уда-

ется глубоко вздохнуть; проходит еще несколько минут, распростертый плашмя де Цикада дышит более или менее нормально, в забитых слизью легких начинает свистеть и булькать. Лу-Фифи лежит молча и неподвижно.

— Оставить тебя одного? — спрашивает у него Тереза.

Он закрывает глаза, затем их снова открывает, торжественно. Тереза накрывает его одеялом. Уводит Люлю Думер.

Из комнаты Терезы видны бурлящие и блестящие парижские холмы, Люлю Думер смотрит и заявляет:

— Как здесь классно! Провинция может отдыхать.

Тереза достает из-под кровати бутылку шартреза[16].

Протягивает Люлю Думер маленькую чашечку, себе наливает в стакан из-под зубной щетки.

— Сколько сейчас времени? — спрашивает Люлю Думер.

— Одиннадцать часов.

— Уже одиннадцать. И часто тебе приходится

---

[16] Примечания: 16

Шартрез — ликер от 42° до 71° на травах (мелисса, иссоп, ангелика…), изготавливаемый по рецепту монахов картезианского ордена в Вуароне (Франция) и Таррагоне (Испания).

его колоть?

— Говори тише, не то разбудишь. Когда он чувствует, что болезнь подступает, или когда я ему нужна, он стучит в стенку, и если я здесь, то иду к нему. Но обычно его прихватывает ночью, а ночью я почти всегда здесь.

— Он тебе платит?

— Он делает мне маленькие подарки, но я бы ухаживала за ним и без этого. По-дружески.

— А что с ним происходит? Штрангулеты[17]?

— Что?

— Штрангулеты. Так это называется у нас в Танкарвиле, в районе Нижней Сены.

— Нет, эта болезнь вряд ли известна вашей деревенщине, поскольку она совсем новая, к тому же экзистенциальная.

— А как ты можешь это объяснить?

— Говорю же тебе, экзистенциальная. Название известно, а вылечить невозможно.

— А вши — тоже болезнь?

— Может быть. Не исключено, что тоже экзистенциальная. Надо спросить у доктора.

— Что бы там ни было, но, судя по всему, бедный старик ужасно страдает.

---

[17] Примечания: 17

Штрангулеты — estranguillons искаж. от *фр.* strangulation (странгуляция, удушение).

— Он не такой уж и старый.

— А кто он по профессии?

— Поэт.

— Как Малларме?

— Да.

— Такой же знаменитый?

— В Рюэйле — очень известный, в Нантере[18] и Сюрене — чуть меньше.

— Слушай, а это правда, то, что я прочла в картах?

— Да. Жена его бросила, но не ради другого мужчины.

— А ради чего?

— Подумай.

— Я даже не знала, что такое бывает.

— Да уж, пакость, конечно, но на белом свете чего только не бывает.

— А он все еще любит ее, ну, ту женщину?

— Похоже на то.

Раздается глухой стук в стену.

— Он меня зовет, — сказала Тереза.

Они допили шартрез.

— Извини, малышка, — сказала Тереза, — пойду посмотрю, что ему от меня надо.

---

[18] Примечания: 18

Нантер — город в департаменте Верхняя Сена, к западу от Парижа.

Они вышли. Люлю Думер пошла к своей комнате, Тереза вошла к де Цикаде. Лампа у изголовья освещала лицо утопленника, которого вытащили на берег. Де Цикада закрыл глаза.

— Плохо, да? — тихо спросила Тереза.

Де Цикада даже не пошевелился.

— Лу-Фифи, — вполголоса позвала Тереза.

Де Цикада открыл глаза.

— Плохо, да?

— Морфин, — произнес де Цикада.

— Ты хочешь, чтобы я тебя прикончила?

— Морфин, — произнес де Цикада.

— Не хочешь подождать? Может, пройдет само?

— Морфин, — произнес де Цикада.

— Хорошо, сейчас мы тебя доконаем.

— Спасибо, — прошептал де Цикада и устроился поудобнее, вытянувшись во весь рост в расширившемся от укола, экстатическом пространстве.

Наутро у него внутри еще что-то хрипит, нечто с металлическим, вернее, с металлоидным, чуть ли не с серным привкусом, а солнышко уже плывет высоко в небе. Де Цикада, напевая, встает, к раковине идет, наспех умывается, гигиена это не для поэтов, тщательно и изысканно одевается,

выходит и недоверчиво принюхивается к свежему воздуху; решается наконец на улицу, в меру проворно, приветствует людей направо-налево, входит в кафе к Артюру, приличное, кстати, заведение, подсаживается за столик к уже сидящему там Сердоболю[19], поскольку тот всегда платит за выпивку, они поздравляют друг друга с хорошей погодой в такой и до чего ж славный денек и заказывают самый крепкий аперитив, известный на тот час.

— Как поживают твои носки? — спрашивает де Цикада.

— Скорее неплохо, — отвечает Сердоболь, который их производит и не имеет на этот счет никаких предрассудков.

Когда-то давным-давно Сердоболь породил на свет оду, одну-единственную оду — было ему лет восемнадцать, он взял в руки перо и целый месяц корпел над восьмисложниками, — с тех пор питал слабость к искусствам, благоговел пред поэзией, пред интеллектуалами, а посему восхищался де Цикадой тем паче, что тот был, похоже, единственным великим человеком в Рюэйле, пусть и не слишком знаменитым, поскольку сла-

[19] Примечания: 19

Сердоболь — фамилия трикотажника L'Aumône дословно переводится как «милостыня» или «подаяние».

ва его, судя по всему, не простиралась за пределы этого посредственно пригородного местечка.

— Коль носки поживают неплохо, то неплохо и все остальное, — изрек де Цикада.

— Черт возьми! — рассмеялся Сердоболь. — Носок — один из признаков общественного процветания.

— Прекрасно! — воскликнул де Цикада. — Прекрасно, Сердоболь! А как же поэзия?

— Оставляю ее вам, де Цикада. Вы прекрасно знаете, что я всего лишь бедный мелкий производитель, заурядный буржуа.

Сердоболь искренне восхищался представительностью собеседника, изяществом его плаща, белизной гетра, узлом галстука, длиной волос, шириной черного фетра.

— Ну-ну, только без ложной скромности. Уж один-то сонет вы наверняка породили за свою жизнь, нет такого человека, который бы не породил сонета за свою жизнь, хотя бы одного, даже в наше время полного поэтического маразма.

Сердоболю ничего не оставалось, как сознаться в своей оде.

— Вот видите! — воскликнул де Цикада. — Вы должны мне ее показать.

Сердоболь ее давно кремировал.

— Жаль, — выдал де Цикада.

— Я же знаю, что она ничего не стоила, не то что ваша, та, которую вы написали о лесах Сен-Кукуфа[20] и Императорской дороге. Здорово!

— Приятно слышать.

— А ваша эпикалама[21] на свадьбу мадемуазель Предлаже и младшего Морельена из «Морельен Младший и К°», до чего же это было трогательно!

— Старался по мере сил.

— А эклога[22] о ресторанчике папаши Вош: просто умора!

— Должен признать, она пришлась кстати.

— Вы можете писать стихи на любые темы.

— Даже о носках. Носок тоже достоин воспевания.

— Интересно, как к вам приходит вдохновение?

---

[20] Примечания: 20

Лес Сен-Кукуфа — лес в окрестностях Рюэйля. Ассоциируется с *фр.* сиси (болван, дурень; задница) и cocufier (наставлять рога).

[21] Примечания: 21

Эпикалама — epicalame искаж. от épithalame (эпиталама), т. е. поздравительное стихотворение к свадьбе. Неологизм мог быть образован от *фр.* épique (эпический) и *лат.* calamus (отточенная тростинка, которую в древности использовали для письма).

[22] Примечания: 22

Эклога — один из видов античной буколической поэзии; стихотворение, схожее с пасторалью, часто в виде диалога между пастушком и пастушкой.

— Обычно когда я сдерживаю мочеиспускание.

— А что, это как-то связано?

— Непосредственно. Напряжением.

Тут подходит Предлаже. Он садится за их столик, поскольку тоже знает о привычке Сердоболя угощать выпивкой местных интеллектуалов. Предлаже — энтомолог. Все поздравляют друг друга с хорошей погодой в такой и до чего ж славный денек, и Предлаже заказывает самый крепкий аперитив, известный на тот час.

— Возвращаясь к разговору обо мне, — заявляет де Цикада, — я — живой парадокс.

— Прокомментируйте нам это заявление, — просит Предлаже.

— Хорошо! Вопреки пословице «нет пророка в своем отечестве», я здесь пользуюсь авторитетом. Мною восхищаются. Мною восхищается мэр. Мною восхищается помощник мэра. Мною восхищается главный редактор «Рюэйльских хроник». Мною восхищается Сердоболь. Мною восхищается Предлаже. Мною восхищается бакалейщик. Мною восхищается лесник. Мною восхищается весь Рюэйль, и даже Нантер, Сюрэн и Курбевуа[23]. Увы, как только переезжаешь Сену, там я уже

[23] Примечания: 23

Курбевуа — город в департаменте Верхняя Сена, к северо-западу от Парижа.

никому не известен, а поэты тех областей меня и знать не хотят. Например, при упоминании моего имени поэты Парижа и даже Нейи[24] усмехаются, что, впрочем, с ними никогда не случалось раньше; они даже смеяться не умеют — невежи!

— Мы живем так далеко от столицы, — произносит Сердоболь.

— Да и потом, подобно Юлию Цезарю, я предпочитаю быть первым в Рюэйле, чем каким-нибудь — цатым-сятым в Париже.

— А почему бы вам не стать первым и в Париже? — восторженно восклицает Сердоболь.

— Явился! Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени?! — спрашивает жена.

— Действительно, запоздал. Представь себе, лапушка, я засиделся у Артюра, аперитивничая с де Цикадой.

— Общение с богемой тебе явно не на пользу. А теперь еще и рожа как у алкоголика!

— Тсс, тсс! Здесь же ребенок. Здравствуй, Жако!

---

[24] Примечания: 24

Нейи (Нейи-сюр-Сен) — город в департаменте Верхняя Сена к северо-западу от Парижа.

II

Жако отвечает классическим «Здравствуй, папа»; выбегает горничная с традиционным «Кушать подано».

— Представь себе, — продолжает Сердоболь, — в самый разгар разговора де Цикада заявляет «носок тоже достоин воспевания», как это мило с его стороны, ты не находишь?

— И что это значит?

— А это значит, лапушка, что я предложу ему написать маленькое стихотворение, прославляющее мои носки. Заплачу ему, скажем, луидор[25].

— Ты с ума сошел! Двадцать франков! Чтобы покрыть эти расходы, сколько же придется продать носков?

— Но подумай, ведь это стихотворение самого де Цикады. Жако, не клади локти на стол и скажи мне, какой вид стихотворения я мог бы у него попросить?

---

[25] Примечания: 25

Луидор — старинная французская золотая монета достоинством в 20 франков.

— Например, рондо[26].

— Расскажи-ка нам, что это такое.

— Рондо — это стихотворная форма, подчиняющаяся жестким правилам: тринадцатистишие с двумя повторяющимися рифмами и паузой в пятой и восьмой строке, где начальное слово или начальные слова повторяются после восьмой и тринадцатой строки, но сами полноправной строкой не являются.

— До чего умный ребенок! — восклицает Сердоболь. — Не удивительно, что ты всегда первый в классе по грамматике.

— Может, это и стоит луидора.

— Можешь не сомневаться, я семь раз отмерю толщину кошелька, прежде чем отдать деньги.

— А вот сочинит тебе какую-нибудь глупость — и плакал твой луидор.

— Сначала пускай покажет. Хотя этот де Цикада все-таки талантлив. Почитай его эпикаламу

---

[26] Примечания: 26

Рондо — от *фр.* rondeau — форма стихосложения в средневековой поэзии, основанная на двух рифмах и обязательном повторении одних и тех же строк в определенных местах. Самая употребительная структура — восьмистишие abaaabab, хотя существовали и более сложные построения в тринадцать, пятнадцать и даже двадцать одну строку.

на свадьбу мадемуазель Нузьер[27] и молодого Морельена из «Морельен Младший и К°».

— …-таламу, — поправил Жако. — Та-, папа, не ка-, а та-, папа!

— Да ты у нас просто юный ученый! — восторженно воскликнул Сердоболь.

После закуски подоспело пареное первое, затем жареное второе. Их почтили-с вниманием-с.

— Все это, конечно, хорошо и прекрасно, — заявила мадам Сердоболь, — но ведь он ничего не смыслит в трикотажном деле, твой поэт. Он хоть знает, как изготавливаются носки? Он хоть знает, что у нас за клиентура? Готова поспорить, что нет.

Сердоболь пережевывает свои раздумья.

— Возможно, лапушка, ты и права. Я мог бы дать ему какие-нибудь указания в письменном виде, но боюсь, это его заденет.

— Но ведь надо его ввести в курс дела.

— Он благородных кровей. Не только поэт, но еще и дворянин.

---

[27] Примечания: 27

Нузьер — фамилия ассоциируется с Виолеттой Нозьер (1915–1966), которую в 1934 году обвинили в отравлении родителей, приговорили к смертной казни, помиловали, осудили на 10 лет тюремного заключения и реабилитировали в 1963 году. Эта история получила свое отражение в произведениях многих сюрреалистов, которые восхищались поступком девушки как примером борьбы с отцовским авторитетом.

— У него есть титул?

— Он — граф, лапушка. Граф.

— Граф де Цикада? — осмелился спросить Жако.

— Да, сын мой, и очень древнего рода, который восходит к Нуа и Бруа[28].

Все же удивительно, что он, Жак Сердоболь, не граф, не герцог и не принц. Ничто не мешает ему в один прекрасный день стать Папой Римским, королем Франции или великим ламой, но все же поразительно, что он не родился ни герцогом, ни графом, а почему, кстати, почему, собственно говоря, не. В графстве, например, нет ничего такого уж сенсационного, ведь де Цикада — граф, хотя и разгуливает по улицам Рюэйля со всем своим поэтическим реквизитом за исключением непонятно где припрятанной лиры. Жако считает, что этот граф просто смешон, Жако полагает, что дворянский титул подошел бы лучше ему самому, чем этому дядьке, Жако всегда ощущал себя аристократом. Вот почему, когда однажды, встав из-за стола не дотянув (-шись) до десерта, он прошмыгнул в кабинет матери, вскрыл ее

[28] Примечания: 28

Нуа и Бруа — фамилии несуществующих аристократических династий; Noyes — от *фр.* noyer (тонуть) и Broyés от *фр.* broyer (дробить).

секретер и обнаружил корреспонденцию, явно доказывающую его, Жако, внебрачное и де-цикадное происхождение, он ничуть не удивился. Таким образом, оказывалось, что он сродни Бруа и Нуа. С некоторой генеалогической натяжкой эта линия связала его с герцогами де Сен-Симон[29], от них — с королевскими бастардами[30], а в итоге и с самим Филиппом Красивым[31], который в качестве предка нравился Жаку Сердоболю больше всех. А там уж было совсем недалеко и до Гуго Капета[32]. Таким образом, в нем, Жаке Сердоболе, текла не просто голубая, а прямо-таки королевская кровь. К своему совершеннолетию он получает в наследство замок Амбуаз[33] и в скором времени женится на дочери итальянского короля. Тем временем граф Парижский[34]

---

[29] Примечания: 29

Сен-Симон — герцог де Сен-Симон, Луи де Рувруа (1675–1755), автор «Мемуаров» (1694–1753), описывающих нравы двора при Людовике XIV и времен Регентства.

[30] Примечания: 30

Королевские бастарды — т. е. незаконнорожденные наследники, ставшие королями, как, например, Вильгельм Завоеватель (1066) или Великий Бастард Антуан Бургундский (1405).

[31] Примечания: 31

Филипп IV Красивый (1268–1314) — король франков с 1285 по 1314 г.

[32] Примечания: 32

Гуго Капет — Гюго I, герцог, король франков (941–996). Окончательно отстранил от власти Каролингов и, объявив себя королем (987), основал прямую династию Капетингов.

[33] Примечания: 33

Замок Амбуаз — замок на реке Луаре, построенный в XV веке.

[34] Примечания: 34

Граф Парижский — верховный правитель Парижа (обычно наследник престола или король).

признает его право на корону, отрекается в его пользу, происходит смена власти, и вот уже он, Жак Сердоболь, возносится на престол Франции под именем Жака Первого, родоначальника и основателя династии Сердоболингов. Его коронуют, как короновали Карла X и Карла VII[35], чьи миропомазания по-разному освещаются в учебниках по истории Франции. Но в этот момент отец — не тот, настоящий, де Цикада, а этот, фальшивый, Теодор Сердоболь, — вздыхая над ванильным муссом, произносит:

— Как только подумаешь, что этому несчастному де Цикаде, поэту и дворянину, жена наставила рога, да еще таким оригинальным образом…

— Тсс! Тсс! При ребенке!

Жако опускает голову, разумеется, ему известно значение этого выражения, и уж конечно, ему их никогда не наставят, эти рога. Итальянская принцесса, например, ему верна. Она любит его безумно. Король Италии умирает, и он, Жак, естессно, вступает в наследство и становится

[35] Примечания: 35

Карл X, граф д'Артуа (1757–1836), потребовал для себя чрезмерно пышную и церемонную коронацию (Реймс, 1824). Карл VII, граф де Пуатье, герцог Туренский (1403–1461), оттягивал дату коронации и решился на нее по настоянию Жанны д'Арк (Реймс, 1429).

кёнигом[36] ломбардов. На этот раз его коронует уже сам Папа Римский, причем не где-нибудь, а в Риме, как Карла Великого[37]. Он превращает остров Эльба в независимое королевство с бонапартистским наместником и дарует Корсике независимость; становится ее королем под именем Жакопо Примо. И тут узнает, что, несмотря на его тройную корону, итальянская принцесса ему изменила. Она завела себе любовника, некоего генерала, какого еще генерала? ну, какого-то там генерала, генерала императорской гвардии, маршала Пастореля[38], почему Пастореля? а почему бы и не Пастореля? Однажды он, Жак, возвращается с охоты и застает их вдвоем под цветущей яблоней; выстрелом из карабина он убивает вояку, после чего стреляет вслед убегающей супруге.

---

[36] Примечания: 36

От *нем.* König (король). Ломбарды — германские племена, захватившие к VI веку почти всю северную Италию и основавшие государство, состоявшее из феодальных княжеств. В VIII веке ломбарды пытались завоевать остальные итальянские территории, но в битвах за Рим потерпели поражение и в 774 году были окончательно свергнуты Шарлеманем.

[37] Примечания: 37

Карл Великий (742–814), основатель Римско-германской империи.

[38] Примечания: 38

От *фр.* pastourelle — пасторель, жанр буколической поэзии, пастушья песнь; обычно диалог между кавалером и пастушкой, а также четвертое движение в кадрили.

Итальянская принцесса с изувеченным крупной дробью задом удаляется в монастырь, где и остается до скончания своих дней. И ночей. Честь спасена. Ха-ха.

— Ты чего это разулыбался? — спрашивает у него мать.

— Не знаю, мам.

— Порой я задумываюсь, а может, мальчишка немного того?

— Да ты что, лапушка, как ты можешь такое говорить? У тебя в роду никогда не было сумасшедших, у меня — тоже.

Вот уж не повезло так не повезло — ведь, чтобы стать гением, нет ничего лучше, чем гены придурковатого дяди или полоумной бабки. Хи-хи.

— Ну вот, теперь он уже давится со смеху.

— Оставь ребенка в покое, лапушка. Ты зря его мучаешь.

— Пап, — произносит Жако.

— Да, сын мой.

— Можно я пойду в кинематограф?

— Ты уроки сделал?

— Да, пап.

— Тогда иди в кинематограф, сын мой.

— И не болтайся там после сеанса, — напоминает мать.

На улице его уже ждал Люка.

Они пустились в путь ровным шагом, а потом забавы ради стали маршировать в ногу.

— Раз-два, раз-два, — командовал Люка.

— Стой! — крикнул Жако.

Они остановились, щелкнув каблуками, и отдали честь.

— Вперед, шагом арш! — гаркнул Жако.

— Раз-два, раз-два, — отсчитывал Люка.

Дойдя до центральной улицы, они перешли на обычный шаг, так как не хотели, чтобы другие ребята над ними смеялись. Такие игры им были уже не по возрасту.

Они подошли к «Рюэйль-Палласу». Возбужденные подростки толпились у входа, дожидаясь, когда начнут запускать.

— Во, должно быть, классно! — переговаривались они, разглядывая афиши.

Дочка Бешю[39] начинает продавать билеты по десять и двадцать су[40]. Дети толкаются. Дикой ватагой бросаются на лучшие места, поближе к

---

[39] Примечания: 39

Бешю — фамилия Béchut образована от *фр.* bêcher (копать, рыть; набрасываться, накидываться; важничать). Возможно, аллюзия на sirop béchique (сироп от кашля).

[40] Примечания: 40

Т. е. по 50 сантимов и по 1 франку; су — старая монета достоинством в пять сантимов.

экрану, как будто все близорукие. Перекликаются, так как все друг друга знают. Кто-то балуется, кто-то уже дерется. Жак и Люка тоже бегут к первым рядам.

Наконец под аплодисменты присутствующих появляется мамаша Бешю; она садится за старое пианино и принимается терзать дюжину фальшивых нот в верхнем регистре, исполняя какой-то дерганый и разнахляпистый[41] музыкальный отрывок, который когда-то был, наверное, очень популярным. Начинается документальный фильм про лов сардины. Смотреть документалку детям скучно, да еще как. Тем более что терпения у них ни на грош. Зал возбуждается, поднимается гвалт и крик, так что немногочисленные взрослые теряют возможность насладиться Бешюевыми гармониями, даже если бы им, пентюхам, этого хотелось. Потом в атмосфере общего галдежа сардины уплывают с экрана. Зажигается свет. Дети вертятся, перестреливаясь шариками жеваной бумаги и липкими карамельками. Наконец свет снова гаснет. Воцаряется тишина. Начинается первый фильм.

---

[41] Примечания: 41

Разнахляпистый — неологизм pimprené — от *фр.* pimprenelle (растение кровохлебка, черноголовник) и от *ст.* — *фр.* pimper (украшать, наряжать).

На экране появляется огромный белый конь и сапоги всадника. Пока еще не понятно, что к чему, мамаша Бешю душераздирающе молотит по клавишам раздолбанного инструмента, а Жак и Люка уже обеими руками вцепились в свои сиденья, как будто превратившиеся в то огромное планиметрическое седло, что тряслось у них перед глазами. Итак, показывается грива однокопытного, показываются штаны в сапоги обутого, затем показываются пистолеты, заткнутые за пояс в штаны одетого, затем показывается мощная грудь колесом обладателя огнестрельного оружия, затем показывается и физиономия персонажа, бравого молодца, крутого парня, которому человека убить все равно что вшу раздавить, и Жако, ничуть не удивившись, признает в нем самого себя, Жака Сердоболя.

Как же он там очутился? Да очень просто. После отречения от престолов по одному ему известной причине Жак граф де Цикада покинул Европу, оказался в Америке и в этих далеких широтах поначалу избрал для себя закононепослушный род деятельности.

В данный момент, например, застыв на скалистом гребне, возвышающимся над прерией, он окидывает зорким взглядом пейзаж и замечает

там, на горизонте, что-то пока еще непонятно что. Он делает величественный, чисто декоративный жест, который перечеркивает экран, обещая необычные приключения; нетерпеливо бьющий копытом конь срывается в галоп.

Они несутся по склонам, невероятно отвесным, так как камеру, не предупредив зрителей, задрали объективом вверх. Они перепрыгивают неожиданные препятствия, перелетают через ручьи. Они выскакивают на узкий мостик без перил, связывающий два обрывистых берега горной речки, но у Жака совсем не кружится голова, когда в ста метрах под собой он видит бурлящий поток. После этого перехода, который (в принципе) противоречит всем законам равновесия, наш герой грозно мчится навстречу фургону с запряженными двумя-а-может-тремя мулами, которых погоняет какой-то старик.

Руки вверх, старикашка подчиняется, но тут — о, чудо! — из фургона вылезает прекрасная и невинная светловолосая дива, и черно-белый кинематограф вынужден признать себя бессильным, поскольку не способен передать небесную лазурчатость ее очей. Жак, мужчина галантный, не причинит барышне ни малейшего зла, как, впрочем, и дряхлому стручку, который оказы-

вается ее папенькой. Напротив, Жак будет их защищать. Он сопровождает фургон, гарцует вокруг красавицы, которая начинает привыкать к обществу кавалера. Папаша пытается совладать с эмоциями, заливая глотку уисками; задорный старикан сохранил еще живость в членах и не торопится на тот свет.

Как вдруг — а именно этого все опасались и ожидали — из засады за скалой показываются пятеро или шестеро плохишей. Руки вверх, вопят они, но Жак не теряется: он спрыгивает со своего коня, пусть говорит оружие! Оно не говорит, оно свистит! Нет, не оно, а пули! Свистят. Во всяком случае, один из злоумышленников уже растянулся плашмя: попытался высунуться из укрытия, и хлоп! отдал концы. Второй — не менее странная прихоть — решил перебежать на другое место. Наш герой достает его своим проворным свинцовым жалом, и головорез с ужасной гримасой валится на землю. Готов. Юная особа, укрывшись за фургоном, пускает в ход компактный и элегантный карабин. Один из злодеев — верзила с черными усами — тщательно целится в Жака Сердоболя, бабах! выстрел красавицы-блондинки вырывает ему кусок бицепса. Этот подвиг заставляет агрессоров отступить.

Приходит время взаимных поздравлений, и тут вдруг обнаруживается, что старикан-то откинул копыта. Умудрился схлопотать прямо в будку. Вся физия утыкана свинцовой дробью. Его остается только похоронить.

Его хоронят.

Но что же будет с ней, очаровательной сиротой по имени Дэйзи, еще более привлекательной с влажными от слез глазами. Теперь, как никогда, ей требуется защитник, а поскольку она хотела бы добраться до г. Хьюстона (Техас), где проживает ее брат, Жак предлагает себя в провожатые.

Дэйзи согласна, но когда они добираются до города — тут уж не обессудьте, пора и честь знать. Жак подчиняется: вот что такое галантность — либо она есть, либо ее нету. Ладно. Впрочем, девушка, несмотря на свою невинность, не робкого десятка и на чересчур дерзкие предложения способна ответить точным выстрелом (прямо в репу). Она спрашивает, где ее осиротевший (но пока еще не ведающий этого) брательник. Ей говорят, в баре. Она не раздумывает ни секунды. Несмотря на дурную репутацию подобных заведений, она толкает дверные створки и заходит внутрь. Бар оказывается местом суровым. Он огромен и шумен, там пьют пойло, прожигающее

нутро; находящиеся там мужчины — сплошь стервозные мерзавцы, а коротко одетые женщины в блестках — мерзкие стервы.

Девушка повсюду ищет брата. Она решает обратиться к хозяину заведения. Вот этот, наверное, хозяин: в сером рединготе и с огромными усищами, что отросли чуть ли не до самого пуза. «Простите, сударь, вы не видели моего брата, сироту Билли?» Хозяин не прочь вникнуть в проблему, он выспрашивает подробности с нескрываемым интересом: сразу понятно почему. Еще один сатир. Пройдите-ка сюда, в уголочек, говорит он барышне, посмотрите, не он ли это, где же он мог спрятаться. Эй, малыш, малыш! Дева следует за ним. Негодяй закрывает дверь каморки и с вожделением раскатывает губищи. У! Подлая образина! Малышке наверняка пришлось бы туго, если бы туда якобы случайно не ворвался Жак. Ударом каблука по темени он вырубает вероломного трактирщика. Тот прикусывает ус и скрипит зубами. Нетрудно догадаться, что просто так он этого не спустит и задумает какую-нибудь редкостную пакость.

Жак галантно кланяется: «Чем могу услужить, сударыня?» Дэйзи улыбается и отвечает: «Я ищу своего брата, сироту Билли». Билли? Еще бы он

его не знал! Но, увы, у брата дурная репутация. Жак показывает сестре бесстыдного братана. Билли пьянствует на втором этаже, а у него на коленях сидит какая-то кокотка. Какой ужас, восклицает наша юная героиня. Жак выдергивает несчастного сироту из притона, и это еще одна причина и повод для павильонной заварухи.

Все вроде бы улаживается: Жак дарит Дэйзи ранчо, что позволяет малышке щегольнуть на новоселье в широких брюках и белых сапогах.

Но трактирщик так и не сумел переварить публичное оскорбление, нанесенное ему основателем династии Сердоболингов. Он нанимает нескольких апачей и подключает их к операции. Они похищают девушку, и Жак вместе с по-прежнему непросыхающим брательником бросается в погоню. Минут пять они галопируют, минуты три длится потасовка, в итоге он вызволяет красотку, но женитьба его не очень устраивает, так как заканчивать историю еще рано, и он предпочитает получить смертельную пулю, с большой вероятностью последующего воскрешения[42].

---

[42] Примечания: 42

Просмотренным вестерном, возможно, был «Зеленоглазый парень» (1919) или «Ради спасения рода» *(The Aryan,* 1916), немой фильм с Вильямом С. Хартом в главной роли, «двуствольным Биллом», известным во Франции под именем Рио Джима и ставшим прототипом всех последующих *good-bad-man* на экране.

— Ну как, Жако, тебе понравился этот прекрасный фильм?

Жако оборачивается. Сзади сидит де Цикада.

— Да, мсье, — ошарашенно отвечает он: ни фига себе, вот он, внебрачно-предполагаемый и титулованный папаша.

— Ты любишь кинематограф?

— Да, мсье.

— Я — тоже. Это искусство — а кино, несомненно, является искусством — позволяет нам забыть о превратностях жизни.

— Да, мсье.

— Хочешь леденец?

— Да, мсье.

— А твой товарищ?

— Да, мсье, — отвечает Люка.

Де Цикада покупает три леденца, один из которых для себя.

— Спасибо, мсье, — благодарят дети.

Де Цикада продолжает разглагольствовать:

— Когда я смотрю фильм, подобный тому, что мы сейчас просмотрели, я каким-то магическим и уж во всяком случае трансцендентальным способом переношусь на экран и осознаю себя одним из героев истории, рассказываемой нам при помощи плоских, но подвижных картинок.

Дети переглядываются.

— Например, в фильме, который только что был явлен нашим зрительным отверстиям… Вот, например, кем из этих персонажей представлял себя ты, Жако?

Жако в растерянности. Вопрос ему кажется ужасно нескромным, и он пытается уклониться от признаний.

— Парнем, который умирает в конце?

— Да, мсье.

— А ты, малыш?

— Я тоже, мсье, — отвечает Люка.

— А вот я, — заявляет де Цикада, — я был Дэйзи.

Он задумчиво сосет свой леденец. Дети переглядываются.

Внимание! Звенит звонок. Антракт заканчивается, в воздухе пролетают последние недососанные леденцы, то тут, то там раздаются запоздалые крики, наконец свет гаснет, и в полной тишине начинает разворачиваться история изобретателя, которого, с одной стороны, обманула жена, а с другой стороны, провели бессовестные прохвосты, овладевшие результатом его открытий. Это всерьез интересует Жака Сердоболя, так как он и сам инженер, который работает над целым рядом

сенсационных открытий. После киносеанса он спешно возвращается в свою лабораторию и с еще большим азартом принимается за работу. Его-то уж не проведут, так как он уже научен горьким (чужим) опытом: как можно после этого отрицать пользу немого искусства. Он работает, работает, работает. Даже больше того! Его мозг кипит, бурлит, и вот, в один прекрасный день, ррраз — и вдруг эврикнулось, вот оно, нашел! Нашел что? Да то, что тяжелее, чем воздух, но в нем удерживается.

Он первым пересекает Ла-Манш на аэростате, первым налаживает воздушное сообщение между Парижем и Нью-Йорком, первым облетает весь земной шар. Будучи себе на уме, к тому же наученный горьким (чужим) опытом, он регистрирует кучу патентов, а значит, эксклюзивно производит воздухоплавательные аппараты, организует их серийное производство, становится триллионером, а следовательно, самым могущественным человеком на свете. Он вновь восходит на трон Сердоболингов, и в конце концов его провозглашают Управляющим Земным Шаром. Рогоносный, непризнанный и разоренный изобретатель умирает.

Зажигается свет.

— Что, нюни распустил? — спрашивает Люка.

— Я?! Шутишь? — шмыгая носом, отвечает Жако.

— Ну как, понравилось? — спрашивает его мать.

— Да, мам.

— Что ты смотрел?

— Наверняка какие-нибудь глупости, — обрывает Сердоболь. — Не понимаю, зачем ты вообще спрашиваешь. Кино это сплошная глупость. Только дети и смотрят.

— Сзади меня сидел мсье де Цикада, — произносит Жако.

— Де Цикада?!

— Да, пап. Он ходит в кино два раза в неделю.

— Де Цикада?!

— Да, пап. И к тому же это ему очень нравится. Он предпочитает фильмы о фаруэсте[43] и еще те, где показывают кровавые преступления. Он сам мне сказал.

— Ну и ну! Никогда бы не подумал, что де Цикада…

— Вот видишь, — говорит мадам Сердоболь, — как часто можно ошибаться в людях.

---

[43] Примечания: 43
От *англ.* farwest (Дикий Запад).

Жако чешет макушку.

— Ты там вшей хотя бы не подхватил? — спрашивает мать.

— Нет, мам. Вроде нет.

— В твоем кино должно быть полно всякого отребья.

— Я же тебе говорю, мама, туда ходит мсье де Цикада.

— Подцепить вшей может кто угодно, — говорит Сердоболь. — Вот я, например…

— Знаем, знаем, — обрывает супруга. — Ты их подцепил в армии.

— Гниды! Они до того меня довели, что я просто рассвирепел. Как поймаю какую-нибудь, да как зацеплю ее меж ногтями, и хрррусть, давай ее мучить до наступления смерти. Ах, мерзкие твари!

— Ой, пупсик, до чего же ты у меня кровожадный!

— Что бы там ни было, я считаю, Жаку предпочтительнее в этом зрелищном зале больше не появляться.

— Но ведь у меня нет вшей!

— Посмотрим, посмотрим.

— Пап, неужели запретишь?

— Я подумаю. Подумаю. Во всяком случае, следующее воскресенье ты проведешь с нами и

Маньенами. Мы поедем на прогулку в лес.

— Ну вот!

Сначала он дуется. Старшей сестре, Доминике, начхать, она всем своим видом демонстрирует свою взрослость. Зато Камилла обижается. Потом они отстают от взрослых. Идут молча.

Под деревьями растут какие-то маленькие цветочки, бледненькие, на коротких стебельках. Камилла срывает один из них и сует Жако под нос:

— Понюхай!

Жако ответственно шмыгает носом.

— Не пахнет, — говорит он.

Она срывает другие. Он рассеянно за ней наблюдает.

— Ты не поможешь мне? — спрашивает она.

Он подключается к поискам, которые его мало интересуют. Камилла уже успела набрать целый букет.

— Красивые, — говорит она. — Голубые.

— Тебе идет, — говорит Жако.

— Какой ты галантный.

Для солидности Жако вытаскивает из кармана большой складной нож с пилками, крюками и отвертками. Раскрывает большое лезвие и принимается элегантно чистить себе ногти.

— Что ты думаешь о моей сестре? — спрашивает Камилла.

Он решительно запускает свою финку в ствол дерева, но промахивается — оружие падает на землю.

— Плевать я хотел на твою сестру, — говорит он, поднимая нож.

— Сядем? — предлагает Камилла.

Они нашли подходящее местечко. Жако очистил свой участок земли от веточек, которые могли бы создать неудобство для сидения, и уселся. Камилла плюхнулась возле него. Ай! взвизгнула она, после чего принялась вытаскивать из-под себя сучки и камешки и отбрасывать их вдаль. Жако несколько раз вонзает свой кинжал глубоко в перегной — сразу чувствуется запах плоти погибших грибов, — затем, передумав, подбрасывает холодное оружие и ловит его плашмя на ладонь.

— Ты порежешься, — говорит Камилла.

Он даже не пожимает плечами.

— Ты порежешься, — повторяет Камилла.

Он кладет растопыренную пятерню на землю и принимается быстро втыкать нож между пальцами.

— Не хочу даже смотреть, — говорит Камилла.

Она отворачивается. Жак прерывает свою игру.

— Ты ходил в кино на этой неделе? — спрашивает она.

— Да. В четверг. А если бы меня не упекли на прогулку с твоими родителями, то пошел бы и сегодня.

— То, что ты сейчас сказал, не очень-то любезно по отношению ко мне.

— Признайся, ведь невесело гулять с предками.

— Да, но ведь здесь я!

— Да, конечно. Но если бы не ты, какая скучища, какая скучища! К счастью, не все воскресенья такие. На следующей неделе в «Рюэйль-Палласе» будут показывать стоящий фильм, про преступления Борджии[44].

— А о чем это?

— О папах, куртизанках и отравлениях.

---

[44] Примечания: 44

Скорее всего, это один из немых итальянских фильмов: «Борджии» (реж. Гулио Антаморо, 1918), «Династия Борджия» (реж. Луиджи Карамба, 1920) или «Цезарь Борджия» (реж. Энрико Гаццони, 1920). Французская (звуковая) картина «Лукреция Борджия» (реж. Абель Ганс) появилась намного позднее, в 1935 году. Цезарь Борджия (1475–1507), архиепископ Валенсии, кардинал в 16 лет, жестокий и вероломный политический деятель, пользующийся покровительством своего отца, папы Александра VI. Цезарю Борджии приписывают многочисленные преступления, он послужил прототипом главного персонажа книги «Принц» Макиавелли.

— Да ты что!

— Говорю тебе. Эту историю я знаю и уже видел афишу. Так что могу себе представить.

— Я бы хотела посмотреть.

— Хочешь, я свожу тебя тайком?

— Ой, нет! Я боюсь. Если об этом узнают, мне влетит.

— Ну тогда сиди дома. Ты никогда не узнаешь, как Папа Римский ухитрился отравить свою дочь.

— Ты мне потом расскажешь, ладно? А как это у Папы может быть дочь?

— Как? Да так. Папой может быть кто угодно, главное, чтобы избрали.

— А ты мог бы быть Папой?

— Естественно. И ничто мне не мешает когда-нибудь им стать.

— А как же ты тогда на мне женишься? Ведь ты женишься на мне, да? Обещаешь?

— Посуди сама, как только я становлюсь Папой, я — непогрешим и могу издать указ, что Папа имеет право жениться.

Камилла поворачивается к нему:

— Ты сделаешь это ради меня?

— Конечно.

Она прижимается к нему, берет его за руку и

целует в щеку.

— Какой ты добрый, — говорит она.

— Это что, — говорит Жак. — Сейчас я тебе покажу, как целуются в фильмах, которые тебе запрещают смотреть.

Он хватает ее и показывает как.

— Ты меня обслюнявил, — отталкивая его, говорит Камилла.

Он показывает еще раз.

— Ты мне в рот слюны напустил! — кричит она. Появляется Доминика.

— Вас искали, — высокомерно объявляет она. Доминика, это еще ничего. Вот папаше Маньену такие штуки совсем бы не понравились. Если когда-нибудь он застанет их за этим делом, то все.

Он их застает:

— Отныне мои дочери не будут общаться с вашим сыном. С вашим сыном, — и добавляет: — С этим подонком!

Затем он переезжает, и прогулки по лесу с Доминикой и Камиллой прекращаются.

III

Он играл на трубке, выдувая звуки через нос, и в этот момент прозвенел будильник. Трубка была особенной, она не имела ничего общего с

обычной трубкой, как корнет-а-пистон не имеет ничего общего с обычной трубой. Он давал сольный концерт, ему аплодировали. Он дотянулся рукой до будильника и выключил джаз[45]. Еще какое-то время он забавлялся, думая о своем сне, пока не вспомнил, что ему предстоит закончить симфонию в ля-бемоль, так сказать, миноре.

Откинув одеяло, он спрыгнул с кровати и посвятил традиционные полчаса занятиям физической культурой с привлечением гантелей и эспандера. Он так старался, что уже не мог отчетливо воссоздать свое музыкальное детство; воспоминания прояснились, когда щетина на намыленной щеке исчезла под лезвием жиллетт: он увидел себя пятилетним мальчуганом, играющим на пианино перед избранной публикой. Его отец граф де Цикада долго не решался уступить призванию сына, так как предпочитал для него дипломатическую карьеру, но в конце концов уступил. В семь лет Жак играл матери Баха-отца, в восемь

[45] Примечания: 45
Игра слов: jazz (джаз) и «Jaz» (известная марка будильников).

— изобрел семидырную сфингу[46], в девять начал сочинять. В пятнадцать лет он снова доказывает свою гениальность раздвоенным концертом с зачесом против шерсти для трубчатой кифары и бирманской свирели (оп. 37).

Окуная голову в таз с теплой водой, он вспоминает о своей знаменитой опере «Артемидор из Дальди, или Власть Грез»[47]; насухо утирая лицо, воссоздает в памяти один из самых блестящих этапов своей карьеры, сотрудничество с Русскими Балетами, которым он подарил Жар-птицу, Петрушку и Весну Священную. Он заканчивает одеваться на только что завершенной греко-китайской синтетической безделице (оп. 236). Затем выходит из дома. Музыка закончилась.

Он стучит в окно консьержке. Заходит, чтобы забрать корреспонденцию. Консьержки нет, зато есть ее муж, который несколько дней назад впал

---

[46] Примечания: 46

От *фр.* sphinge (сфинга) — слово, придуманное Ф. Рабле для более точного определения сфинкса, имеющего женский род в греческом языке. Возможна также ассоциация со свингом. Семь дыр, возможно, отсылают к семи вратам Фив, к семи нотам или же к семи отверстиям человеческой головы.

[47] Примечания: 47

Артемидор из Дальди, греческий философ (II век), автор трактатов «Онирокрифия / Ключ к сновидениям», «Трактат о приметах», «Трактат о хиромантии». Артемидор подчеркивал принцип ассоциации, согласно которому любой образ в сновидениях связан с подсознательным. По учению Артемидора, «сны даются людям в назидание».

в маразм.

— У меня всесе зашибибись, зашибибись вовсюсю, — заявляет персонаж.

— Спасибо, у меня тоже все в порядке, — отвечает Жак. — Зашибись.

Писем нет. Он смотрит на дяденьку, который раньше был пристойным привратником, а теперь у него руки-ноги тряслись, а изо рта выделялась сопливая пена, которую время от времени он с сифонистым звуком всасывал в себя. И тут он, Жак Сердоболь, вдруг осознал себя этим существом; прочувствовал это так сильно, что сам уселся в кресло напротив полоумного и принялся повторять за ним «у меня всесе зашибибись, зашибибись вовсюсю», дабы увидеть, что будет дальше. А дальше — далеко позади — вся его жизнь предстала перед ним в совершенно новом свете: счастливое детство, наивные амбиции, горькие разочарования, карьера бюрократа, изгнание за халатность, женитьба на стерве, в итоге, после множества все менее блистательных должностей, работа консьержем; вот так, запущенным сифилисом и заканчивается эта грустная жизнь, увы и ах! Для окончательного сходства он затряс руками, и его пальцы затрепетали, словно старые мертвые листья, что дождливый ноябрь-

ский ветер теребит, но еще не торопится срывать с деревьев. Эта ситуация доставляла Жаку удовольствие: ведь, возможно, он никогда не достигнет радости, сравнимой с той, которую испытывал сейчас, будучи этим падшим цербером, лепетавшим свое «у меня всесе зашибибись, зашибибись вовсюсю»; тем более что персонаж, увидев себя в этом импровизированном человеческом зеркале, вовсю разулыбался и затрясся еще сильнее, как будто настаивая на глубоком смысле своего бессодержательного лепета.

Дверь открылась, Жак вскочил:

— Здравствуйте, мадам Шок, я зашел за корреспонденцией.

— А вам, мсье Жак, ничего нет.

— Мсье Шок, похоже, чувствует себя не очень хорошо.

— Только посмотрите на него, все рожи корчит. Когда я вижу, как он изгаляется, так и хочется залепить ему метлой по физиономии!

— Может быть, он по-другому не может?

— А-а! Это он-то, старый пень, не может? Старый пердун! Как же! Вся его болезнь — это сплошная показуха! Ах! Если бы я себя не сдерживала…

— У меня всесе зашибибись, — вдруг заявил предмет обсуждения, хранивший до этого молча-

ние, — зашибибись вовсюсю.

— Вы слышали? Он надо мной издевается!

— А вы не обращались к врачу, мадам Шок?

— К врачу?! Да он бы рассмеялся мне в лицо!

— Это почему же, мадам Шок?

— Да потому, что мой муженек здоров-здоровехонек.

— Но выглядит несколько маразматично.

— Какая же это болезнь, мсье Жак? Все этим заканчивают.

— В случае с мсье Шоком, мне кажется, что-то происходит с мозгом.

— Вы так думаете, мсье Жак?

— Мне так кажется. Мсье Шока никогда не кусала вошь?

— Не знаю. Эй ты, дурень, тебя вошь кусала?

— У меня всесе зашибибись, — ответил мсье Шок, — зашибибись вовсюсю.

— Опаснее всего укусы в голову, — сказал Жак.

— Ну что можно узнать у такого придурка? Кусали его или нет. Вот засранец! А вы думаете, что от этого укуса у него в мозгах могло начаться гниение?

— Вошь — исключительно гадкая тварь, — сказал Жак. — Причем наибольший ущерб жертве наносит зловонное дыхание этого членистоно-

гого.

— Вот чем объясняется вонючесть моего супруга. От этого козла здорово шмонит.

И она гаркнула ему в лицо:

— Говнюк!

Из-за спины дамы Жак высунул язык и подмигнул, что вызвало у мсье Шока буйное ликование.

— У меня всесе зашибибись, — закричал он, подпрыгивая в кресле, — зашибибись вовсюсю!

На этом Жак их покинул, радуясь началу хорошего дня.

Он выпивает чашку кофе со сливками в соседнем «Пети Кардиналь».

— Сегодня солнечно, — говорит ему хозяин.

— Да, но воздух прохладный, — отвечает Жак.

— Да, действительно. Утром, бррр, пробирало. Кстати, вы будете в «Спортинге» сегодня вечером?

— Нет, не могу.

— Да вы что?! Сегодня будет Кид Бусико[48] против Теда Сардины. Это должно быть круто. Удивительно, что вас не будет.

— Я не могу. Мне и самому неудобно, потому что мы с Тедом приятели.

---

[48] Примечания: 48
От *англ.* kid (малыш).

— А в полдень пообедаете с нами?

— Я буду здесь в полпервого.

— Только не позже, мсье Жак.

Жак пожал лапищу с почерневшими от общепитовских работ ногтями и вышел.

— Мсье Жак! — окликнул его хозяин. — У вас на примете есть лошадь на сегодняшние бега?

— Попробуйте поставить на Вшивую Шкуру в третьем забеге.

— Спасибо, мсье Жак!

Жак спустился по улице до спортивного зала. Поприветствовал кассиршу, двумя пальцами коснувшись края шляпы, и направился к раздевалке. Там еще никого не было, кроме Клок-Пакля, рассеянно манипулировавшего гимнастическими булавами. Жак переоделся в спортивную форму, вернулся в зал и после нескольких минут пенчинг-болла[49] предложил Клок-Паклю три раунда, на которые тот согласился. Тут подошли Кид Мокрун[50] и мсье Ле Петушо, а когда Жак и Клок-Пакль пролезали между канатами на ринг, прибыл Тед Сардина и профессор Альбер.

— Я буду судить, — сказал Альбер.

---

[49] Примечания: 49

Пенчинг-болл — боксерская груша.

[50] Примечания: 50

Кид Мокрун — см. Кид Бусико.

Жак весил 70 кило, а его противник всего 67, зато руки у него были длиннее, и он без труда пробил Жаку несколько прямых ударов в грудь. Минуты через три Жак начал выдыхаться.

— Стареешь, — заметил Сардина, — и потом, тебе не мешало бы потренироваться.

— Оставь его, — сказал Альбер, — не так уж все и плохо.

— Ему следовало бы приходить сюда чаще, — сказал мсье Ле Петушо.

Во втором раунде Жак два раза зацепил челюсть Клок-Пакля. В третьем раунде они сошлись в ближнем бою. В итоге Клок-Пакль соперника похвалил.

— Ну что, — спросил Альбер, — выставим его?

— Можно было бы, — сказал Сардина, — но ему не мешало бы потренироваться.

— Ему следовало бы приходить сюда чаще, — сказал мсье Ле Петушо.

Жак пошел в душ, затем переоделся и присоединился к профессионалам.

— Ну что, — спросил Альбер, — ты готов выступать на чемпионате Франции среди любителей в полутяжелом весе?

— Он способен продержаться три раунда против кого угодно, — сказал Клок-Пакль.

— Я не против, — сказал Жак.

— Молодец, — сказал Альбер.

— Тебе нужно потренироваться, — сказал Сардина.

— И приходить сюда чаще, — сказал мсье Ле Петушо.

— И воздерживаться по части потасовок, — сказал Альбер.

— У вас на примете есть лошадь на сегодняшние бега? — спросил мсье Ле Петушо.

— Вшивая Шкура в третьем забеге, — сказал Альбер.

— Весенник[51], — сказал Жак.

— Ты думаешь? — засомневался Клок-Пакль.

— Я бы поставил на Вшивую Шкуру, — сказал мсье Ле Петушо. — Это напоминает мне то время,

---

[51] Примечания: 51

Весенник — отсылка к неологизму из романа Р. Кено «День святого Жди-не-Жди». Так в Родимом Городе (столице вымышленной южной страны) называется некое увлекательное состязание, являющееся важнейшей частью традиционного ежегодного праздника. Хотя само состязание в романе не описано, о его правилах можно догадаться: к участию допускаются лишь совершеннолетние лица мужского пола, а для победы, по словам мэра, следует «обладать воображением и гибкой кистью». Существует в Родимом Городе и ассоциация «Лига друзей Весенника» (ратующая за сохранение традиций и, в частности, за открытый, так сказать, публичный характер этого состязания), которая в первоначальной версии романа («Спутанные времена») называлась «Лигой Борьбы с Одиночным Удовлетворением».

По атмосфере Весенник очень напоминает один из важнейших аттических праздников Великие Дионисии.

когда они у меня были. Вша — это к счастью, совсем как вляпаться в дерьмо[52] или найти листик клевера с четырьмя лепестками.

— С чего это он взял? — удивился Сардина.

— Всякий раз, когда я находил вшу, — сказал мсье Ле Петушо, — со мной приключалось что-нибудь хорошее.

— Если бы вши приносили счастье, — сказал Кид Мокрун, — счастливыми были бы все. Они у всех были.

— Более или менее, — сказал Альбер.

— Я поставлю на Весенника, — сказал Клок-Пакль.

— Ну что, я записываю тебя на чемпионат, — сказал Альбер.

— Хорошо, — сказал Жак.

— Ты придешь сегодня вечером? — спросил Сардина.

— Не могу, — ответил Жак. — Важная встреча.

— Обломщик, — сказал Сардина.

Жак распрощался с душевной компанией, которая напоследок еще раз порекомендовала ему продолжать тренировки с большим усердием.

---

[52] Примечания: 52

Если в России к предвестиям счастья относят разбитую посуду, то во Франции будущим счастливцем принято считать того, кто наступил правой ногой на кусок дерьма.

Он последовал совету и даже дал понять своей подружке, что должен на какое-то время воздержаться от любовных перегрузок. Таким образом он блестяще прошел отборочные и, став претендентом, сразил чемпиона. К тому времени у него в запасе уже были: опасный удар правой, сокрушительный левой и невероятно быстрая реакция. С такими показателями — ну как не стать профессионалом? Он им стал. Сначала он встретился с Тото[53] Могилой, выстоявшим пятнадцать раундов против самого Кида Тухляка[54]. Тото Могила продержался недолго; во втором раунде Жак несравненным прямым в челюсть свалил его на ковер. Затем он по очереди уложил Мишеля Альбиноса, Бенара Пухляка, Деде[55] Сток де Плюмба, Боба Ноэля. Галл Лимар[56] оказался орешком покрепче, но в седьмом раунде Жак

---

[53] Примечания: 53
От *фр.* toto (разг. «вошь»).

[54] Примечания: 54
См. Кид Бусико.

[55] Примечания: 55
Деде — текст Р. Кено под названием «Деде» фигурирует в коллективном памфлете «Труп» (1930), обращенном против авторитаризма сюрреалистического «папы» Андре Бретона.

[56] Примечания: 56
Мишель Альбинос, Бенар Пухляк, Деде Сток де Плюмб, Боб Ноэль… Галл Лимар — искаженные названия известных французских издательств: Albin Michel, Bernard Grasset, Stock, Plon, Denoël, Gallimard.

неотразимым ударом левой достал его в солнечное сплетение. Он громил всех подряд. Потом был чемпионат Франции, чемпионат Европы, чемпионат мира, организованный в Мэдисон-Сквере[57] (Нью-Йорк-Сити). Чемпионат мира… В течение нескольких лет Жак удерживает чемпионский титул, а затем добровольно от него отказывается. Он уезжает в Техас, женится, выращивает хлопок и курит опиум, покупает шхуну, совершает кругосветное путешествие, погибает во время кораблекрушения, затем его выплывший из Тихого океана призрак медленно дрейфует до берегов Китая, оттуда уже по суше пускается в паломничество через все воспоминания и не спеша добирается до города Парижа, административного центра департамента Сены, близ тех мест, где открылось миру боксерское призвание Жака Сердоболя, который в этот момент оглядывается по сторонам. Ему навстречу шагает пожилой господин с двумя девочками, на противоположной стороне улицы по тротуару идет дама с маленьким мальчиком, за ними кюре. Кто из них достоин призрака? Иногда Жак следует за каким-нибудь уличным персонажем не столько

[57] Примечания: 57

Мэдисон-Сквер (или Мэдисон-Гарден) — легендарный спортивный клуб и концертный зал в Нью-Йорке, основанный в 1874 г.

ради того, чтобы за ним следить, сколько для того, чтобы примерить его на себя. Но в это утро он не находит достойной жертвы. Он продолжает идти своей дорогой, он знает, куда идет[58], и вот внезапно уже не знает, ибо перед ним появляется искомый объект в облике абсолютно заурядного гражданина. Жак увязывается за ним; тот идет мерным шагом, километра три в час, медленнее тащатся только зеваки. Чем занят этот тип? Непонятно. Он не останавливается перед витринами, не оборачивается вслед женщинам, не подзывает мяу кошек, гав собак, эй такси, не треплет по щекам детей, не пытается переступать щели мощеного тротуара, не спрашивает у полицейских, как пройти, не заходит в Веспассиановы заведения[59], не переходит улицу, не посмотрев сначала налево, потом направо, не чихает, не рыгает, не пукает, не оступается, не кидает хлебные крошки маленьким воробьям и жирным голубям, не ждет ни трамвая, ни автобуса, не

[58] Примечания: 58

«…Я знаю, куда я иду…» — цитата из стихотворения П. Валери «Вкрадчиво» (сборник «Очарования» в книге «Стихи», 1929).

[59] Примечания: 59

Веспассиановы заведения — будки для «публичных нужд», которые были установлены в Париже в 1834–1835 гг. по распоряжению префекта города Рамбюто. Заведения были названы по имени римского императора Веспассиана (9–79), которому приписывают создание публичных писсуаров в Риме.

спускается в метро, не ковыряет пальцем в носу, не размахивает руками при ходьбе, не чешет ни затылок, ни зад, не вынимает платок ни чтобы вытереть лицо, ни чтобы высморкаться, не плюет на землю, не курит, не сует руки в карманы, не бросает в канаву бумажные клочки, автобусные и трамвайные билетики, не хромает, не дергается и не подпрыгивает при ходьбе, он кажется до такой степени комильфо[60], что Жак уже задумывается о том, как бы ему самому достичь такой вот совершенной безликости и незаметности, но в этот момент гражданин бросается к даме, выхватывает у нее сумочку и быстро убегает. Тетенька кричит, за воришкой припускает полицейский, звучно провозглашая, что он был бы безмерно рад добровольному содействию налогоплательщиков в поимке опасного правонарушителя, но последний, явно не дурак, забегает во двор, где, как известно Жаку, уже давно занимающемуся методичным исследованием столицы, имеется сквозной проход на другую улицу.

Более не беспокоясь за судьбу этой загадочной личности, Жак, не имеющий ни малейшего желания вмешиваться в столь же примитивную, сколь

---

[60] Примечания: 60

Комильфо — от *фр.* comme il faut (как следует, как подобает).

и тщетную деятельность полиции, возобновляет следование по своему маршруту, приостановленное внезапно предпринятым преследованием. Он тихонько посмеивается. Здорово он их всех обманул и larvatus prodéé[61]. Кто мог себе представить, что тем карманником был он сам. Но этот вид спорта в общем-то не требовал ни гениальности, ни оригинальности, а предполагал лишь хорошо смазанные суставы нижних конечностей — короче, гордиться нечем. А посему, оказавшись в дверях «Твин-Твин Бара», он без сожаления оборвал карьеру, которая в итоге все равно не привела бы ни к чему сенсационному.

Он заметил мсье Жоржа, который сидел на высоком табурете и беседовал о том о сем с мсье Робером. После приветствий Жак угостил себя как-ты-элем.

— Ставлю сто франков на лошадку, — сказал он. — Возьмете?

— Да. На какую?

— На Вшивую Шкуру в третьем.

---

[61] Примечания: 61

Larvatus prodéé — от *лат.* larvatus prodeo (досл. «в маске продвигаюсь»), первое изречение из «Cogitationes privatae» Декарта, ставшее его девизом. Искажение латинского глагола prodeo, возможно, связано с аллюзией на греческого морского бога Протея (Protée), который получил от своего отца Посейдона дар менять внешность. Одно из значений французского существительного protée — переменчивый человек, флюгер, хамелеон.

— Получится двадцать против одного, если выиграет.

— Да уж не меньше.

Он протянул банкноту, и мсье Жорж записал пари на маленьком клочке бумаги.

— Я бы и гроша не поставил на такую кличку, — сказал мсье Робер.

— Не суй свой шнобель не в свое дело, — сказал мсье Жорж.

— А мне это имя нравится, — сказал Жак.

— Нужно быть полным мудаком, чтобы ставить на такую кличку, — сказал мсье Робер.

Он не успел услышать от мсье Жоржа его повторное «не суй свой шнобель не в свое дело», поскольку уже лежал в полном отрубе, получив от Жака решительный удар правой прямо в пятак.

— А ты, — сказал Жак, обращаясь к мсье Жоржу, — верни мои пять луидоров.

— Почему это, — сказал мсье Жорж. — Я-то здесь при чем?

— Гони сто монет немедленно.

— Только без историй, — сказал бармен, срезая цедру с лимона.

Мсье Робер молча приходил в себя. Мсье Жорж бросил банкноту на стойку.

— Я угощаю присутствующих, — сказал Жак бармену.

— У вас отвратительный характер, — сказал мсье Жорж.

Мсье Робер утирал шнобель шелковым носовым платком и от комментариев воздерживался.

Жак забрал сдачу, оставил царские чаевые и молча вышел. Он немного сожалел о том, что не подверг обидчика какому-нибудь отборному и самолично изобретенному истязанию из своей разнообразной коллекции; самые невинные наказания он назначал, к примеру, тем, чья внешность ему просто не нравилась. Но все это отвлекало его от Вшивой Шкуры, на которую он до сих пор так и не поставил. Он не мог приехать на ипподром после обеда, а свои двадцать франков видел именно в ногах этого животного. Он поймал такси, доехал до бара «Меридьен», доверил свои пять луидоров на Вшивую Шкуру мсье Ришару, после чего спустился в подвал, чтобы позвонить Белепину[62], как договаривались.

— Я еду к де Цикаде после обеда. Все остается в силе? Сорок франков за страницу?

— Ага. Он даст много?

---

[62] Примечания: 62

Белепин — Bélépine на слух воспринимается как *фр.* belle épine (красивый шип) или *вульг.* belle pine (знатный пенис).

— Не знаю.

— Уж постарайтесь. Кстати, стихи мамаши Жопосла я получил, а башли — нет.

— Я их отдам вам завтра вместе с деньгами де Цикады, если получится из него что-нибудь вытянуть.

— Никаких «если», вы должны мне их выбить.

— Постараюсь.

— Надеюсь. И, главное, не забудьте принести деньги этой тетки.

— Не беспокойтесь.

— Тогда до вечера, в «Твин-Твин Баре».

— Нет. Я только что вмазал мсье Роберу. Лучше где-нибудь в другом месте.

— Как вы меня утомляете демонстрациями своего физического превосходства.

— Я бы предпочел в «Меридьен». Мне там надо будет получить выигрыш с забега.

Белепин ответил «ага», и они повесили трубки.

В «Пети Кардиналь» все уже сидели за столом и в ожидании грызли редис.

— Вы проштрафились, мсье Жак, — крикнула хозяйка.

Он сел напротив нее, между Дядюшкой и официанткой Сюзанной; мсье Дюсэй и официант Гораций обрамляли хозяйку.

— Родольф меня уверял, что вы ставите на Вшивую Шкуру в третьем забеге, — сказал Дядюшка.

— Точно.

— Безумие! — воскликнул Дядюшка. — Безумие! Две пятерки потеряли! Честное слово!

— Две! Вы хотели сказать двадцать!

Дядюшка чуть не подавился. Хозяйка наполнила его бокал вином.

— Запейкавотлутшэ, — сказала она.

Он запил и прохрипел:

— Двадцать пятерок!

— Да, действительно, мсье Жак, вы неблагоразумны, — сказала хозяйка. — У вас ничего не останется.

— А если я выиграю?

— Ну-у-у, мсье Жак, вы же прекрасно знаете, что с вами это никогда не случается.

— А Баклан, который принес мне двадцать пять против одного?

— Кто же не помнит, — сказал официант, — в тот день мсье Жак угощал шампанским.

— А потом, эта Вшивая Шкура, — сказал Дядюшка, — как можно рисковать своими деньгами ради клячи, которую кличут так вонюче!

— Мне это имя нравится, — сказал Жак.

— Сразу видно, что у вас их никогда не было, —

сказал Гораций.

— У меня они были в школе, — сказала Сюзанна.

— Нашла чем хвастаться, — сказала хозяйка.

— Для кого-то это происшествие, — сказал хозяин, — а для кого-то самое важное событие в жизни.

— Вам бы обо мне только гадости говорить, — сказала Сюзанна.

— У меня они были в армии, — сказал Гораций. — Они разгуливали по тумбочке.

— А мне намазали голову какой-то мазью, причем жирной. А на подушку положили полотенце.

— До чего же цепкая живность.

— Да, упрямая.

— И зачем их, черт возьми, только Бог создал?

— Бельевые вши еще хуже, чем телесные.

— Приходится кипятить всю одежду. Или убивать их поодиночке.

— Они хрустят.

— Хи-хи-хи.

— А их никогда не пытались приручить? — спросил Жак у Дядюшки.

— Среди членистоногих я знаю только насчет блох. Пауки приручаются, но не дрессируются.

Очень горделивый характер, совсем как у кошек.

— Я никогда не видела дрессированных блох, — сказала Сюзанна.

— Я видел, — сказал хозяин. — Очень смешное зрелище. Они стреляют из пушки.

— Я тоже, — сказала мадам Дюсэй. — Просто невероятно. Особенно когда они скачут в своей маленькой карете.

— Хотя ничего мудреного в их дрессировке нет, — сказал Дядюшка, — их берут ором, как и других животных.

— И людей, — сказал Гораций.

— В основном этим занимаются женщины, у них от этого все ноги в красных пятнышках, потому что они должны их кормить, понимаете. Им, женщинам, это придает особый шарм.

— Ничего себе, — сказал Гораций.

— А в семинарии, — спросил Жак у Дядюшки, у вас были паразиты?

— Никогда!

— Хотя иногда встречаются удивительно неопрятные семинаристы, — сказал официант.

— Это правда, — сказала хозяйка.

— Теперь уже меньше, — сказал хозяин, — потому что сейчас они начинают заниматься спортом.

— Я никогда вам об этом не рассказывал, — сказал Жак, — но я чуть не постригся в монахи.

— Безумие! — воскликнул Дядюшка. — Безумие! Извращение!

— А почему бы и нет? Я мог бы стать епископом и — кто знает — возможно, кардиналом. Или даже Папой Римским.

— А вот мне бы совсем не хотелось стать Папой, — сказал официант.

— А вы сами, — спросил Жак у Дядюшки, — вы сами как долго были кюре?

— Десять лет, сын мой. Не считая семинарии.

— Расскажи ему, как это закончилось.

— Это, наверное, нескромный вопрос, — сказал Жак.

— В моей жизни секретов нет. Как это закончилось? Ну конечно же из-за женщины.

— Готов поспорить, что из-за наездницы.

— Конечно. В то время я был викарием в Сен-Усрале-да-Запомете[63]. Однажды приехал цирк. По улицам города проскакала кавалькада. Я увидел наездницу — и все, втюрился, старина, и втюрился крепко. В тот же вечер я пришел на

---

[63] Примечания: 63

Сен-Усраль-да-Запомет — несуществующий город Saint-Bren-les-Colombins, где *фр.* bren — кал, дерьмо, а *фр.* colombin — птица отряда голубиных, клинтух; птичий помет.

представление в гражданской одежде и уселся в первом ряду, чтобы любоваться своей возлюбленной. Естественно, все меня узнали.

— Для этого надо иметь редкостное нахальство, — сказал официант.

— А оно у меня было. Потом цирк уехал. Через две недели я его нагнал и устроился в нем клоуном. У меня оказался талант клоуна, а я об этом даже не подозревал.

— Как он нас смешит, когда пародирует мессу, — сказала мадам Дюсей.

— А наездница?

— Естественно, я ею овладел. Бог ты мой, до чего ж красива была, зараза. Я ни о чем не жалел: она стоила краха любой карьеры.

— Траха? — переспросил Гораций.

— Только без пошлостей, — сказала хозяйка.

— Когда вы еще были священником, вам никогда не приходило в голову, что вы можете стать Папой?

— Возможно. Я уже не помню. Зато знаю точно, что когда я был клоуном, то думал, что когда-нибудь выступлю на арене «Медрано»[64], что,

[64] Примечания: 64

«Медрано» — знаменитый цирк, основанный в 1873 году бельгийцем Фердинандом Беертом и названный позднее именем акробата и клоуна Жерома Медрано (1849–1912).

впрочем, так и не произошло.

Так, за разговором, они покончили с жареным тунцом, кроликом в горчице и спаржей. Время от времени Сюзанна или Гораций вставали, чтобы обслужить клиентов. Проходя мимо, Сюзанна всякий раз задевала Жака. В итоге он обратил внимание на упругость ее грудей и ягодиц. От нее исходил приятный запах слегка надушенной и чуть запотевающей брюнетки. Он стал посматривать на нее с интересом. Она была совсем даже ничего, волоокая и сочногубая. Когда Сюзанна принесла кофе, он эксперимента ради ущипнул ее за ягодицу. Ему понравилось. Она промолчала.

— Вы будете ужинать здесь? — спросил мсье Дюсэй.

— Сегодня — нет.

— Свидание с подружкой, да? — спросил Дядюшка.

Жак удивился, что после стольких лет тот по-прежнему сохраняет свои кюрешные замашки, и поздравил себя с тем, что не выбрал эту профессию, которая накладывает на людей столь неприятный отпечаток. Впрочем, его не интересовала никакая профессия. Он чувствовал отвращение к специализации и долгим карьерам, от которых

всегда остается отпечаток и морщины.

— Ну вот, опять размечтался, — умилилась мадам Дюсей.

— Дядюшка задал вам вопрос, — добавил, посмеиваясь, хозяин.

— Конечно, — ответил Жак. — Свидание с подружкой.

— Я так и знал, — сказал Дядюшка с деланым удовлетворением, так как ему было в общем-то по фигу. — Вы идете в сторону Сент-Женевьев[65]?

— Нет, — сказал Жак. — Я поеду на метро.

— На какой станции сядете?

— Да тебе-то какое дело, — сказала хозяйка, — мсье Жак не обязан перед тобой отчитываться.

— Я еду к великому поэту Луи-Филиппу де Цикаде, — сказал Жак. — Он живет в Рюэйле.

— Не знаю такого, — сказал официант.

Жак встал и выразил желание увидеть всех присутствующих на следующий день.

— До завтра, мсье Жак, — ответили все присутствующие.

---

[65] Примечания: 65

Сент-Женевьев — район в Латинском квартале в Париже.

IV

Он спустился к Сене, которую пересек благодаря предусмотренному для этой цели мосту. Чуть дальше находилась станция метро, куда он зашел. Он никогда не садился в вагоны второго класса, которые — как ему казалось — не обещали никаких встреч, вот и сейчас, сразу же устроился в первом, хотя должен был избегать любых увлечений и приключений, если хотел приехать на встречу вовремя, а он этого хотел. Итак, дабы скоротать время в этом подземном путешествии, он принялся проверять свои познания в метрологии, уточняя, находится ли выход на той или иной остановке у первого или последнего вагона, повторяя названия всех следующих в нужном порядке станций на разных линиях, разрабатывая самые короткие маршруты, короче, перебирая в голове все сведения, которые могут иметь серьезное значение, когда в силу разных обстоятельств ритм твоей жизни оказывается достаточно напряженным.

На станции Порт-Майо он вышел и поднялся на поверхность. Пересек площадь, чтобы сесть на трамвай, который шел до Рюэйля. Перед луна-парком идущая ему навстречу девушка

улыбнулась. Он убавил шаг. Она остановилась. Он остановился. Он ее не узнал.

— Здравствуй, Жак, ты меня не узнаешь?

Она тут же покраснела из-за обращения на «ты». В следующих фразах она перейдет на «вы».

— Здравствуйте, мадемуазель, — сказал он. — А, Камилла. Чем вы теперь занимаетесь?

— Учусь в консерватории. По классу вокала.

— Здорово.

Они посмотрели друг на друга.

— Как дела у ваших родителей?

— О, очень хорошо. А у ваших?

— Спасибо, тоже очень хорошо.

Они посмотрели друг на друга. Они отдаленно и смутно предвидели, куда может завести глупость человеческого языка.

— Я как раз еду в Рюэйль, — сказал Жак. — Извините. Я могу опоздать на трамвай.

Он побежал, чтобы успеть.

Он вошел в трамвай, но не стал садиться. Заплатил за проезд. В мыслительных каналах движение замерло. Минуты отупения.

Внезапно он ощутил неимоверный интерес к кондукторше, статной женщине, которая не отличалась уродством. У нее на голове задорно топорщился маленький служебный головной

убор, и она, похоже, прочно стояла на своих ногах, мощных, но гармонично вылепленных колоннах, героически поддерживающих дерзко выпирающие надстройки.

Жак решается с ней заговорить.

И спрашивает у нее: «Вы меня не узнаете?»

А она отвечает: «Нет».

Будешь тут обращать внимание на всех пассажиров, которые прихватывают тебя за задницу и предлагают как-нибудь встретиться.

Он говорит с нежностью: «Доминика».

Она смотрит на него.

Он представляется.

И произносит: «Принц де Цикада».

А она удивляется: «Вы? Принц?»

А он опять спрашивает: «Теперь узнаете?»

А она и говорит: «О да, принц».

— А Камилла? Как у нее дела?

— У нее нормально, она хочет стать певицей, учится в консерватории.

— А как дела у ваших родителей?

— Благодарю вас, принц, хорошо.

— А вы сами, Доминика, как же так случилось, что вы стали трамвайной кондукторшей? Доминика! Доминика?

Она опускает голову.

И отвечает: «У меня были неприятности».

— Какие?

— Давайте не будем об этом, — говорит она.

И вот, в тот же вечер, в час, когда на отдых встают[66] трамваи до Рюэйля, он приглашает ее поужинать «У Максима»[67]. И вот почему: юный принц де Цикада, более известный в мире изящных искусств и словесности под псевдонимом Жак Сердоболь, в детстве, — проведенном в замке Блуа[68], выкупленном у государства его родителями, как известно, мультимиллиардерами, — в детстве, примечательном во многих отношениях, а именно дарованиями, которые юный принц довольно рано продемонстрировал в таких областях, как лирическая поэзия, акварель, фехтование, конный спорт, а также ощущением счастья вкупе с осознанием крупного состояния, коим это детство было полностью пропитано, — итак, в детстве юный принц дру-

---

[66] Примечания: 66

Искаж. цитата из стихотворения В. Гюго «Заснувший Вооз»: «В час, когда львы идут на водопой…»

[67] Примечания: 67

«Chez Maxim's» — знаменитый парижский ресторан; возможно, ссылка на 3-актовую комедию Ж. Фейдо «Дама от Максима» (1899) и кинофильм А. Корда (Сандора Кельнера) «Девушка от Максима» (1933).

[68] Примечания: 68

Замок на Луаре, построенный в XIII–XVII вв.

жил с двумя девочками по имени Камилла и Доминика, дочерьми управляющего. Камилла его любила, а он питал слабость к Доминике, той, которую только что встретил под видом трамвайной кондукторши и с которой ужинал сейчас «У Максима». Она рассказала ему про свои невзгоды. Какие? Какая разница! Он — принц; она, может (вполне) быть, — трамвайная кондукторша. Она так хотела стать балериной. Но почему нет, Доминика? Он покупает ей маленькую современно комфортабельную и чисто-белую студию с хромированной террасой, он оплачивает ее уроки хореографии, ее платья, ее украшения. Но из уважения даже не прикасается к ней. И вот однажды — сольный спектакль в зале «Плейель»[69], огромный успех, изумление публики, восторженные крики, и в тот же вечер она ему отдается.

— Конечная остановка, мсье, — говорит ему она.

— Извините.

Она с нетерпеливым и пренебрежительным видом дожидалась, пока он выйдет. Только сейчас

---

[69] Примечания: 69

Концертный зал, открытый в 1927 году. Назван в честь семьи Плейель; Игнац Жозеф Плейель (1757–1831) — композитор, издатель и основатель фабрики (1807) по производству французских роялей. Его невестка, пианистка Мари Фелисите Плейель (наст. имя Камилла Мок, 1811–1875), была знаменита своей виртуозной техникой.

он вспомнил, что забыл спросить про Доминику у Камиллы. А потом, ну чем эта атлетичка могла напоминать Доминику? Он долго задавался этим вопросом, но ответа так и не нашел.

Он сделал крюк, чтобы не проходить перед отчим домом. Хотя и так в городишке будут об этом болтать, подхалимы растреплют, и до него довольно быстро донесется эхо пересудов в виде папиного письма, полного упреков, саркастических замечаний, а под конец плаксивых излияний.

Де Цикада с мрачной рожей ожидал его, завернувшись в шелка.

— Заходи же малыш И извини меня Видишь Этой ночью мне было как-то особенно плохо и я еще до сих пор немного прибит наркотиками Те что я принимаю на меня как-то странно действуют Они отрезают меня от внешнего мира Который меня больше не интересует Ничем Видишь в общем-то время от времени это совсем неплохо наркотики Болезнь тоже играет свою роль Но я не буду донимать тебя своей болезнью Хочешь что-нибудь выпить Вермут Сейчас дам тебе лед Вермут на полдник очень даже неплохо А ты что у тебя нового Когда я встречаю твоего отца он говорит о тебе с гордостью Похоже ты стано-

вишься великим ученым и получаешь дипломы один за другим Поздравляю тебя мой мальчик Трудись трудись что-нибудь да останется Обычно мало что остается В пятьдесят лет не очень-то помнишь чему хотел научиться в двадцать В конце концов я поэт а это совсем другое дело Ну значит ты приехал ко мне с конкретной целью Объясни-ка мне Что тебе от меня нужно.

— Вот, мсье. Один из моих друзей по имени Белепин готовит антологию великих современных непризнанных поэтов.

— А именно?

— Анатоль де Сен-Симфонифуйя, Адальбер Мирюс[70], Симплекс де ля Руин-Эгаль.

— Знать не знаю этих чудиков.

— Урсула Жопосла, Полинетта Вагон, Элиана де Транс-Маис.

— Знать не знаю этих чертовых синих чулок.

— Естественно, потому что они непризнанны.

— Непризнанны! Непризнанны! Как будто может возникнуть дюжина непризнанных одновременно! Нет! нет! для отдельно взятой эпохи может существовать только один-единственный непризнанный! а для данной эпохи! той,

[70] Примечания: 70

Мирюс — от *лат.* mirum (удивительный, чудесный). Марка печей и обогревателей.

в которую живем мы! в данный момент! этот непризнанный! это я!

— Я признаю это, но для антологии требуется несколько имен.

— И ты подумал обо мне?

— Для этого я к вам и приехал.

Де Цикада молча рассмотрел вопрос.

— А сколько платят? — спросил он наконец.

— Дело в том, — сказал Жак, — что у нас огромные расходы. Чтобы организовать издание такого уровня, мы вынуждены просить наших соавторов оказать нам финансовую поддержку.

— А-а…

Луи-Филипп де Цикада, запустив руку по плечо в амбразуру халата, через рубашку почесал правую сторону груди. Он задумчиво рассматривал Жака.

— Как ты думаешь, сколько мне лет? — спросил он.

— Вы еще молоды, мсье де Цикада.

— Еще бы! Сорок семь лет! А ты уже списываешь меня в маразматики? Ты считаешь, что я — старый хрыч, сыч, сморчок, стручок? Развалина, вешалка, галоша? Дряхлый, трухлявый, прогнивший, протухший, обветшалый, обрюзгший, немощный, дефектный, придурковатый

хрен, короче, полный мудила? Чтобы я, Луи-Филипп де Цикада, платил за то, чтобы увидеть себя напечатанным в соседстве с непризнанными знаменитостями! Ты, Жак Сердоболь, только посмотри на меня как следует! Надо обладать определенной дерзостью, которой я, впрочем, восторгаюсь, чтобы осмелиться предложить мне подобную сделку.

— Извините меня, мсье де Цикада. Поверьте, что…

— Бесполезно извиняться, м.ч., бесполезно.

Он величественно встал. Переместился к окну. Замер перед облаками и крышами.

— Насколько мне известно, — сказал Жак, — вас никогда не включали в антологию.

— Я — непризнан! — с горечью воскликнул де Цикада. — Непризнан!

Теперь он чесал уже спину.

— Но подумайте, мсье де Цикада, наша антология будет все же отличаться от этих пригородных газет, в которых…

— Знаю, знаю, — оборвал его де Цикада.

Он повернулся. Его лицо изменилось. Теперь оно стало странным. Он сел. Чуть склонился вперед, сложив руки на коленях. Он выглядел как

перегонный аппарат[71].

— Знаю, — повторил он.

Он поднял руку, так как ему показалось, будто Жак собирается что-то сказать.

— Заткнись.

Добавил он.

— Сиди. Не двигайся. Плохо дело. Я сейчас сделаю себе укол. Начинается приступ. Твои небылицы меня доконали. Эмоции всегда вызывают у меня приступ.

— Извините меня.

— Заткнись, черт возьми!

Де Цикада встал, дотащился до так называемой кухни. Поставил ковш с водой на огонь, принялся что-то искать.

— Я могу вам помочь?

— Заткнись, черт тебя подери!

Из-за его неловких движений вот-вот по комнате разлетятся ампулы, иголки, брызги лекарств, но нет, нет, шприц ловко наполняется фармацевтической жидкостью, затем проносится иголкой вверх до кроватной тумбочки. Уверенным дви-

---

[71] Примечания: 71

Возможно, аллюзия на сравнение дыхательного аппарата с перегонным кубом в «Трактате о Человеке» (1664) Декарта или в стихотворении Бодлера «Пляска смерти /Парижские картины»: «О перегонный куб, наполненный тоскою! О кладезь глупости, соблазнов и скорбей! Твои бока торчат решеткою кривою» (пер. В. Микушевич).

жением де Цикада развязывает шнурок на своих пижамных штанах, которые ниспадают к его ногам. Он растягивается на кровати, задирает свой халат, берет из коробки клочок ваты, откупоривает бутылку эфира, протирает маленький участок эпидермы, откладывает клочок ваты на тумбочку, берет шприц, вкалывает иглу в плоть, вводит туда субстанцию, вытаскивает иглу, кладет шприц на тумбочку, оправляет свой халат, закрывает глаза.

Анатомия пациента и движения санитара смутили Жака, да еще этот запах эфира. Он уже собирался улизнуть, но де Цикада удержал его жестом. Жак вернулся к окну и сел в кресло возле стола, на котором лежало несколько книг по геральдике — вот отчего у простолюдина запросто крышу снесет. Но Жак не утомлял себя тщетными сожалениями, поскольку по собственному усмотрению устанавливал свое благородное происхождение. Какой у него был герб? Его фамилия, как и его имя, требовали, чтобы на гербе были изображены раковины, но с тем же успехом он мог бы корировать-де золотом свой горностаевый крест, как Каэры[72], или маркировать-де

[72] Примечания: 72
От *брет.* caer (красивый).

красным три морды серебряных борзых, как Тьерри[73]. Он любовался этими красивыми гербами, каждый из которых принадлежал ему, и находил на случайно раскрытых страницах разнообразные генеалогические сведения. Размышляя о радостях геральдирования, он отметил среди тщеславных обладателей частицы «де» порцию очередных жертв для Белепина. Он ему об этом расскажет.

Целый час де Цикада не шевелился лежа плашмя и, быть может, спал. Но наконец наступил тот момент, когда он принял сидячее положение и утер лицо ладонью.

— Интересно, да?

Жак закрыл книгу и положил ее на стол.

— Да. Обычно все эти штуки совершенно неизвестны.

— Не правда ли?

Де Цикада встал, сделал несколько шагов.

— Сейчас я себя чувствую лучше, — сказал он.

— Я очень рад, — сказал Жак.

— Сейчас я себя чувствую очень хорошо.

---

[73] Примечания: 73

Непонятно, от кого именно Кено образовывает несуществующую династию: от сына Кловиса, Тьерри I (?—534), короля Аустразии, от Тьерри II (587–613), короля Аустразии и Бургундии, от Тьерри III (652–691), короля Нестрии и Бургундии, или же от Тьери IV (713–737), короля франков.

— Это было не опасно?

— Простое предостережение. Это не сильный приступ, который приходится гасить десятками уколов, в том числе морфия. Легкое предостережение. Сейчас я себя чувствую хорошо, сейчас я даже выйду, сейчас я прогуляюсь, я поеду в Сюрен. Поехали со мной, если ты не торопишься.

— С удовольствием, — сказал Жак. — Обратно я вернусь на прогулочном пароходике.

— Идея удачная и романтическая, — одобрил де Цикада.

Он снял свой халат, продемонстрировав фланелевый жилет, длинные трусы и подвязки для носков. Надевая брюки, он рассказывал:

— Ах, Сюрен. Ах, мой дорогой Жак, ты даже не знаешь, что это для меня значит.

— Я раскрою тебе один секрет, — добавил он, застегивая ширинку. — Если меня так волнует уже одно название, одно лишь название «Сюрен», то только потому, что там живет та, которую я люблю, женщина, которую я люблю, моя женщина, моя жена, моя супруга, которая меня покинула, которая меня оставила, которая меня бросила, она меня подставила, злодейка, после десяти лет супружеской жизни, мерзавка, но я ее все еще люблю, стерву, эх, малыш, иногда я

гуляю неподалеку, время от времени я замечаю ее издали, она все такая же красивая, у нее все такая же бесподобная фигура, у нее все такой же свежий цвет лица, у нее парикмахерская в Сюрен, порой я осмеливаюсь подойти, чтобы увидеть ее мельком, вспомнить ее черты, ее формы, но издали, лишь издали, ибо она меня ненавидит, и если увидит, то набросится с кулаками, надает тумаков, как давала когда-то, эта женщина — особенная, не как другие, ах, Жак Сердоболь, ты даже не знаешь, как можно любить в моем возрасте, особенно когда это безнадежно, а оставила она меня, ты, малыш, даже не угадаешь, из-за чего или, точнее, из-за кого, ты еще слишком молод, чтобы знать о таких гнусностях, она меня похерила ради женщины, понял, м.ч., до тебя дошло, удивительно, не правда ли? ах, малыш, такие истории случаются только с поэтами.

Он закончил одеваться. Подробно оглядел себя в зеркале и выбрал трость. Удачно крутанул ее, после чего сунул под мышку.

— В путь! — воскликнул он.

Он хотел поймать фиакр около Мальмезона, но там их не оказалось. Он отважился сесть в автомобиль, ландо, Жак сел позади него. Так, на этом трясучем механизме, они отправились в Сюрен.

Сначала они молчали, охваченные радостью от передвижения с такой скоростью по рюэйльскому округу, который оба так хорошо знали. Потом, в тот момент, когда машина зафыркала на подъеме, де Цикада возобновил разговор.

— Ты влюблен?

— Ну, в общем, у меня есть подружка.

— Понимаю. Это еще не любовь. Увидишь позже. Однажды. Как сожмет тебе тисками сердце, как разобьет его — хрясь! — а потом оно будет кровоточить, кровоточить. Всю жизнь. Но вернемся к нашим мериносам[74] (я сказал «к мериносам», дабы избежать общего бараньего места, несколько избитого со времен Панурга[75], избежать общего места — в этом суть всей поэзии, я заявляю тебе это между прочим, я шепчу

---

[74] Примечания: 74

Меринос, порода баранов. Выражение «вернемся к нашим баранам» впервые употребляется в анонимной пьесе XV века «Фарс Метра Пьера Патлена», сцена VIII. Этими словами судья призывает запутавшегося истца (купца-суконщика) вернуться к сути тяжбы, а именно к его претензиям в адрес ответчика (пастуха, который постоянно «терял» купеческих баранов).

[75] Примечания: 75

От *гр.* panourgos (изобретательный, способный на все). Трусоватый и изворотливый персонаж Ф. Рабле, появляющийся в «Третьей книге», неизменный попутчик Пантагрюэля. В «Четвертой книге», во время одной из экспедиций (к оракулу Дивной Бутыли, который должен разрешить вопрос женитьбы Панурга), они встречают на корабле заносчивого купца Диндено, с которым Панург ссорится. Желая наказать купца, Панург выторговывает у него одного барана, которого

тут же бросает за борт. За бараном в воду бросается все стадо. Отсюда устойчивое выражение «панургов баран», т. е. человек, не имеющий собственного мнения и бездумно следующий за большинством.

тебе это между нами, не говори об этом никому! молчок! секрет! могила!), скажи мне, малыш, твоя антология это серьезно?

— Серьезнее и быть не может, мсье де Цикада.

— И надо платить?

— Сорок франков страница, мсье де Цикада.

— Сорок франков страница?

— Сорок франков страница, мсье де Цикада.

— Ну и цены!

— Это на рекламные расходы, мсье де Цикада.

— У вас будет большая рекламная кампания?

— Гигантская, мсье де Цикада.

— Ты мне сделаешь небольшую скидку?

— А наши рекламные расходы, мсье де Цикада?

— Старому другу семьи?

— А наши рекламные расходы, мсье де Цикада?

— У меня на это нет средств, я всего лишь бедный поэт. Ну же, малыш, уступи по тридцать франков за страницу.

— А наши рекламные расходы, мсье де Цикада?

— Я куплю у тебя пятнадцать страниц. Пятнадцать страниц по тридцать франков.

— Сорок, мсье де Цикада.

— Но не могу же я упустить такую возможность!

— Сорок, мсье де Цикада.

— Поклянись, что это всерьез!

— Сорок, мсье де Цикада.

— Ну ладно! ладно! Я куплю у тебя десять страниц! Четыреста франков!

— Оплата наличными.

— Ай!

— А рекламные расходы, мсье де Цикада?

— Старый друг твоего старого отца.

— А рекламные расходы, мсье де Цикада?

— Безжалостная молодежь!

Де Цикада вытащил из кармана толстый суфьяновый[76] бумажник.

— Ты напишешь мне расписку?

— Прямо сейчас!

Они попросили водителя тормознуть, дабы дать возможность одному составить бумаженцию, а другому — выудить из скаредного кошеля востребованную деньгу.

Сделка заключилась, и дрын-дрын тронулся. Де Цикада улыбался с довольным видом, Жак думал

---

[76] Примечания: 76

Суфьяновый. — В оригинальном тексте игра слов, основанная на омонимии: marocain (марокканский) употребляется вместо maroquin (сафьяновый).

уже о другом. Наконец доехали до бульвара де Версай. Де Цикада попросил остановиться около вокзала и улетучился. Жак спустился к Сене.

На пароходике почти никого не было. Жак устроился на скамейке на корме, за его спиной, убегая вдаль, тянулась вереница пейзажей, сменяющихся под мерное движение медленно плывущих барж. Мирно работали заводы, на ветру колыхались деревья Леса[77]. Предгородья были прелестны. До чего же все это казалось продуманно безмятежным. Жак закуривает сигарету, и вдруг волна подхватывает маленький пироскаф и относит его в зону мощного циклона. В метаметеорологическом тумане пролетают долгие часы и наверняка дни. Жак продолжает курить. Затем море успокаивается, и Жак понимает, что остался один. Утонули его попутчики, утонуло все человечество. Он держит штурвал и ведет свое судно в никуда. Тем временем вода начинает нагреваться и закипать: дело в том, что земля приближается к солнцу. Вода кипит, кипит, кипит, и океаны медленно испаряются. Жак продолжает дышать: вне всякого сомнения, его легкие претерпели необходимую трансформацию. В силу внезап-

---

[77] Примечания: 77
Имеется в виду Булонский лес.

ной мутации Жак превращается в саламандру, в гелиоколя[78], в несгораемый, живой комочек асбеста. Теперь земля выглядит как булыжник, докрасна раскаленный огнем небесной печки, и, разумеется, конечно же, естественно, уже давным-давно нет и самого пароходика, который разбился, сгорел, сгинул. Позднее, после того как солнце, вдруг задутое каким-нибудь космическим ветром, затухает, сразу же становится очень холодно, и земля раскалывается на тысячи ледяных кусков, которые разлетаются по безднам пространства. На одном из этих осколков находится Жак Сердоболь, правда, в виде споры с очень твердой скорлупой. Но этому семени достаточно толики тепла от какой-нибудь мечты, чтобы вновь пробудилась человеческая форма Жака Сердоболя, который в этот момент просматривает «Спортивный Париж».

— Мне бы никогда не пришло в голову поставить на лошадь с такой кличкой, — сказал

[78] Примечания: 78

Неологизм héliocole, составленный из *гр.* geleos «солнце» и *гр.* coleos «чехол» или *лат.* colere «выращивать» по аналогии с agricole «сельскохозяйственный», arboricole «лесоводческий», piscicole «рыбоводческий», viticole «винодельческий» и т. д.

Белепин, глядя, как Жак забирает у букмека[79] закобыленный выигрыш.

— Не следует доверять предрассудкам, — сказал Жак.

— Конечно нет, — сказал Белепин. — Но все равно, до чего мерзкие эти паразиты, даже говорить о них противно.

— Вы очень щепетильны, мсье Белепин, — сказал Жак.

— С гигиеной следует все же считаться. Смерть вшам[80] да мошкам! Смерть мандавошкам! Каков слог?

— Хи-хи, — хихикнул Жак.

— Хорош потешаться. Где башли?

Жак вытащил из портмоне банкноты.

— Двести франков мамаши Жопосла и четыреста франков де Цикады.

— Превосходно. Вот ваши десять процентов.

— Сэнк ю.

— Стихи де Цикады у вас?

— Нет. Я забыл у него спросить. Зато вот стихи

---

[79] Примечания: 79

Неологизм bouque образован от *англ.* bookmaker (букмекер) и фонетически ассоциируется с *фр.* bouc (козел).

[80] Примечания: 80

Лозунг пародирует устойчивое *фр.* выражение «mort aux vaches» (смерть лягавым).

мамаши Жопосла.

— Впрочем, это не имеет никакого значения, — сказал Белепин, — учитывая то, что я с ними сделаю.

— А что вы с ними сделаете? — спросил Жак.

— Ну разумеется, ничего!

Жак посмотрел на него.

— Это вас удивляет?

— Нисколько. Разумеется, вы с ними ничего не сделаете!

Он доехал на такси до улицы Лувра[81] и послал де Цикаде перевод на четыреста франков. Вернулся пешком.

— Какой же я все-таки дурак.

Он пошел по набережной. Люди возвращались домой. Они возвращались из кинематографа.

---

[81] Примечания: 81
Где находится парижский главпочтамт.

II

V

Сюзанна подтерла мальчишку, затем отнесла его в кровать. Жак, утопая в кресле, курил сигарету, пепел с которой регулярно падал на ковер, ковер затрепанный и засаленный. На столе в фиолетовой тени от порожней на три четверти бутылки с нажористым красным винищем остатки продуктов превращались в отходы. От окурка, лежащего на краю тарелки, к сероватому потолку тянулась прямая струйка дыма. Раздается стук в дверь, входит Бютар[82].

И говорит: «Вот те на, а Сюзанны нет».

Он садится.

Жак сообщает ему, что она укладывает мальчишку.

— С Мишу все нормально?

— Да.

Жак встает, выливает себе в бокал остаток вина, выпивает.

---

[82] Примечания: 82

От *фр.* buter — споткнуться, натолкнуться; бить по воротам; укокошить, долбануть.

И говорит: «Я пойду. Пойду работать. Останусь там на всю ночь».

А Бютар ему и отвечает: «Ну тогда спокойной ночи. Счастливо поработать».

Городишко погружается в сон. Жак проходит мимо ярко освещенных пучин трех-четырех кафе, но не бросается в них. Он доходит до крепостных стен, вдоль которых и идет. Внизу шумит местами бурная речка. Предприятие «Бапоно»[83] расположено на окружной дороге, вне города. Жак звонит, вылезает сторож с болтающимися до колен подтяжками, расстегнутой ширинкой и слипшимися волосами. Он открывает дверь, заявляя при этом о своей готовности вкрадчивыми и тонкими намеками надоумить г-на Бапоно снабдить своего инженера-химика личным ключом. После чего опять уходит дрыхнуть. Жак пересекает двор, скрипит гравий. Жак входит в свою лабораторию и — не обращая внимания на оживление, которое его приход вызвал у крыс, мышей и прочих зверушек, призванных сносить последствия его фармацевтической и ветеринар-

---

[83] Примечания: 83

«Бапоно». — Возможно, Baponot отсылает к исламскому пророку Бафомету (Baphomet), чьим именем в средневековой Европе называли дьявола. Позднее так называли идола, часто представляемого в виде андрогина, которому тайно поклонялись секты ордена тамплиеров.

ной деятельности скорее химического, нежели биологического характера, — садится.

Курит сигарету.

Затем, отвлекшись от отсутствия мыслей, встает и обходит лабораторию; отстраненным взором осматривает бутыли, колбы, реторты, пробирки и кристаллизаторы на столе, где сушатся растения, поодаль — клетки с животными для откорма, закармливания, отравления, заражения и даже для излечения. Он обходит свои владения. Через стекло смотрит на спокойствие города, — обильно, но ненавязчиво освещаемого стараниями усердной муниципальной администрации, одним из самых деятельных членов которой, кстати, является Бапоно, — затем на расположение звезд. И по ходу перечисляет названия нескольких созвездий.

Он завершает свой космический экскурс, вновь садится и вновь погружается в отсутствие мыслей, блуждая взглядом по ту сторону стеклянных поверхностей, отражающих его самого согласно непреложным законам геометрической оптики. Тут раздается стук в дверь, входит девушка, а именно Марта, по фамилии Бапоно.

У нее под халатом пижама. Волосы распущены по плечам. Она говорит:

— Я увидела в лаборатории свет. И сразу же подумала, что это вы пришли поработать. Догадаться было нетрудно! Я вас отвлекаю?

Жак из вежливости встает и из нее же отвечает «Нет».

— Не надо условностей, — с воодушевлением говорит Марта, — выставьте меня за дверь, если я вам мешаю.

— Я еще не начал работать, — отвечает Жак, — и у меня впереди вся ночь.

— Вы что, совсем не спите?

— Сплю, но мало и очень интенсивно.

— Как это может быть? — очень серьезно спрашивает Марта.

— Целая техника. Очень сложная.

— О, — взмолилась она, — научите меня!

— После того как вы сдадите оставшиеся экзамены на степень бакалавра.

— Почему вы надо мной смеетесь?

— Ядрена вошь, — шепчет Жак.

— Чему посвящены ваши исследования в настоящий момент? Хотя это, наверное, нескромный вопрос?

— Нет. Ничуть.

Он замолчал.

Она стала прогуливаться по лаборатории, глядя

по сторонам.

— Выглядит внушительно, — сказала она. — Должно быть, папа вам очень доверяет, если оплачивает все эти красивые штуки.

— Хотите, чтобы вас очаровать, я изменю цвет лакмусовой бумажки.

— Спасибо. Этот фокус я знаю, мы проходили в школе. А вот что находится здесь, в этой плошке?

— Кишки крота, инфицированные бапонитом, средством, которое изобрел ваш отец.

— Без лаборатории, — сказала Марта.

— Естественно, без лаборатории.

Она остановилась перед клетками.

— А эти бедные зверушки?

— Различная интоксикация. Суть в том, что надо отравить кошек так, чтобы не умертвить мышей, и уничтожить пожирателей салата, не отравив при этом белых червей.

— А вот эта здоровая крыса, она вроде чувствует себя хорошо.

— Я кормлю этого зверя Интегральной Микстурой Бапоно — Защита Крольчатников и Свинарников.

— Но ведь это не кролик и не свинья!

— Его зовут Газдрубал[84]. Не считая симпатии, которую он у меня вызывает, Газдрубал служит в основном для исследований на тему гигантизма среди стебельчатых. Я пытаюсь вывести породу гигантских вшей.

— Что за странная идея, — прошептала девушка.

Она присела.

— Как дела у вашей труппы?

— Очень хорошо, мадемуазель.

— Что вы будете представлять?

— Это секрет, мадемуазель.

— А вы сами играете?

— Нет, мадемуазель. Я руковожу.

— Наш шофер ведь у вас играет, не так ли?

— Томассон, да.

— И секретарша тоже?

— Жинетта Этьен, да.

— Народная труппа.

— Как видите, да.

— Сколько вас?

---

[84] Примечания: 84

Газдрубал (или Хаздрубал) — династия полководцев и государственных деятелей Карфагена: 1) Газдрубал Красивый, карфагенский генерал (270–221 до Р.Х.), зять Гамилькара Барка, основал Новый Карфаген, заключил договор с римлянами; 2) Газдрубал Барка (245–207), брат Ганнибала и сын Гамилькара Барка; 3) генерал (II в. до Р.Х.), защищал город во время 3-й Пунической войны, сдался Сципиону Эмильену.

— Восемь, а со мной — девять.

— И как успехи?

— Поразительные.

Марта замолчала, похоже, в задумчивости, а может, в замешательстве.

— Никак нельзя к вам присоединиться?

— Ядрена вошь, — прошептал он.

Марта внимательно рассматривает расшитые носки своих шлепанцев.

— Мсье Саботье младшему я тоже отказал, — сказал Жак. — Кажется, он даже поет, но меня это не интересует.

— О Тино я у вас не спрашивала, — сказала Марта. — Каково ваше происхождение, мсье Сердоболь?

— То есть?

— Хотя это, наверное, нескромный вопрос?

— Профессия моего отца? Вы это хотели знать? Промышленник. Мать? Она из города Сен-Сезара[85]. Один из моих дядей — монсеньор города Сен-Сезар, архиепископ лионский и примат Галлии, другой — Луи-Филипп, принц де Цикада. Мы находимся в родстве с Нуа и Бруа.

---

[85] Примечания: 85

Сен-Сезар — городок в департаменте Приморской Шаранты. В 1979 году в окрестностях Сен-Сезара при раскопках слоя верхнего палеолита был найден скелет неандертальца.

Он кашлянул.

— Но прошу вас, — быстро добавил он, — пускай это останется между нами. Я бы не хотел, чтобы это знал весь город.

— Обещаю вам, — степенно сказала Марта.

Он подвинул маленький, совершенно белый лакированный табурет и сел подле нее, склонился к ней и внезапно замер.

Встал и поклонился.

— Добрый вечер, мсье Бапоно, — вежливо произнес он.

Мсье Бапоно дождался, когда Марта выйдет, и воскликнул:

— Ну и дела! Вот уж чего я никак не ожидал! Ну вы, старина, даете! Без особых церемоний. Приехали два месяца назад и уже обольщаете дочку патрона. Неплохо! Неплохо! А может, заодно и жену? Откуда я знаю?! Может, мой инженер-химик уже наставил мне рога! Черт-те что! Черт-те что! Хороший же я патрон, хорошо заткнутый патрон. Нет, вы мне только скажите, старина, главное, не смущайтесь, а! Серьезно!

Он взял Жака под руку и увлек на прогулку по лаборатории.

— Ну а не считая этого, как продвигаются наши индивидуальные исследования? Получается?

Я уверен, что получается. Рационал! Рационал получается? А Митоктон[86] Бапоно? Получается Митоктон Бапоно?

— Я представлю вам отчет в течение этой недели.

— Прекрасно. Великолепно. Но индивидуальные исследования, расскажите-ка мне о них. Хотя, может, это нескромный вопрос?

Он отпустил его руку, отошел на два шага и с восхищением оглядел Жака.

— Послушайте-ка, не знаю, говорил ли я вам уже, но вы — впечатляющий экземпляр. Вы занимались спортом?

— Да. И даже танцами. Балетом.

— Обалдеть. Обалдеть. Обалдеть.

Он смотрел на него с восхищением.

— Я должен был поступить в Оперу, — сказал Жак. — Я давал сольные спектакли в зале «Плейель» и выступал на сцене нескольких мюзик-холлов. Впрочем, у меня это семейное, поскольку моя мать была балериной в кордебалете оперного театра Бордо. Но из уважения к отцу, который был архиепископом, я выбрал химию.

---

[86] Примечания: 86

Митоктон — неологизм от *фр.* mite (моль, тля, клещ) и *гр.* ctone (убивать); возможна аллюзия на mitonner (долго варить) и устойчивое выражение miton mitaine (бесполезный, недейственный).

Бапоно вновь взял Сердоболя под руку и увлек в очередной обход лаборатории быстрым шагом.

— Танцор, — восклицал он, — инженер-танцор, танцор-инженер, нет, мне все-таки попался редкий экземпляр. Обалдеть!

Он вновь отпустил руку Жака, чтобы отойти на шаг.

— Вы чертовски хорошо сложены, — продолжил он. — Особенно поразительным я нахожу затылок, он свидетельствует одновременно о силе и уме обладателя. Такой затылок воспринимается как самое настоящее произведение искусства. Вам смешно? Вы — ученый, а я — промышленник, но искусство выше всего, не правда ли? Вот это нас и объединяет.

Он попытался вновь ухватить Жака под руку, но тот незаметно отстранился.

— Мне вот танцы, — сказал Бапоно, — художественные танцы, разумеется, кажутся чем-то феноменальным. Всякий раз когда я оказываюсь в Париже, бегу на балет. Вы даже не догадывались, правда? Вы даже не представляли? Балет — это восхитительно. Балерины — сплошное очарование. А красивые, атлетически сложенные тела в облегающих трико — вот что дает глубокое представление о человеческой анатомии.

Он кашлянул.

— А если вы мне что-нибудь станцуете? — предложил он. — Я бы обеспечил музыкальное сопровождение, а вы бы выделывали свои па.

Он принялся напевать, затем попеременно имитировать струнные и духовые. Жак после некоторого замешательства выдал несколько па, затем перепрыгнул через стол с рьяностью позитрона, вытолкнутого из ядра бора.

Вошла мадам Бапоно.

И сказала: «Не стесняйтесь, господа».

Бапоно прыснул со смеху. Жак сделал достойное лицо и поклонился. Мадам Бапоно была одета так же, как ее дочь, ее шлепанцы были расшиты идентичным образом. Она подвинула стул и села.

— Прошу вас, — сказала она. — Продолжайте.

Она доброжелательно улыбалась.

— Нет-нет, — воскликнул Бапоно, потирая глаза, — на сегодня хватит. Пойдем спать.

— Вы репетировали? — спросила мадам Бапоно.

— О нет, мадам, я руковожу, я сам не играю.

— А какую пьесу вы нам готовите?

— Это секрет, мадам.

— Ладно, все, — сказал Бапоно. — В койку.

Дадим молодому человеку возможность поработать.

Он встал и бесцеремонно ссадил супругу.

— Спокойной ночи! — крикнул он. — Спокойной работы!

Еще секунда — и их уже не было.

Жак еще раз обошел лабораторию, погладил Газдрубала, рассеянно посмотрел на пару кристаллизаторов, затем выключил свет и вытянулся на диване в своем кабинете. Он проснулся, когда аппараты для растирания в порошок Интегральной Микстуры Бапоно уже давно урчали. Он услышал, как с полной отдачей стучит пишущая машинка Жинетты.

Он потянулся, встал и решил пойти побриться. В зеркале, висевшем над его письменным столом, он увидел Корбиньона, который усердно трудился согласно полученным инструкциям.

— Который час, Корбиньон? — крикнул он.

— Полдесятого, мсье Сердоболь.

— Я проработал всю ночь, — сказал Жак.

Он посмотрел на себя в зеркало. И окончательно утвердился в своем намерении отправиться в парикмахерскую.

— Все в порядке, Корбиньон?

— Да, мсье.

— Ничего особенного?

— Нет, мсье.

Сказали друг другу они.

Он вышел. В парикмахерской не было ни одного клиента. Он уселся в кресло. Патрон собственноручно начал намыливать ему нижнюю часть лица. После того, как и тот и другой закончили свои дознания относительно семейных дел и метеорологических соображений собеседника, Жак быстро перешел к интересующей его теме, а именно к частной жизни господина Линэра[87], аптекаря и эксклюзивного производителя антионталгина «Беспечный скворец»[88], специфического и радикального средства против онталгии, экзистенциальной тоски, субстанциальной астмы, эссенциальной эпилепсии и прочих околососедствующих напастей. Вот уже полвека Линэр изготавливал лекарство, рецепт которого унаследовал от отца, а тот от своего, и так далее. Относясь к рекламе с презрением, а в

---

[87] Примечания: 87

Линэр. — Фамилия Linaire (досл. название растения «льнянка»), возможно, является аллюзией на Карла фон Линнея (1707–1778), шведского натуралиста и врача, создателя первой научной классификации растений, основателя и президента Стокгольмской академии наук.

[88] Примечания: 88

«Беспечный скворец» — название Joyeux Sansonnets на слух может восприниматься как *фр.* joyeux (жарг. «тестикулы») и sans sonnets (без сонетов).

душе даже наплевательски, он продавал не более пятидесяти флаконов в год, что и составляло весь объем годового производства, кое было отнюдь не быстрым. Жак отправил один флакон де Цикаде, который объявил себя по-настоящему, да, по-настоящему удовлетворенным; принимая эту смесь, он ощущал ее возбуждающее и позитивное действие, стимулирующее его вдохновение, порой ослабляемое недугом. Итак, Жак полагал, что нашел настоящую жилу для разработки и прочную основу для реализации тех амбициозных планов, что впоследствии могут у него появиться. Но он колебался, не зная, предложить ли дело Бапоно (удивительно, что тот сам до этого еще не додумался) и объединиться с ним или же попытать счастья в одиночку. Что касается первого хода (а именно: убедить Линэра уступить свое производство), это будет, предполагал Жак, делом несложным после того, как он подробно ознакомится с привычками фармацевта. В своем проекте он даже усматривал следы филантропии, ибо собирался, ну конечно же, заинтересовать старика новым альянсом, дабы тот на всю оставшуюся жизнь увяз в богатстве благодаря инициативности и изобретательности Жака Сердоболя.

Аптека папаши Линэра выглядела довольно представительно, хотя и не так блестяще, как заведение недавно обосновавшегося конкурента. Жак заходил туда редко — купить пачку аспирина да увидеть физию персонажа, чтобы понять, как его зацепить. Старый хрыч коллекционировал клещей; подступиться к нему с этой стороны было бы просто, но, ничуть не сомневаясь в своих способностях за неделю поднабраться достаточно глубоких знаний в этой интереснейшей области, чтобы суметь разговорить Линэра и даже озадачить его парой заковыристых вопросов, Жак гнушался применять подобные методы и предпочитал использовать более быстрые и энергичные средства, если таковые оказывались в распоряжении.

В лабораторию вошла Жинетта. Жак был один. Он рассматривал под микроскопом маленькие ошметки колорадского жука; следовало сделать более эффективным Дорифоровор[89] Бапоно, чья недостаточность по части дорифо-

[89] Примечания: 89

Дорифоровор — неологизм, образованный от *фр.* doryphore (картофельный или колорадский жук) и *лат.* vore (пожирать, поедать).

ротрудикации[90] уже начинала беспокоить всех сельскохозяйственников департамента.

— Что вам от меня нужно в этой истории с Линэром? — спросила Жинетта.

Она пыталась продемонстрировать высокомерие, но Жак прекрасно знал, что она славная девушка. Одевалась неплохо, красилась, насколько возможно в этом захолустье, чтобы не выглядеть шлюхой, и носила шелковые чулки в обтяжку.

— Жинетта, что вы думаете обо мне? — спросил Жак.

Он находил ее милой, но не больше, и никакого желания не испытывал.

— Что я думаю о вас? Что я думаю о вас?

Она была явно в затруднении.

— О, я в вас не влюблена, — наконец с раздражением выдала она.

— Так. Хорошо. Но, может быть, вы считаете меня хорошим товарищем.

— Это да. Даже отличным.

— Хорошо. Так вот, сегодня вечером мы все втроем пойдем к Линэру.

---

[90] Примечания: 90

Дорифоротрудикация — второй элемент слова trudication является неологизмом, образованным *от лат.* trucidatio (избиение, умерщвление) или от *лат.* trudere (толкать, гнать).

— Кто это — втроем?

— Вы, я и ваша младшая сестренка Пьеретта.

— Вы не посмеете! — воскликнула она.

— Ничего страшного с ней не произойдет, — спокойно произнес Жак.

— А что Линэр скажет, когда вас увидит?

— Пускай говорит что хочет. Назначьте ему свидание на один из ближайших дней.

— А если нас увидят?

— Я буду ждать вас у калитки из переулка, который выходит на улицу де ла Пьер-де-Мор. Там никто никогда не ходит. Соседей напротив нет. Это стена винокурни Саботье. Я осмотрел это место.

— Но откуда вы знаете, что…

— Мои секретные источники.

— А почему вы хотите…

— Не беспокойтесь. Я просто прошу вас оказать мне маленькую услугу.

— Какая-то сомнительная история[91].

— В общем, подумайте, — резко ответил Жак. — Мне надо работать. Вы дадите мне ответ на днях.

На днях, когда он, например, пойдет в кино.

---

[91] Примечания: 91

Вместо устойчивой идиомы pas très catholique (досл. не очень католическая) Кено употребляет сочетание pas très orthodoxe (не очень православная).

Перед входом в кинотеатр комдельной и отпактной группой о том о сем беседуют Бапоно и Саботье. Жак элегантно раскланивается с дамами, с различной степенью уважения пожимает руки господам. Тино держит себя очень приветливо, Жак про себя усмехается. У него спрашивают, как продвигается постановка пьесы, и он ловко переводит разговор на тему Концертного зала. Бапоно хлопает себя по лбу: чуть не забыл! Перед сформулированным таким образом запросом мэру Саботье ничего не остается, как пообещать все, что от него хотят. Звенит звонок, пора заходить и занимать места. Жак оказывается между мсье Бапоно и мадам Бапоно, деликатная ситуация, которая предписывает ему отказаться от обоих подлокотников и свести ноги вместе, прямо перед собой. Лучше не уклоняться ни вправо, ни влево. Наступает мрак, а вместе с ним документальный фильм о ловле сардины. В то время как на экране в трюм судна вываливаются потоки биомассы, Жак чувствует, что Бапоно незаметно завоевывает территорию. Жаку интересно, что мадам Бапоно сделала бы на его месте, учитывая, что он — не Бапоно. Он перемещает ногу в сторону мадам и прикасается к мясистой икре. Икра тут же отстраняется, как будто исчезает. Жак

использует тот же прием в сторону мсье Бапоно. Патрон принимает приличную позу. Отныне все идет превосходно, и так — до финального заполнения консервных банок маленькими рыбками и зажигания света.

— Познавательно, — степенно изрекает Бапоно, с высокой колокольни плюющий на позвоночных, которых нельзя ни отравить, ни откормить.

Жак поворачивается к мадам Бапоно, которая бросает на него строгий взгляд. Марта, сидящая рядом с мадам Саботье, уже вся извелась. Тино болтает с отцом. Жак задумывается на тему бог знает чего. Он оглядывает зал и замечает Линэра, а неподалеку от него Пьеретту с сестрой.

— Кого это вы там высматриваете? — спрашивает Бапоно. — Какую-нибудь козочку?

Жак категорически отнекивается. Он уже подумывает о том, что с его стороны было бы вежливо наврать два-три комплимента мадам Бапоно, но в этот момент тьма вновь побеждает свет, на этот раз для проекции новостей. Ничуть не удивляясь, Жак видит, как он сам принимает парад парижского гарнизона, поднимается на вершину Гауризанкара[92], управляет спортивной

---

[92] Примечания: 92

Гауризанкар (или Гаурисанкар) — вершина в Центральных Гималаях, на территории Непала (7145 м).

гоночной машиной в Индианаполисе и, будучи министром спорта, выступает на торжественном открытии бассейна в окрестностях Парижа. Все это время Бапоно вел себя спокойно.

В антракте мужчины встали и пошли отметиться у писсуаров, покуривая сигареты. Дамы остались сидеть, посасывая леденцы.

— Мы как-нибудь еще поговорим о танцах, — сказал Жаку Бапоно, ухватывая его под руку, чтобы не потерять в толпе. — Это меня страстно увлекает. Послушайте-ка, — воскликнул он с восхищением, — ну и бицепсы же у вас. Обалдеть, обалдеть, обалдеть, ах как приятно щупать.

Саботье нужно было что-то сказать своему помощнику. Перед писсуарами по соседству с Жаком оказался Тино, который, поливая разверстую пред ним чашу, спросил:

— Ну, Сердоболь, как репетиции?

— Неплохо.

Он выплюнул окурок на сухой участок чаши и прицельной струей его погасил.

— Знаете, — продолжил Тино, — я считаю, что вы вредничаете.

— Не может быть, — ответил Жак.

Они вышли вместе.

— Да, — продолжил Тино. — Ведь я тоже люблю

театр. Это мое призвание. Было бы здорово, если бы вы позволили мне дебютировать в труппе, но больше всего я бы хотел выступать один. У меня хороший тенор, мне об этом говорили. Как вы нашли меня в прошлый раз у Бапоно?

Жак мрачно на него посмотрел и ничего не ответил. Проходящие люди разделили их. Жак внезапно оказался перед Жинеттой.

— Ну?

— Мы обе идем туда сегодня вечером, — сказала Жинетта.

— И я.

— И вы, разумеется, — сказала Жинетта.

— Вы будете ждать меня в условленном месте?

— Да, — сказала Жинетта.

Он оставил ее. Тино вновь к нему пристроился и продолжил:

— Кроме шуток, я хочу стать певцом, оперным тенором. Мой отец разорется, ну и что с того? Вот вы сами, вы ведь не находите это смешным, правда?

— Это занятие действительно не глупее других.

— Я говорю об этом с вами, — сказал Тино, — потому что вижу вас насквозь.

Жак из осторожности улыбнулся, но на хваста-

ющегося персонажа взглянул уже по-другому, да и существование вышеупомянутого себя оценил по-новому.

— Да, — продолжил Тино. — Вы-то должны меня понять. У вас, у вас есть амбиции. Вы не намерены всю жизнь здесь киснуть. Правда? И я тоже! Я все время представляю себе, как пою арию из «Фауста»[93] в опере, а весь зал взрывается аплодисментами. Это идея, всего лишь идея, но когда-нибудь все так и будет, так, как я сказал, как я захотел.

Прозвонили конец антракта.

— Мое имя будет напечатано крупными заглавными буквами на афишах. Я буду объезжать столицы, получать фантастические гонорары, я даже смогу откладывать деньги на когда стану старым. А еще у меня будут женщины. Столько, сколько захочется. Великий тенор только посмотрит на какую-нибудь женщину, и раз, она уже падает ему в объятья. Ах, какая жизнь! Какая будет жизнь! А вы не такой? Вы никогда не представляете себе, что с вами происходит то, чего вам бы хотелось?

---

[93] Примечания: 93

Существует несколько опер на сюжет Гете, в частности, Р. Шумана (1846), Ш. Гуно (1859), Ф. Бузони (1924), а также ораторий и кантат, например Г. Берлиоза (1829 и 1846).

— Нет, — сказал Жак. — Никогда.

Тино недоверчиво смотрит на него:

— Да ладно!

В этот момент Жак:

— Вы знаете Линэра?

— Да. Но мы все всегда покупаем у Страби[94].

— Что вы о нем знаете?

— О Линэре?

— Да. О Линэре.

— Ничего. Он, знаете ли, производит одно лекарство. Кажется, против эпилепсии. Но ничего особенного. Это и сравниться не может с ветеринарией мсье Бапоно.

— Он женат?

— Да. Этот тип вас интересует? Любопытно почему. Здесь он не интересует никого. О нем здесь почти никогда не говорят.

Они направились к своим местам. Предваряющая музыка уже заиграла, но экран антрактно хранил белизну.

— А-а-а! — протянул тут Тино.

Жак повернулся к нему.

— Я понял, — сказал Тино, — почему вы им интересуетесь. Но знаете, другие об этом уже

---

[94] Примечания: 94

От *фр.* strabisme (страбизм, косоглазие).

думали до вас.

Они остановились у своего ряда.

— Я ничего не скажу, — прошептал Тино на ухо Жаку, который сел на свое место рядом с мадам Бапоно.

Патрон и Саботье еще не вернулись на свои места. Жак был вынужден выдать мадам Бапоно несколько располагающих глупостей типа «вы любите кино» или «кто играет в следующем фильме», «вам он нравится — мне не очень». Губы мадам Саботье, соседствующей с Мартой, усердно шевелились: должно быть, трепались о помолвке. Затем свет погас в третий раз.

Начальные титры уже заканчивались, когда отдувающиеся Бапоно и Саботье наконец уселись. Тут начался фильм, довольно любопытная история. Речь шла о докторе, который днем был врачом, а ночью — злодеем. Днем он вел себя очень хорошо, но ночью ходил по притонам, посещал дурных девиц и кокошил фраеров. Эта сказка вызывала недоумение, а временами и недоверчивый смех у зрителей, но Жак знал, что такое двойная жизнь, да и не являлся ли он сам главарем опасной шайки, скрывающейся под видом актеров самодеятельной труппы? От лаборатории подземный ход вел к потайному гаражу,

где находился мощный автомобиль, который доставлял их на места преступлений, как правило, в замки для ограбления, а иногда даже в Париж. Когда в полночь Жак Сердоболь заходил со своими единомышленниками в «Табарэн»[95], кто мог распознать в них преступников, совершивших столько грабежей и убийств, да еще и угадать, что один из них — всего лишь скромный провинциальный инженер-химик, другой — секретарь мэрии, третий — сын танцовщицы кабаре и т. п.

Но тут Жак вновь чувствует, как его теснит плечо Бапоно. Он поворачивается к патрону, который заснул или делал вид, что. Что до соседки, то фильм ее так захватил, что она даже не заметила, как Жак вытянул и прижал свою ногу к ее ноге. Когда главный актер после всяких гримас наконец-то умер и электрические лампы вновь осветили зал, мадам Бапоно на этот раз не бросила на него строгого взгляда. Что за история, боже мой, что за история[96].

Затем вся толпа шагает в темноте, и Марта

---

[95] Примечания: 95

«Табарэн» — название многих кабаре на Монмартре. Самое известное было основано в 1904 году композитором Августом Боском и позднее превратилось в мюзик-холл.

[96] Примечания: 96

Вероятно, речь идет о звуковой версии фильма Рубена Мамуляна «Доктор Джекилл и Мистер Хайд» (1931).

наконец оказывается рядом с Жаком.

— Что вы думаете о фильме?

Жак отвечает не сразу. Он все еще бьется в муках агонии, отравленный психагогическим[97] эликсиром, который тайно изобрел в лаборатории Предприятия Бапоно. Наконец:

— Неплохой, но совершенно неправдоподобный, правда?

— Вы так говорите, чтобы меня провести! Я прекрасно знаю, что вы не из таких.

— Не из таких каких?

— Не из тех, что считают эту историю неправдоподобной. Я в нее верю. Подобные приключения могут случаться, вы так не думаете?

Жак ответил жестом неведения, и эта мимика растворилась в тени, проплывающей меж двух фонарей. Не услышав ответа, Марта продолжила:

— Я все время думала о вас. Я представляла вас в вашей лаборатории, и в моем воображении эту микстуру приготовили вы сами.

— И я стал таким же отвратительным, как тот тип на экране?

Смех Марты привлек Тино.

---

[97] Примечания: 97

Психагогический — от *гр.* psycha (душа) и *гр.* agein (управлять), т. е. использующий психологию при воспитании.

— Я вам не помешал?

— Тино, — весело спросила Марта, — вам не кажется, что мсье Сердоболь чем-то похож на героя фильма?

— Конечно, — услужливо ответил Тино.

— Вы никогда не видели, как он манипулирует своими склянками?

— Нет, — сказал Тино. — Мне закрыт доступ к лаборатории точно так же, как и к театральной труппе.

— Вы работаете сегодня ночью?

— Нет, — сказал Жак.

Девчонки ждали его в темном уголке. Они открыли калитку, и длинный черный проход привел их к двери, в которую они постучались.

VI

Линэр открывает. Сначала он видит только двух девочек. Он поспешно приглашает их войти. Выражает свою радость. Рассыпается в любезностях. Но тут видит, как появляется третий лишний. У Линэра странно перекашивает рожу. Он спадает с лица. Девочки не решаются даже улыбнуться.

— Я вам не помешал? — спрашивает Жак, кладя шляпу на стул. — Я собирался к вам заглянуть и

подумал, что удобнее это сделать после киносеанса, а тут как раз встретил мадемуазель Этьен, которая шла как раз к вам. Вы ведь в курсе, что мадемуазель Этьен работает вместе со мной у Бапоно?

— Не в курсе, — отвечает Линэр замогильным голосом.

Все стоят неподвижно в полной тишине.

— Возможно, мы вам помешали, — говорит Сердоболь.

Линэр вздрагивает.

— Входите уж.

Он провел их в столовую. На столе стоял торт, весь в креме и мороженом, а также бокалы, тарелки и приборы на троих. Жинетта и Пьеретта сели, а Линэр полез в буфет за бокалом и прибором для Жака. Пьеретта, сложа руки, выглядела очень послушной девочкой. У нее на ногах были длинные, до колен, гольфы. А на лице совершенно беспристрастное выражение. Линэр посматривал на нее украдкой, не осмеливаясь задержаться взглядом. Он слегка дрожал, ставя на стол тарелку, вилку, ложку. Жак тоже посматривал на Пьеретту. Он понимал, почему Линэр влюблен. Жак был еще слишком молод, чтобы влюбиться в столь хрупкую девчушку, он предпочитал блондинок

с сочными формами, таких, как Сюзанна или мадам Бапоно, но в общем-то и Пьеретта была не лишена очарования. Жинетта непринужденно положила ногу на ногу, но Жак угадывал в ее глазах беспокойство и даже смятение.

— Хотите кусочек торта? — внезапно спросил Линэр. — Вы любите сладости?

— С удовольствием, — сказал Жак.

— Я его разрежу, — сказала нетерпеливая Жинетта.

— Могу предложить вам лимонад, — сказал Линэр. — Я подумал, что для мадемуазель…

Он чуть склонился к Пьеретте, раскатывая губы в улыбке.

— Ничего плохого в лимонаде я не вижу, — сказал Жак.

— А мне он даже нравится, — сказала Жинетта. Жажду утоляет.

— Я надеялась, что будет шампанское, — сказала негодница Пьеретта.

Жинетта пнула ее под столом.

— Ай, — айкнула девочка.

Жак подмигнул и одобрительно закивал головой.

— Шампанское! — воскликнул Линэр. — Шампанское! Я об этом не подумал. Обещаю вам, в

следующий раз будет.

— Вот видишь, — сказала сестре Пьеретта.

Жинетта раскладывает куски торта. Все начинают облизывать ложки. Линэр смотрит на Пьеретту и не упускает из виду ни одной крошки. Время от времени поглядывает на гольфы. Это волнует его еще больше, чем крем, хотя он и взбитый.

Жак незаметно подает знак Пьеретте, и та неожиданно и звонко спрашивает:

— Мсье Линэр, а мадам Линэр, как она себя чувствует, мадам Линэр?

В смятении Жинетта роняет кусок торта на ковер.

И извиняется: «Ой! Извините».

И соскребает крем ложкой, топорща ковровый ворс.

Линэр смотрит на Жинетту:

— Она чувствует себя хорошо. Спасибо. Она уже легла. Она ложится рано. Она так привыкла. Она ложится рано. Она уже легла. Спасибо. Она чувствует себя хорошо.

— Мадам Линэр рано ложится по собственному желанию, — спрашивает Жак, — или это вы ей советуете из гигиенических соображений?

— Вне всякого сомнения, для здоровья пра-

вильно ложиться рано, — степенно отвечает аптекарь.

— А мы и не сомневались, — говорит Жак.

Пауза для ликвидации грязных тарелок, после которой Линэр, глухо кашлянув, задает следующий вопрос:

— Но мсье… мсье?

— Сердоболь, — говорит Жак.

— Мсье Сердоболь, вы только что сказали, что работаете у Бапоно? Я не ошибся?

— Точно. Я — химик.

— Работа продвигается?

— Продвигается. Мы разрабатываем несколько новых препаратов. А еще я провожу индивидуальные исследования.

— Это он вас сюда прислал?

— Кто? Куда?

— Бапоно. Ко мне.

— Зачем ему меня куда-то посылать?

— Ладно, не стройте из себя идиота.

Линэр говорит это раздраженным тоном. Жак резко встает, чуть не опрокинув стул.

— Мсье, — произносит он дрожащим голосом, — мсье, я никогда никому, даже пожилым аптекарям, не позволял называть себя идиотом.

Девочки смотрят на него восторженно, Линэр

— устало.

— Мсье Линэр, — продолжает Жак, — людям, которые называют меня идиотом, я обычно бью морду.

— Он был чемпионом Парижа среди любителей, — шепчет Жинетта.

Это было сказано в адрес Линэра, для справки. Но аптекарь не испытывал страха. Он не знал, что такое бокс, он не дрался вот уже сорок пять лет и посему воспринимал сказанное не как гипотетический мордобой, а всего лишь как пустые слова.

— Я могу принести вам свои извинения, — пропел он с безразличием. — Но сначала сядьте и прекратите так кричать.

— Я принимаю ваши извинения, — сказал Жак.

Он сел.

— Итак, я продолжаю, — сказал Линэр. — Вас сюда послал Бапоно.

— Нет.

— Вы пришли не за эликсиром? Бапоно давно на него имеет виды.

— Я сопровождал этих барышень, — сказал Жак.

Линэр насупился:

— Вы вмешиваетесь в то, что вас не касается.

— Я не хотел быть нескромным.

— Однако вы нескромны, черт возьми! Вы нескромны! Я вас не приглашал, черт возьми, черт побери!

Линэр разозлился. Это было не только слышно, но и видно: по тому, как топорщилась его борода и морщились уши, первая подобно листве, которую колышет ветер, вторые подобно глади озера, которую волнует бриз.

— Не понимаю, в чем именно заключается моя нескромность, — ответил Жак. — Вы можете запросто беседовать с этими барышнями в моем присутствии. Полагаю, у вас ведь нет никаких секретов?

— О нет, — сказала Жинетта.

— Каких секретов? — спросила Пьеретта.

Она теребила один из гольфов, тот, что все время норовил сползти гармошкой. Линэр искоса поглядывал.

— Пьеретта, — строго произнес Жак, — оставьте в покое ваши гольфы.

Девочка улыбнулась и повиновалась. Линэр, перестав коситься, разинул рот.

— Вы же знаете, что я работаю секретаршей у Бапоно, — сказала ему Жинетта.

— Я тоже буду работать у Бапоно, — сказала

Пьеретта, разглядывая свои ногти, которые пока еще не решалась красить, но уже и не грызла.

— Кроме того, — сказал Жак, — я работаю над средством против колорадских жуков.

И добавил торжественно:

— Тяжкий труд.

Затем, доверительно:

— А еще я пытаюсь вывести породу гигантских вшей.

— Удачная идея, — мрачно отозвался Линэр.

Он встал. Направился к буфету:

— Желаете дижестив[98]? Для барышень у меня есть кое-что легкое. Мсье Сердоболь, вы выпьете рюмку марка?

— Разумеется, — сказал Жак.

— А мне можно попробовать марка? — спросила Пьеретта.

— Нет, — ответил Жак. — Возможно, в другой раз.

Линэр разносил напитки.

— А вы знаете, у нас создана театральная труппа, — сказала ему Жинетта. — Я играю роль

---

[98] Примечания: 98

Дижестив — от *фр.* digérer (переваривать): крепкий алкогольный напиток (коньяк, арманьяк, кальвадос), который пьют после еды.

Селимены в «Мизантропе»[99].

— Очень хорошо, очень хорошо.

Он уже не слушал, о чем говорили вокруг.

Пьеретта непонятно от чего хохотнула. Жак продолжил:

— Я направлялся к вам, дабы переговорить с вами об одном деле, а этих барышень встретил у ваших дверей. Поскольку они мне сказали, что я им не помешаю, я подумал, что не помешаю и вам. Меня не касается, зачем вы приглашаете этих барышень к себе на торт после киносеанса, хотя, как руководитель «Блистательного Театра»[100], я обязан присматривать за членами своей труппы, в частности за Жинеттой. В сей поздний час она уже давно должна была бы спать, а не болтаться с визитами к горожанам.

— Я могла бы прийти и одна, — сказала Пьеретта, потупив взор.

Линэр что-то пробурчал, но его не услышали.

— Ведь я уже хорошо выучила свою роль, —

---

[99] Примечания: 99

Роль главной героини в пьесе Мольера (1666).

[100] Примечания: 100

«Блистательный Театр» — труппа из десяти актеров, основанная в начале 1643 года Жан-Батистом Покленом (который дебютировал как актер под псевдонимом Мольер) и актрисой Мадлен Бежар. «Блистательный Театр» не выдержал конкуренции (несколько раз Мольера арестовывали за долги) и в 1645 году был распущен.

сказала Жинетта.

— Речь идет совсем не об этом, — сказал Жак, — а о том, почему я очутился здесь. Жинетта, вы не возражаете, если я поговорю с мсье Линэром прямо сейчас?

— Не имею ничего против, — сказала Жинетта.

— Я — тоже, — сказала Пьеретта, подтягивая гольфы.

— Оставьте в покое ваши гольфы, — сказал Жак.

— Ничего предосудительного в этом нет, — вдруг язвительно брякнул Линэр.

— Мсье Линэр, — объявил Жак, — я пришел к вам по поводу эликсира «Беспечный скворец». Это уникальное лекарство, которое может сделать вас богатым, но…

Он замолчал, чтобы посмотреть, какое выражение лица будет у Линэра, но аптекарь обошелся без выражений.

— Но, — продолжил Жак, — до настоящего времени вы даже и не думали разрабатывать это замечательное открытие современными методами.

Линэр даже не пошевелился, Жак продолжил:

— Кроме того, распространение знания о лекарстве столь эффективном против болезней столь

опасных стало бы делом весьма гуманным.

Жак продолжил:

— Короче, двойная выгода. Выгода для вас, выгода для человечества.

— Уже, — ответил Линэр, — лет пятнадцать, как Бапоно мне про это талдычит. Да плевать ему на человечество! Им движет одно тщеславие! Не хочет оставаться в ветеринарии, хочет пролезть в фармацевтику. Этот выскочка считает ее более изысканной. Так вот, плевал я на его тщеславие. Пусть остается в ветеринарии! Так ему, подлецу, и надо!

— Хорошо, а как же быть со мной? Ведь я же не Бапоно.

— Вы работаете на него.

— А если бы я на него не работал?

— А кто вы такой вообще?

— Друг этих барышень, — сказал Жак, широко улыбаясь.

Пьеретта прыснула со смеху, а ее сестра принялась внимательно рассматривать одну из фарфоровых ваз, украшавших камин, конкретно ту, что справа.

Линэр пожал плечами, придвинул свой стул к стулу Пьеретты и добродушно сказал:

— Нигде нет покоя. Приходят и надоедают даже

в собственном доме. Я ни у кого ничего не прошу, пусть оставят меня в покое с моим эликсиром, который я продаю, как мне хочется и кому хочется. Ах!

Он повысил голос.

— Ах! Вы хотите прославить мой эликсир? Большое спасибо! Чтобы потом начались бесконечные неприятности. Большое спасибо! Мне все это уже знакомо. Видите ли, мсье Сердоболь, вы молоды, вы, похоже, не глупы, вы меня поймете. Представьте себе, в двадцать восемь лет я открыл лекарство, которое могло окончательно излечивать близорукость: всего лишь несколько капель, и уже не нужны очки. Могу даже вам сказать, из чего я готовил этот миопицид[101]: из малабарских бобов[102]. Итак, всего лишь несколько капель, и уже не нужны очки. Добавлю: уже не нужны окулисты, уже не нужны оптики. А значит: разорение для всех окулистов и всех

[101] Примечания: 101

Миопицид — от *гр.* myopia (миопия, близорукость) и *лат.* cide (убивать).

[102] Примечания: 102

От *фр.* разг. malabar (битюг, силач) и Малабар, район в южной оконечности Индии, издавна славящийся своими специями. «Малабарскими бобами» автор заменяет «калабарские бобы» (fèves de Calabar), т. е. обиходное название экзотического растения физостигмы (physostigma), чьи зерна содержат ядовитый алкалоид физостигмин. Калабар — город на юге Нигерии.

оптиков. Так вот, мой дорогой мсье Сердоболь, за эту историю я чуть было не заплатил слишком дорого: о-ля-ля! своею жизнью! Всего-навсего. Меня хотели убить. Прекрасно. А продавцы черепаховых оправ хотели отрезать мне уши! Когда я все понял, то сразу же похерил свой миопицид и приехал сюда, в это тихое место, где просто и бесхитростно начал производить эликсир.

Представьте, что я начну на нем делать деньги! Так вот, повторится та же история. Представьте себе на секунду, я излечиваю от экзистенциальной онталгии, субстанциальной тоски, эссенциальной эпилепсии; что станет с врачами, теологами, фармацевтами, философами, хирургами? Все разорятся! Все загнутся! Конец Ватикану! Конец медицинскому факультету! О, я их прекрасно знаю, как только они узнают об излечении, они не оставят меня в покое и в итоге сотрут с лица земли, где мне совсем неплохо, особенно в этот момент, когда я сижу напротив такой славной малышки, как эта.

Он протянул руку и ущипнул ее за подбородок. Жинетта кашлянула, он отдернул руку.

— Я прекрасно вас понимаю, мсье Линэр, — сказал Жак, — но если бы эликсиром занимался я, то набросились бы на меня, а не на вас. Напали бы

на меня, а вас, вас оставили бы в покое.

— Как знать, — сказал аптекарь, вновь придвигая свой стул к стулу Пьеретты.

— Я возьму на себя весь риск, — сказал Жак, — вы получите все выгоды, или почти все.

— Вы так полагаете?

— Мы объединимся с Бапоно.

Аптекарь рьяно зачесал затылок, дабы продемонстрировать озадаченность, в которую его повергло предложение Сердоболя. Но Пьеретта, чьи девичьи ножки сформировались уже куда лучше, чем представления о приличиях, интерпретировала жестикуляцию самым конкретным образом и воскликнула:

— Мсье Линэр, неужели у вас вши?

— Пьеретта! — снэпапельнула[103] Жинетта и сняла ногу с ноги.

— Пьеретта, — назидательно произнес Жак, — полагаю, что вам пора спать. Я отведу вас к вашей матери.

Вопрос Пьеретты несколько озадачил Линэра, но он не рассердился, поскольку чересчур ей симпатизировал, этой малышке.

---

[103] Примечания: 103

Снэпапельнула. — Вероятнее всего, неологизм snapper образован от *англ.* snap up (перебить, оборвать), хотя существует и ассоциация с *фр.* napper (кулинар. «заливать густым соусом, желе»).

Он обратился к Сердоболю:

— Можно было бы сделать целое состояние на хорошем средстве для выведения вшей, а вы вместо этого их разводите.

И он еще ближе придвинул свой стул к стулу Пьеретты, теперь их колени разделяло сантиметра три, не больше.

— Нет ничего позорного в том, что у тебя вши, — вызывающе заявила Пьеретта.

— Конечно же нет, — сказал Жак.

— У меня они были в школе, — сказала Жинетта. — Мне их вывели какой-то черной пастой, которая заляпала всю подушку.

— В армии, — сказал Жак, — у некоторых моих сослуживцев они тоже были.

— Кстати, — сказал Линэр, обращаясь в особенности к Пьеретте, — кстати, — сказал Линэр, облизывая губы, — кстати, существуют не только вши на голове, об этом, малышка, следует знать, существуют еще и вши на теле, на некоторых органах тела, на некоторых особенных, очень особенных органах.

— На каких органах? — вежливо спросила Пьеретта, которую эта тема не особенно интересовала.

— Ладно, ладно, мсье Линэр, — сказал Жак, —

только без фривольностей.

— Фтириус пубис[104], — начал Линэр.

Жинетта встала.

— Да, — сказал Жак, — вот именно. Уже пора домой.

Пьеретта повиновалась. Линэр последовал за выходящими, предлагая им остаться еще, но в конце концов его покинули с благодарностями, обещаниями вновь свидеться и пожеланиями спокойной ночи.

— Я вас провожу, — сказал Жак девочкам. — Видите, ничего особенного не произошло.

— До чего же гадкий старик, — сказала Пьеретта.

— В общем-то он вел себя прилично, — сказала Жинетта.

— Но я был рядом, — сказал Жак.

Они еще раз втроем прокомментировали вечер. Затем замолчали. Город спал под звездами. Город был невелик, и вскоре они очутились у дверей мадам Этьен. Шепотом пожелали друг другу спокойной ночи.

— Вы пойдете в Концертный зал в субботу? — спросила у Жака Жинетта.

---

[104] Примечания: 104

Фтириус пубис — лат. phthyrius pubis — лобковая вша.

— На эту мюзик-холльную труппу? Все эти гастролирующие спектакли обычно оказываются дрянными: один маскарад.

— Будет конкурс на лучшего исполнителя, — сказала Жинетта.

— Ну и пусть.

Он обнял девочек и прижал к себе. Целомудренно поцеловал в лоб:

— Спокойной ночи, ангелочки.

— Мсье Жак, вы должны мне дать свою фотографию, — сказала Пьеретта. — Я ее приколю. Над кроватью.

Труппа «Провинс'Фолли»[105] прибыла в субботу после полудня. Когда происходило это событие, Жак был на вокзале. Он контролировал отправку нескольких квинталов[106] смеси «Margaritaz ante Porkos»[107] в соседний район. Вот в клубах пара остановился прибывший из большого города поезд, и из вагонов начали выходить люди с

---

[105] Примечания: 105

«Провинс'Фолли» — досл. «Безумия провинций», ср. с названием театра «Фолли Бержер» (Безумия пастушек).

[106] Примечания: 106

Квинтал — мера веса равная 1 центнеру.

[107] Примечания: 107

«Margaritaz ante Porkos» — жемчуг для свиней *(лат).* Отсылка к Новому Завету: neque mittatis margaritas vestras ante porkos — «…и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями…» (Мат. 7, 6).

чемоданами и пакетами. Из купейного вагона второго класса на перрон выплеснулся высокий и хлипкий тип в никерзах[108], на него вывалилась целая лавина саквояжей, а за ним вытянулась вереница персонажей, в которых Жак угадал актеров «Провинс'Фолли». Наконец появилась пара шелковых чулок невероятной тонкости и облаченное в них создание. Которое, посудил Жак, могло быть только звездой. Ее звали Рожана Понтез, если верить расклеенным на городских стенах афишам, которые рассказывали о ней много хорошего и представляли ее реалистической певицей. Она сразу же поразила Жака, но не соизволила уделить ему внимания. Группа собралась, их было около дюжины. Викторен, шофер автобуса от гостиницы «Золотой Лев», наконец-то их нашел и помог перенести багаж. Оставались еще сундуки в багажном вагоне. Нужно было подождать. Жак предложил свои услуги; на вокзал он приехал на машине Бапоно, поэтому мог подвезти в город пятерых-шестерых человек. Предложение приняли; с ним поехала, разумеется, звезда, две другие женщины, высокий спрутообразный тип и пухлый весельчак.

---

[108] Примечания: 108
От *англ.* knickers (бриджи).

— Позвольте мне угостить вас бокалом вина в «Золотом Льве», — сказал Жак.

— Отказываться не будем, — сказал весельчак.

— Что здесь за местечко? — спросил высокий спрутообразный тип.

— Славный городишко, — сказал Жак. — Здесь спектакли любят.

— Думаете, пройдет успешно?

— Вас ждут с нетерпением. Должен вам признаться, что объявление конкурса очень воодушевило местные молодые театральные таланты.

— Они здесь есть? — спросил весельчак.

— Несколько человек. Я сам.

— Вы поете? — спросила одна из женщин.

— О нет.

— Танцуете? — спросил весельчак.

— Тоже нет. Я создал здесь маленькую театральную труппу, и вскоре мы будем играть «Мизантропа».

— Поздравляем! — закричали гастролеры.

— Значит, мы имеем дело с коллегой, — сказала женщина, которая сидела рядом с ним.

Звезда оставалась безмолвной, и Жак, сидя за рулем, не мог ее видеть.

— Вы — здешний? — спросила его соседка, грациозно скрывающая лет пятьдесят под свер-

кающей косметикой.

— Нет. Из Парижа. Точнее, из пригорода. Из Рюэйля, что близ Понтуаза.

— А, — сказала звезда. — Из Рюэйля.

— Вам знаком Рюэйль? — спросил Жак, прислушиваясь к детским отголоскам, звучащим в этом охрипшем, как водится у жанровой певицы, голосе.

Она ответила:

— Как и всем.

Жак обернулся, в эту минуту они проезжали перед источником городского освещения, и его лицо осветилось, после чего вновь ушло в тень, но теперь Рожана Понтез уже не могла не обратить на него хотя бы толики внимания. Жак вновь принял классическую позу внимательного шофера, но уже не мог не признать в себе зарождение страстной любви. Однако он довольно быстро заметил, что звезда была любовницей или, возможно, даже законной женой высокого спрутообразного типа, тоже певца, Робертиуса, но певца комического, а не реалистического. Весельчак-коротышка также подавал себя как комика, его звали Граксоном. Пятидесятилетняя женщина, мадам Фамадус, заведовала кассой, казной и счетами. Другая женщина танцевала

на выбор французский канкан, качучу[109] и матчиш[110]. Остальная часть труппы подвалила уже ко второму кругу аперитива, за который снова заплатил Жак; так он смог познакомиться с двумя другими танцовщицами, монмартрским певцом Фамадусом, певицей с поставленным голосом и музыкантами. К сожалению, возлияния пришлось довольно быстро прекратить. Предстояло ужинать, осваивать зал, ставить декорации.

После торопливо поглощенного ужина Жак быстро смылся. Сюзанна не пожелала составить ему компанию; зная такие заведения, как «Европеец», «Бобино» и «Концерт Пакра»[111], она плевать хотела на «Провинс'Фолли». Несколько аборигенов слонялось по маленькой площади, поглядывая на Концертный зал и раздумывая, за-

---

[109] Примечания: 109

Качуча — испанский танец.

[110] Примечания: 110

Матчиш — матросский танец.

[111] Примечания: 111

«*Европеец*» — парижское кабаре, основанное в 1872 году и превратившееся в мюзик-холл в 1923 году. «*Бобино*» — парижский мюзик-холл, основанный в 1816 году и названный по имени ярмарочною артиста, фокусника и кукольника. Здание было разрушено в 1868 году, и мюзик-холл под новым названием «Фолли Бобино» переехал на Монпарнас. «*Концерт Пакра*» — парижский мюзик-холл, основанный в 1881 году под названием «Концерт Эпохи». В 1908 году был перекуплен Эрнестом Пакра (1862–1925), основателем многочисленных кабаре и кафешантанов. После его смерти одно из этих заведений получило

название «Концерт Пакра» (1934).

ходить туда или нет. Местные актеры-любители стояли маленькой плотной группой; отсутствовал Бютар, зато присутствовал Тино Саботье. Они громко разговаривали и подстрекали друг друга; они были возбуждены предстоящим конкурсом. Жак присоединился к ним. Тем временем вокруг них редкие горстки склеивались в набухающую толпу, которая принимала все более студенистый вид и начинала перетекать по направлению к входу, где мадам Фамадус уже устроилась с кассой. Они последовали за всеобщим движением и шумно расселись на двух рядах.

Как и следовало ожидать, представление было посредственным, исключение, и то лишь на худой конец, могла бы составить Рожана Понтез. Ее репертуар при абсолютном отсутствии испанистости не претендовал на оригинальность, музыканты не попадали в такт, ее котурны[112] казались несколько избитыми, но она убедительно воспевала судьбу моряков и легионеров, а также горести пригородной жизни. К тому же она была довольно красива, даже слишком красива для таких жалких декораций. Между двух песен, под аплодисменты, она улыбнулась в зал, и когда

[112] Примечания: 112

Котурны — обувь на высокой подошве, которую носили комедианты в античном театре; символ трагедийного жанра.

Сердоболь понял, что улыбка предназначалась ему, это его поразительно поразило. Отныне он уже не мог представить свою жизнь без нее.

Наконец наступило время конкурса. Тино Саботье опозорился, так же как и двое-трое других неудачников и неудачниц. Местная труппа решила себя не компрометировать: было понятно, что следует спасать репутацию. После триумфального концерта Жак бросил своих приятелей и улизнул к артистам, которые встретили его по-братски, поскольку предчувствовали угощение выпивкой, которое он не преминул предложить. Итак, все побрели во мраке в сторону кафе. Две танцовщицы уцепились за Жака, так как боялись подвернуть ногу на грязной мостовой; Жак вел дам под руку, но их нависающая близость его не интересовала. Из соседней группы до него иногда доносился голос Рожаны, которая спрашивала, хороша ли выручка, и ругалась «черт!», когда оступалась и едва удерживалась от падения на землю, обгаженную коровами.

В «Золотом Льве» ему предоставили право сесть рядом со звездой. Он был очень взволнован и боялся покраснеть. Рожана, похоже, не обращала внимание на Жака, зато Бабетта, одна из танцовщиц, бесстыдно строила ему глазки, и это

его смущало. Он пробормотал несколько комплиментов, сказал, что ему очень понравилась песня про собак из Аньер[113]. Она его особенно растрогала, потому что он хорошо знал это место, а еще потому что песня была хорошо спета. Возможно, она ответила бы ему что-нибудь интересное, но им не дали поговорить, и беседа стала всеобщей. Речь шла о гастролях, о достоинствах и недостатках конкурсов, об особенностях различных городов и их зрителей, о театральном искусстве, о гостиничных блохах, клопах и даже вшах! и когда Жаку в результате нечаянного (или почти) движения случалось прикоснуться к плотской сути своей соседки, его горло сжималось еще сильнее, а голос пропадал.

Он напился.

Актеры пошли спать.

Робертиус был конечно же любовником Рожаны.

Бабетта предложилась. Сердоболь не пожелал. Он удалился в ночной мрак. Домой возвращаться не хотелось. Он пошел спать в лабораторию, но

---

[113] Примечания: 113

Аньер-сюр-Сен, город в департаменте Верхняя Сена, к северо-западу от Парижа. В конце XIX века в Аньере было устроено знаменитое Собачье кладбище, насчитывающее сегодня более 3000 могил и разбитое на 4 сектора: собаки, кошки, птицы и прочие животные.

света не зажигал, опасаясь привлечь семейство Бапоно. Воскресная репетиция была отложена, после обеда он собирался вернуться в Концертный зал. Он заехал домой утром, но Сюзанну и Мишу не застал. В «Золотой Лев» пришел задолго до аперитива и присоединился к трем-четырем участникам труппы, но Рожану не увидел. Пообедал с Мишу и Сюзанной, которая начала задавать ему неприятные вопросы: ей уже много чего порассказали на его счет, она считала себя хорошо проинформированной и представляла себе разные разности. По ее настрою Жак почувствовал, что она нарывалась на ссору, это его начало доставать, он прикончил бутылку красного вина и свалил. Некоторые из его товарищей повторно, как и он, пришли на концерт. Рожана была так же бесподобна, как и накануне, но улыбнуться ему забыла, отчего он закис. Конкурс получился гниловатым: выступило без особого изящества несколько мужланов. После концерта пошли выпивать, но Жак довольно скоро бросил приятелей и отправился в «Золотой Лев», где столкнулся с труппой, и на этот раз Рожана была с ними. К семи часам вечера стало уже заметно, что Жак пьян. Он отужинал с гастролерами. Дошел с ними до Концертного зала, поднялся на сцену.

Бютар постучал в дверь. Сюзанна открыла.

— Ребенок спит? — спросил он.

А она ответила «Не переживай».

И он вошел. Они пылко поцеловались.

— Жак дурит вовсю, — сказал Бютар, отклеившись от Сюзанны.

— Только не говори мне об этом типе, — ответила Сюзанна, увлекая его к кровати.

В пол-одиннадцатого Бютар начал одеваться.

— Почему ты сказал, что он дурит вовсю? — спросила Сюзанна.

— Он спутался с труппой актеров и выделывает номера.

— И это смешно?

— Все смеются. Ему много аплодируют.

— До чего же люди глупы. Несчастное человечество.

— Ты права, — сказал Бютар. — Несчастное человечество.

— Что же он такое делает, чтобы всех смешить? — задумчиво произнесла Сюзанна.

— Невозможно объяснить, — сказал Бютар. — Жесты. Физиономия. Слова.

— Ну и экземпляр, — вздохнула Сюзанна. — Что это на него нашло?

— Непонятно, — сказал Бютар.

— Тебе пора уходить, — сказала Сюзанна.

— Уже ухожу, — сказал Бютар, не сходя с места.

— Если он тебя здесь застанет, то побьет.

— Это правда, что он был чемпионом Франции среди любителей?

— Похоже.

Бютар немного подумал и сказал:

— Он такой пьяный, что сюда спать не придет.

— Не обольщайся.

Она добавила:

— А потом, мне надоели твои вопросы. Проваливай.

— Хорошо, хорошо.

Он ушел.

Она тоже думала, что он не вернется домой. И быстро уснула. Но Жак заявился в три часа ночи. Ему удалось чуть-чуть поспать в лаборатории и, поплескав в лицо водой, более или менее прийти в себя. Он подошел к шкафу в коридоре, достал чемодан, принес в комнату и начал набивать его вещами. Сюзанна так и не проснулась, хотя он включил свет. Он взял белье, зубную щетку, что-то еще, закрыл чемодан и вынес его на лестницу. Выключил свет, затем зашел в комнатку, где спал Мишу. Он включил свет, но Мишу не проснулся. Он засмотрелся на ребенка. Мишу раскрылся. Жак

поправил одеяло. Малыш вздохнул, поворочался, но не проснулся. Жак склонился и поцеловал его. От ребенка слегка пахло мочой, поскольку Сюзанна за ним не очень хорошо смотрела. Жак еще раз поцеловал его и еще немного на него посмотрел.

Наконец решился. Выключил свет и ушел.

Один, с чемоданом в руке он дошел до вокзала. Никого не встретил по дороге, разве что кошек. Лег на скамью на террасе кафе. Задремал. Около пяти часов утра услышал, как со скрипом подъезжает автобус гостиницы «Золотой Лев».

Поезд отходил в 5.33.

Были еще другие: в 7.15, в 19.36, в 21.44, в 18.12, в 0.01, в 13.61, пассажирские, скорые, переполненные, забитые, пустые, расхлябанные, выцветшие, электрические, были еще длинные, короткие, тощие, новые, старые, но никогда не было спальных, никогда пульмановских, не было даже первого класса, всегда один и тот же третий класс за неимением скотовозок.

И все это, чтобы в итоге оказаться в Париже с запекшимися губами, усохшими ресницами, затертыми ногами, соответствующим чемоданом и приблизительно такими словами:

— Все. Я больше туда не вернусь.

VII

— Так будет лучше. Все это бессмысленно.

Он боялся сказать это, но, в конце концов, сказать это следовало, и он это сказал:

— Значит, все кончено?

— Все кончено.

Он взял шляпу и с последним прощай, на которое она не ответила, ушел. Медленно спустился по лестнице, забыв о лифте. Очутился на улице, улице Пигаль, у двери гостиницы. Посмотрел на север, на юг, не зная, куда идти, какому течению толпы отдаться. Делать ему было нечего. Его нигде не ждали, его не тянуло ни в ту, ни в другую сторону. Он решился идти на юг, но на углу улицы Фонтэн его потянуло на север. Приближался час аперитива, аперитива октябрьского и уже сумрачного. Жак сел на террасе кафе на площади Бланш.

Больше всего его удивляло то, что он совсем не страдал. Отупение, в котором он пребывал, совершенно его не терзало. После такой констатации он решил больше не думать об этой истории, по крайней мере в эти первые минуты. Довольно трусливо он предоставил целому букету чувств, инцидентов и анекдотов смениться венком

мелких неприятных фактов, который Рожана презрительно даровала его памяти. Итак, он оставил горьковатую стезю отвергнутой любви, дабы более внимательно рассмотреть свое положение социального существа, наделенного или, скорее, обделенного профессией. Так вот, с этой точки зрения он мало что собой представлял. Точнее, он вообще ничего собой не представлял с того момента, как театр, где он играл немую роль слуги, роль, полученную лишь благодаря протекции Рожаны, закрылся через неделю после открытия. Теперь он остался один, причем в Париже, без друзей, без связей, имея в кармане сумму, которую можно было растянуть от силы недели на две.

Эта принадлежность к никакому классу немного задевала Жака, тем более что он, еще молодой человек, начинал подумывать о том, что его будущее, как поговаривал его хитроватый папаша, было уже позади.

Перед его мысленным взором, словно процессия совершенно сформировавшихся миниатюрных эмбрионов, проходила череда образов — нереализованных зачатков социальных ролей. Он отматывал пленку на семь-восемь лет назад, и вот он уже капитан голландской армии, директор

завода, атташе при посольстве в Пекине, банкир, клоун (знаменитый), художник (знаменитый), архивист-палеограф, курсант флота (на борту последнего парусника), гонщик-велосипедист (победитель Тура Европы), чемпион мира по шахматам (изобретатель гамбита Сердоболя и дебюта f2-f3, h7-h5[114]), джентльмен-фермер в Австралии (и сколько же он извел этих кроликов), бармен (в Рице), астроном (открыватель первой планеты вне Солнечной системы, спутника а Кентавра), депутат (самый молодой во Франции), журналист (репортер редкой изворотливости и несокрушимого мужества), акробат (впервые сделавший опасный шестерной прыжок назад без разбега), факир в хрустальном шаре (старая цыганка открыла ему все тайны магии), врач (психоаналитик), врач (иглотерапевт), врач (остеопат), врач (хиропрактик), врач (хирург-стоматолог), исследователь (астронавт, иначе где же еще исследовать и что именно?), золотоискатель (естественно, разбогатевший), искатель сокровищ (в затонувших кораблях или в древних замках), английский лорд (в результате усыновления), великий лама (по призванию),

[114] Примечания: 114

По мнению профессиональных шахматистов, дебют f2-f3, h7-h5 является совершенно бесперспективным.

президент Республики Никарагуа (в результате голосования), президент Республики Коста-Рика (в результате восстания), президент Республики Гватемала (в результате узурпации чужих полномочий), отныне он забывает про амбиции, ведь есть столько других возможностей, триумвир[115], улан, сантехник, тетрарх[116], ретиарий[117], шах, соляной контрабандист[118], белый слон (в результате магического превращения), нарушающая супружескую верность саранча[119], китайский пеплум[120], кубик сахара, кусочек смывающегося мыла. Вот так он и растворялся, медленно, в маленьком бокале воды, причем грязной, так как какой-то субъект ополоснул там пальцы.

Он оплатил счет, встал и ушел, продолжая на ходу впитывать все эти судьбы. Движение навело

---

[115] Примечания: 115

Триумвир — от *лат.* triurn virum (от трех человек) — магистр, римский ставленник в провинции, отвечающий (с двумя своими помощниками) за какой-либо административный отдел.

[116] Примечания: 116

Тетрарх — от *гр.* tetrarkhes и *лат.* tetrarche (четвертовластник), правитель одной из четырех областей одной из римских провинций.

[117] Примечания: 117

Ретиарий — гладиатор с сетью.

[118] Примечания: 118

Соляной контрабандист — стар. — фр. faux saulnier, лицо, уклонявшееся от габеллы (gabelle), налога на соль, отмененного в 1790 году. Возможно также, аллюзия на французского крестьянина Жана Эбера по прозвищу Фо Сонье, эмигрировавшего в Канаду в XVIII веке

(книга «Приключение французского эмигранта в 1732 году»), или на контрабандиста Жана Коттеро, ставшего одним из главарей восстания шуанов в Вандее.

[119] Примечания: 119

Саранча — фр. sauterelle на жаргоне может означать «доступная женщина, проститутка».

[120] Примечания: 120

Пеплум — длинная женская верхняя одежда из легкой цветной ткани без рукавов в Древнем Риме (от *др-гр.* peplus).

его на соображения практического характера. Не будет же он скулить теперь над прошлым, словно ребенок, оставшийся без мамочки? Что касается химии, то надежд было мало, так как он в общем-то ничего в ней не смыслил; что касается театра, он мог бы пристроиться на несколько массовок: не так чтобы блестяще, но это бы подтолкнуло его в сторону дальнейшего существования. В какой уже раз не так чтобы блестяще, ну а что же делать? Завербоваться в восемнадцать лет в голландскую армию, чтобы стать капитаном? быстро карабкаться по бюрократической лестнице завода, дабы вскоре стать его директором? поступить учиться в Сьянс По[121] ради посольства в Китае? и так далее? он уже был готов заново раскрутить процессию, но ужин давно закончился, и он пригласил себя на киносеанс, который развеял его карнавальные мысли какой-то мрачной историей какого-то мрачного убийства.

Жак усадил себя на лучшие места, в бархатистое кресло рядом с бельэтажем, там, где начинает ощущаться кондиционированный воздух, а потолок раскрывается, являя взору звезды, воспева-

[121] Примечания: 121

Сьянс По — сокращенное название Школы политических наук (Ecoles des Sciences Politiques), элитного высшего учебного заведения, выпускающего политиков, дипломатов и государственных деятелей.

емые подфонограммным тенором[122]. Естессно, в этой части кинотеатрального пространства публика очень утонченная: промышленники в твиде, буржуазия в шелковых чулках и коротко-узком нижнем белье, отборная гомосекия, ну, в общем, здесь не дешево. Избавившись от различных судеб, в которых он мог бы погрязнуть, Жак теперь купался в крови, преследуемый полицией в силу своей невероятно развитой преступности. Однако вся эта незаконная деятельность не помешала ему отметить по соседству со своей левой ногой чью-то теплую и упитанную плоть. Он придвинулся. Какое-то время плоть благосклонно принимала эту почесть, затем, словно оскорбившись, отдернулась. Преследовать Жак не осмелился. Впрочем, в этот момент он пал, сраженный многочисленными пулями.

Когда включили свет, он посмотрел на женщину, которая по соседству с ним располагала этой теплой упитанной плотью, и узнал Доминику, а Доминика узнала его. И они сказали друг другу «вы», и Доминика представила Жака своему

---

[122] Примечания: 122

В тексте «бэйкфиксированным», вероятно, от *англ.* play-back — исполненным под фонограмму, предварительно озвученным. Возможно, речь идет о песне «Пока горят звезды» Тино Росси в фильме «Под звук гитары» Пьера-Жана Дюси (1936).

мужу, мсье Морсому[123], и друзьям, которые отреагировали на Жака вежливо и безразлично, и Доминика радушно предложила Жаку как-нибудь ей позвонить, и Жак вытащил клочок бумаги и с серьезным видом записал номер телефона. Затем они расстались. И Жак удалился, решительно настроенный никогда не подвергать циферблат автомата семикратной ротации с различными амплитудами, соответствующими трем буквам и четырем цифрам указанного номера.

Позднее он испытал утонченные муки просителя и деликатные унижения претендента на должность. В конце концов одна молодая труппа взяла его на маленькую роль в пьесе Жана Жироньо[124]. Он получил право на две реплики и маленький гонорар. Не так чтобы блестяще, но удавалось не подохнуть с голоду, хотя в общем-то до этого было недалеко. Мало-помалу он вошел во вкус ситуации и, освобожденный таким об-

---

[123] Примечания: 123

Морсом — дат. morsom (чудик, странный тип).

[124] Примечания: 124

Фамилия несуществующего драматурга Giraunio составлена из фамилий двух писателей, Jean Giradoux и Jean Jiono, испытавших, как и Кено, сильное влияние Греции и античной культуры. Жан Жироду (1882–1944) — французский писатель, драматург, автор пьес «Амфитрион 38», «Интермеццо», «Троянской войны не будет», «Электра» и др. Жан Жионо (1895–1970) — французский писатель, автор романов «Рождение Одиссеи», «Большое стадо», «Синий Жан», «Гусар на крыше» и др.

разом от определенной части своей сути, стал питать иные амбиции. Долгие дни, не занятые работой, он распределил согласно различным видам бездеятельности и вскоре сумел исключить из своего распорядка какое-либо заполнение и очистить свое существование от желательных и нежелательных инцидентов, которые позволяют верить в то, что это и есть жизнь. Но подобно тому, как на самом дне улиточных раковин все равно остаются столь ценимые гурманами выделения, внутри Жака по-прежнему сохранялся осадок, который вылился в визит к Доминике.

Она написала Жаку на адрес театра, на сцене которого однажды не без удивления его заметила. Вторая встреча повлекла за собой третью, а та — остальные: по желанию. В один из февральских дней, в час, когда падает снег, дрожа от холода по причине убогой экипировки, Жак предстал у дверей роскошной квартиры, где жила Доминика. Горничная его впустила и приняла его жалкое пальтецо. Низведенный до многонедельного целомудрия, он невзначай провел рукой по мускулистым ягодицам прислужки, хотя в результате своего последнего разочарования решил напрочь отказаться от любви с ее помпезными шаблонами и маневрами и мухлевал с

установкой на аскезу.

Служанка ввела его в студию, где, естессно, никто никогда ничего не штудировал, зато обустроенную фоно, радио, баром и украшенную цветами. Ожидавшая Доминика вышла навстречу гостю, и они комфортабельно сели друг напротив друга.

— Я не осмеливаюсь обращаться к вам на «ты», — сказала Доминика.

— Понимаю. Можно обращаться и на «вы». В крайнем случае — использовать форму третьего лица, другого решения я не вижу.

Она рассмеялась.

— Итак, — сказал Жак, — Доминика Маньен замужем?

— Да. А вы не знали?

— Знал. Рожана мне об этом рассказала.

— Как она?

— Вы хотели меня видеть только для того, чтобы узнать, как она?

Доминика улыбнулась:

— Отчасти и для этого.

— Я вряд ли смогу сообщить вам что-то новое. Я больше с ней не вижусь. Между нами все кончено.

— Я не знала, — сказала Доминика.

Жак встает и делает несколько шагов. Рассматривает убранство.

— Да, кончено. Уже три месяца как.

И добавляет:

— Впрочем, это длилось недолго.

Он снова благоразумно садится на свое место, в кресло.

И добавляет:

— Ведь это она вам написала, что мы встретились, правда?

— Это было единственным письмом, которое она мне написала за четыре года.

— Как я польщен. Следует признать, что по части совпадений это было еще то совпадение. Не удивительно, что я влюбился.

— В совпадение?

— В Камиллу.

— Вы ее все еще любите?

— Я мучительно стараюсь о ней забыть, и, думаю, у меня это получается.

— Бедная Камилла! — вздохнула Доминика.

— Вы хотите сказать, бедный Жак. Она никогда меня не любила. Ведь в письме она вам наверняка не писала, что любит меня.

Доминика не ответила. Жак продолжил:

— Вы помните наши прогулки по лесу Сен-Ку-

куфа и Валерианову холму[125], а позднее купания в Сен-Клуйском клубе и теннисные партии у ваших друзей в Сюрене? А сколько еще очаровательных воспоминаний? Камилле было на все это наплевать. Мы никогда об этом не говорили. Она совершенно не сентиментальна, вы не знали? А потом, мадемуазель Камиллы Маньен для нее больше не существовало, осталась одна лишь Рожана Понтез.

— Она талантлива?

Он пожал плечами:

— Не высший класс. Уровень провинциальных гастролей, не больше. Максимум, первое отделение в «Пети Казино»[126], ну а в «Европейце» даже не знаю.

— Бедная Камилла, — вздохнула Доминика.

— Вредина, вот и все, — сказал Жак.

— Тогда вы должны недолюбливать и ее сестру.

— Это не одно и то же. Вовсе нет.

— Правда? Жак, я всегда чувствовала к вам дружеское расположение.

---

[125] Примечания: 125

Валерианов холм — парк на возвышенности недалеко от г. Сюрен.

[126] Примечания: 126

«Пети Казино» — одно из парижских кабаре в районе Монпарнаса (1893–1948).

— Вы не всегда его выказывали, когда мы были детьми, — рассмеялся Жак.

— Но ведь мы уже не дети.

— Какую фигню, ой, простите, какую чушь я нес, когда был ребенком.

— Это почему же?

— Ну! Я тогда рассказывал Камилле всякие небылицы. Я строил невероятные прожекты, и эта стерва все припомнила мне позднее, когда я стал всего лишь бедным комедиантом. Она вспоминала мои детские россказни и пересказывала их мне, чтобы унизить. Она хотела меня раздавить. Она напоминала мне, что когда-то я представлял себя Папой Римским, академиком, императором! А поскольку я никем из них не стал, то ей было над чем посмеяться. Она никогда не отказывала себе в этом удовольствии, а в итоге выставила меня за дверь. Но знаете, Доминика, что происходит сейчас? Что происходит со мной? Я становлюсь смиренным, я хочу стать смиренным. Не скромным. Смиренным. Впрочем, это очень трудно, очень сложно. Совсем не просто. Я и сам не очень хорошо понимаю. Но я и так достаточно вам наговорил, по крайней мере на сегодня.

Он улыбнулся:

— Благодарю вас за то, что вы выслушали меня с таким вниманием.

Он встал.

— Неужели вы уже уходите?

— Простите меня…

— Ведь вас нигде не ждут, я уверена.

— Это правда.

— Жак, побудьте еще немного. Объясните мне, что вы называете смирением.

— Я не знаю. Да я вообще мало что знаю.

— Это ведь и есть смирение, нет?

— Возможно. Но понимаете, вся загвоздка в том, что назвать себя смиренным значит уже не быть таковым, даже подумать об этом значит уже таковым не быть[127]. Язык мешает. А я только начал.

— Начал что?

— Ну… ничего. Это.

Он придумывал на ходу, по мере того как гово-

---

[127] Примечания: 127

Афоризм напоминает рассуждение Жана Подана в статье «Барышня в зеркалах» (1938): «…противоречие в том, что невозможно быть скромным и *знать*, что ты скромен. Ибо скромность заключается в том, чтобы самого себя преуменьшить. Но если вы *знаете*, что вы сами себя преуменьшаете, то знаете также и то, что на самом деле вы больше, чем вам кажется. А следовательно, вы перестаете быть скромным. Таким же образом все происходит и с гордыней. Грубо говоря, она заключается в том, чтобы придавать себе значимость. Однако если вы *видите*, что преувеличиваете свою значимость, то, следовательно, перестаете ее преувеличивать. Видеть себя гордым — свидетельствует о скромности; видеть себя скромным — о гордости».

рил. Он уже не очень хорошо понимал, куда это его заведет. Ему следовало перевести дыхание. Он уклонился.

— Кто этот мсье Морсом? — спросил он ни с того ни с сего. — Может, это нескромный вопрос.

Она пригласила его прийти в следующий раз на ужин. Он согласился: как-никак сэкономит на кормежке, и откланялся.

Он спустился по авеню Версай до ворот Сен-Клу, чтобы сесть в метро и доехать до дому, где перед спектаклем он ужинал разогретым на жире рисом, который заготавливал сразу в большом количестве и которого хватало на целую неделю. Он не ходил в рестораны и почитал себя вегетарианцем. К тому же принял решение пить только воду, но никак не решался отказаться от табака. Что касается плотской любви, то отставка, которую ему дала жестокая Камилла, расстроила его до такой степени, что он не испытывал более никакого желания. Но все это относилось скорее к диете, чем к смирению. Первый акт подобного свойства он совершил по дороге на ужин к Доминике. Он опаздывал без какой-либо явной причины и в переходе на станции Марбеф толкнул какого-то коротышку, который завопил ему вслед. Жак обернулся, чтобы рассмотреть

хама, и презрительно показал ему язык. Затем продолжил свой путь.

Он мирно ожидал прибытия поезда, когда на платформе возник и разорался тот самый коротышка. Естественно, Жак не раздумывая ответил ему, чтобы тот отправлялся в задницу, причем не откладывая, и верхом, если пешком слишком низко. Вопреки всяким предположениям, вместо того чтобы ответить классическим «эй, послушайте-ка, вы» и, учитывая внушительное телосложение противника, ретироваться в область умеренных вербальных реваншей, коротышка поднялся на цыпочки и отвесил Жаку пару затрещин. Очевидцы оценили подвиг по достоинству и затихли в ожидании ответной реакции. Ее не последовало. Все были удивлены. Некоторые зрители, слишком глупые, чтобы удивляться, задумались, не воспользоваться ли и им этой неожиданной возможностью, чтобы кому-нибудь вмазать, не опасаясь нарваться на ответный мордобой. При виде подобной трусости присутствующие дамы сделали презрительные лица.

Но Жак в душе ликовал, поскольку первый раз в жизни совершил акт смирения. Чемпион (Франции) по (среди любителей) боксу (в полутяжелом весе) позволил себя побить только потому, что не

хотел демонстрировать свое превосходство. От восторженного чувства, которое Жак испытывал внутри, путь во мраке снаружи представился ему надушенным розами. Он прибыл к Морсомам в чудесном настроении. Дверь ему открыла та же самая горничная, он радостно ущипнул ее за бок и прошел в студию, где несколько человек крутились вокруг бара, попивая как-ты-эли. Доминика подошла к нему привлекательная, очаровательная, улыбательная, миловательная. Муж Морсом оказался зажиточным пухляком с фальшиво властным выражением лица. Персонаж не радовал. Что до остальных присутствующих, то Жаку (на момент представления) их имена ни о чем не говорили. Он чопорно поклонился всей этой клике, которая выглядела ох как богато, и принял предложенный ему бокал, дабы не снискать репутацию непьющего сноба, не выделяться и не нарушать самые элементарные правила самого элементарного и самого смиренного смирения.

Какое-то время Доминика составляла ему компанию, затем оставила его бикоз[128] прибытия очередных гостей, которых уже было столько, которых было уже столько! Жак, один на один со

[128] Примечания: 128
Бикоз — транслитерация *англ.* because (потому что, из-за).

своим бокалом, скучал невообразимо и злился, проклиная себя за то, что пришел. Но, поймав себя на этих нездоровых мыслях, он приложил максимум истинно ангельских усилий и принял тошную ситуацию с безграничным спокойствием. Тут, как будто для того, чтобы вознаградить его за эту добровольность, горничная объявила, что кушать подано. За столом оказалось человек пятнадцать: какое торжество! какое пиршество! и в честь чего? кого? просто в голове не укладывается! и так каждую среду? такой обычай? по крайней мере, факт! а почему по средам? И возникал еще один вопрос, на который Жак был не в состоянии ответить: неужели эти люди не знали, что он был бедным и совершенно ничтожным типом? Похоже, что нет. Они говорили ему любезные слова, потому что он играл в пьесе Жана Жироньо, которым в их кругах было принято восхищаться. Разговор проходил в галопирующем ритме и чаще всего оставлял Жака далеко позади. Бизнес его удивлял: он чувствовал себя довольно необразованным и невоспитанным по этой части. Временами, раздирая на куски морской язык

или пулярку под соусом Берри[129], он уже был почти готов приобщиться к блестящей плеяде биржевых дельцов[130], которые украшали своими энергичными манишками столовую супругов Морсом. Идея для обдумывания: снабдить такси специальными радио (принимающими) устройствами. Это могло принести сто тысяч франков не преувеличивая двести тысяч возможно триста тысяч и тогда прощай театр и да здравствует свобода, предохраняемая от всевозможных ударов судьбы подушечками с банкнотами[131]. Но Жак не позволял себе увлекаться; как только зарождалась подобная история, он тут же схватывал ее и скручивал ей шею. Смирение требует еще и того, чтобы не переполняло внутри. Удивление, вызываемое этими горделивыми соображени-

[129] Примечания: 129

Как правило, десертный соус (Blueberry или Strauberry), готовится из свежей клубники/земляники или черники/голубики, сока мякоти и цедры лимона, коньяка, сахара, крахмала. Здесь более уместным был бы «sauce Beurre», т. е. масляный соус (уксус, лук, масло) или «sauce Bercy», т. е. постный соус (белое вино, рыбный отвар, лук, масло, петрушка).

[130] Примечания: 130

Игра на полисемии *фр.* bourse («биржа», но еще и «кошелек»); сочетание «coupeur de bourses» обычно употребляется в значении «вор-карманник» (т. е. срезатель кошельков).

[131] Примечания: 131

Фр. coussinet означает еще и рельсовая подушечка, подшипник.

ями с онейроцидными последствиями[132], на мгновение прерывало методичное движение вилки и ножа; но лишь на мгновение, после чего Жак вновь принимался с упоением ужираться, пропуская через себя искрящийся золотом поток экономических, промышленных и коммерческих речей приятелей четы Морсом. Изредка — когда заговаривали о кино, вшах или путешествиях — Жак осмеливался подкинуть какую-нибудь застольную реплику, и, как правило, она с хрустом перемалывалась челюстями соседствующих горлопанов. Но Жак не обижался: учитывая свои новые амбиции, он бы сам себя упрекнул в том, что блеснул. Если заходила речь о разнообразных гостиницах и клубах, он затыкался окончательно, поскольку еще не дошел до той стадии, когда предпочитают выставляться на смех, а не удовлетворяться собственной посредственностью. Что касается женщин, они большей частью были склонны к кокетству, возможно, к траханью до одури и, предположительно, к коллективным оргиям. Две-три из них заинтересовались Жаком, поскольку — актер, но, увидев, насколько скромен, оставили в покое. Вся эта компания

[132] Примечания: 132

Неологизм oniricide образован от *фр.* onirique (сновиденческий, бредовый; онейроидный) и *лат.* cide (убивать).

ужинала очень поздно. Жак выходил на сцену лишь во втором акте, но иногда ему все равно приходилось смываться, не дожидаясь десерта.

Общение с богатеями преисполняло его довольством, ибо именно в этом контрастном фоне он отныне нуждался. Так он довольно быстро стал предпочитать вспученному существованию капралов от большого бизнеса тихие, спокойные, неторопливые, неяркие и нечеткие формы бытия. Тем более что некогда, в пятнадцать лет, вместо того чтобы продолжать учебу, он пошел работать рассыльным на трикотажное предприятие своего отца. После службы в армии стал папиным секретарем. Потом получил в наследство… Нет, это еще одно неправомочное вознесение. Он видит себя скорее банковским служащим всего-навсего с загородным домиком, а в нем — Сюзанну и Мишу. По субботам и воскресеньям он отдыхает, и если стоит хорошая погода, вся семья обедает в саду. Летом иногда на пленэре удается даже поужинать. Такая пропасть счастья вызывает головокружение. Нет, опять не то. Нет. Он — сапожник Жак Сердоболь. Ему семьдесят лет. Уже пятьдесят лет, как он сидит в своей лавочке. Он всегда здесь сидел. Из Парижа он не выезжает. По воскресеньям работает до полудня, затем садится

на скамейку и, ни о чем не думая, смотрит, как проплывает будущее. Он не женат. У него нет ни родственников, ни друзей. Он готовит себе сам. Ест мало. Не пьет. Не курит. Не занимается сексом. Он — сапожник.

Рассмотрение столь счастливых перспектив его ослепляло. Но, упорствуя в своих исканиях, он быстро обнаружил, что подобные самореализации не лишали его скрыто галлюцинирующей гордыни. Бесполезно быть сапожником-затворником, если по-прежнему помнишь, что был боксером, химиком, актером, а от резкой смены деятельности даже получаешь удовольствие. Стезя смирения нелегка: западни для легковеров, ловушки для простаков, крючки для разинь и даже просто собственное лукавство. Когда актер, игравший главную роль в пьесе Жана Жироньо, заболел, директор предложил Жаку его заменить. Жак отказался: он чувствовал себя не в силах вынести эту чересчур тяжелую маску. Но вечером в своей уродливой комнате, в который уж раз дегустируя свой подогретый рис, он не мог объяснить свой отказ скромностью, поскольку очень быстро и очень непредвзято счел себя достойным предложенной роли. Поэтому, когда один друг мадам Морсом, который был кем-то в

кино, предложил ему поработать статистом на съемках готовящегося фильма, он согласился.

Больше всего во всем этом ему нравилась доброта Доминики по отношению к нему. Конечно, этот еженедельный ужин представлял собой самое большое унижение: что это было, если не продовольственная милостыня для бедняги, который не всегда мог поесть досыта? Доминика, несомненно, воспринимала это именно так, и именно так представлял себе это Жак, который с наслаждением сносил женскую жалость и упивался горьким молоком попрошайничанья[133], кстати, приятным на вкус. Теперь, когда Доминика регулярно приглашала его на ужин, он уже не мог говорить с ней так же просто, как в первый день; однако немного удивлялся тому, что она ничуть не удивлялась тому, что он совсем не удивлялся.

— До следующей среды, — сказала она.

Ему надо было идти: театр.

— Не знаю, смогу ли я в следующую среду.

— Постарайтесь смочь.

— Зачем?

Доминика посмотрела на него с удивлением:

---

[133] Примечания: 133

Возможно, аллюзия на «горькое молоко разума» в стихотворении «Styresse» Теодора де Банвиля.

— Я буду рада вас видеть.

— А вы не хотите в другой день и наедине?

Доминика посмотрела на него с изумлением.

— Я позвоню вам, — сказал Жак.

Он нажал на маленькую кнопку и быстро очутился на первом этаже. Это был очень красивый лифт, лифт в доме, где жила Морсом.

Жак выждал три недели перед тем, как объявиться. В одно из утр они отправились на прогулку в Лес. Съемки закончились, Жак уже не работал статистом.

— За это время у меня были милые занятия: слуга епископа, каторжник на галере, студент, бунтовщик, шпик, в результате я познакомился с монсеньором Мирбелем, Жаном Вальжаном, Энжольрасом и Жавером[134]. Я даже дублировал последнего во время преследования по катакомбам: видите, какая честь. Когда я говорю «я познакомился», то имею в виду, что видел их очень близко, потому что обычно они нас сторонятся. Монсеньор Мирбель особенно, он такой

[134] Примечания: 134

Монсеньор Мирбель, Жан Вальжан, Энжольрас, Жавер — персонажи романа В. Гюго «Отверженные» (1862). Кено искажает фамилию одного из них, монсеньора Мирьеля (Шарля Франсуа Бьенвеню). Шарль Франсуа Бриссо де Мирбель (1776–1834), французский ботаник. Вероятно, речь идет об одноименной киноадаптации режиссера Рэймона Бернара (1933).

позер. Женщины более приветливы. Ну в общем, я хорошо развлекся.

— Вы уже устроились работать на другую картину? — спросила Доминика.

— Пока еще нет. Но мое имя записали. Похоже, я был неплох. Впрочем, то, что от меня требовалось, было совершенно нетрудным.

— Не скромничайте.

— Чистая и неприкрытая правда. Я знаю, чего я стою. Хотя, на самом деле, заявлять, что знаешь, чего стоишь, это опять хвастовство.

— Вам нравится ваша профессия?

— Какая профессия?

— Профессия актера.

— Но я ведь не актер! Я всего лишь статист. А статист — это не профессия. И даже если бы это было профессией, она бы не стала моей. Я не намерен заниматься этим всю свою жизнь.

— Чем же вы хотите заниматься?

— Ничем. Ничто очень выгодно. Ничто не вызывает ни малейшего повода к тщеславию. Но в моем возрасте возникают проблемы. Если я буду просить подаяние, меня арестуют. Значит, я должен найти оправдание, прикрытие. Актер — это слишком. Невозможно помешать себе хотеть казаться. Даже когда ты просто статист. Я ищу

мелкую должность.

— Такую найти нетрудно, — сказала Доминика.

— Я пока еще всерьез этим не занимался, — признался Жак.

— Вот оно что! Вы для этого не предпринимаете никаких усилий.

— Вы меня подначиваете?

— О нет. Мне кажется, во всем этом нет такой уж необходимости.

— Понятно. Вы не воспринимаете меня всерьез.

— Да нет же, воспринимаю.

— Да нет же, не воспринимаете. Хотя в жизни я совершал и серьезные поступки. Я бросил жену. Это очень серьезно.

— Вы знаете, что с ней?

— Нет. Она, должно быть, живет с Бютаром, секретарем из мэрии.

— Она не пыталась вас разыскивать?

— Если даже и пыталась, то у нее это не получилось.

— Она знает ваших родителей?

— Нет. Она знает только, что они живут в Рюэйле. Может быть, она попыталась найти их адрес, написать им. Я уже давно с ними не виделся.

Он замолчал, оценивая окружающий пейзаж, еще довольно морозное начало марта с редкими птицами, виднеющимися меж веток и гуляющими там-сям в количестве небольшом. Чуть дальше по аллее Акаций сновали автомобили. Легкий сухой ветерок дул Жаку прямо в спину. На одежде Доминики меховые дорожки иногда укладывались, чтобы затем медленно вставать дыбом.

Пристально рассмотрев заигрывающую с ним природу, Жак повернулся к Доминике и ее беличьей шубке.

— Я спрашиваю себя, — сказал он, — способен ли я стать совершенно ничем. Я вовсе не уверен, что у меня это получится.

Доминика засмеялась (довольно глупо, показалось ему) и ласково взяла его под руку, что едва не вызвало у него желание отстраниться. Но он сдержался. Они снова побрели, совсем близко друг от друга.

— Я рада, что вы нашлись, — сказала Доминика. — Я постоянно задумывалась, что могло статься с Жаком Сердоболем, который рассказывал истории. И чего я только себе не представляла насчет вас. Чаще всего я склонялась к мысли, что

вы царите[135], может быть, на острове далеком и безвестном.

— И ради лучшей доли я покинул вас, расставшись с кругом тесным, но сами видите, о сколь она бесплодна.

Он вздохнул:

— Я так хотел стать святым.

И продолжил:

— Я пощусь, отныне это мой обычный режим. Прошу вас: больше не приглашайте меня перекусывать вместе с вашими буржуа.

VIII

Он позволил вклиниться между ними нескольким месяцам, которые принесли с собой летние деньки. Пьесе Жана Жироньо пришел конец. Жара окатывала улицы. Жак звонит Доминике, но мадам отправилась путешествовать, мсье желает поговорить с мсье Морсомом? Нет, большое спасибо. Теперь рис готовится уже даже не на жире, мясной бульон остывает на цинковых стойках, которые распаренные официанты уста-

---

[135] Примечания: 135

Искаженная цитата из стихотворения В. Гюго «Oceano nox»: «Мечтают: „Где они? На острове безвестном,/ быть может, царствуют, расставшись с кругом тесным/для лучших стран?“» (Собр. соч. М., 1953, т. I, стр. 559, пер. В. Брюсова).

ло вытирают от пота. Вода фонтанов Валлас[136] смывает грязь человеческого уважения. Жак не чтит больше ничто, даже самого себя. Но пока еще не осмеливается просить милостыню, это было бы слишком заметно. Он старается себя выпотрошить, опустошить, иссушить. Он исторгает свое избыточное я, огурец, пересоленный горем. Он выкачивает из себя пинты доброй крови, всерьез[137]. Он истощает себя, открыв зев. Он истребляет в себе всех — ах! где теперь папы римские, исследователи, господари, академики, морские караси[138], разбойники[139]. Жак выметает, выметает, это надо выбрасывать немедленно: ведь при такой температуре даже в тени воспоминание о мертвых гниет быстро и очень скоро начинает отдавать падалью, даже

---

[136] Примечания: 136

Фонтаны Валлас — 50 лепных уличных фонтанов, устроенных по всему Парижу английским меценатом и коллекционером Ричардом Валласом (1818–1890).

[137] Примечания: 137

Pintes de bon sang et sans rire обыгрывает устойчивое выражение pince-sans-rire (бесстрастно иронический, холодно насмешливый).

[138] Примечания: 138

Неуместным в этом списке карасям (sars) не хватает одной согласной, чтобы превратиться в царей (tsars или tzars).

[139] Примечания: 139

Лишь одна гласная отличает разбойников (mandrins) от китайских сановников, мандаринов (mandarins).

если это мертвые только для тебя, мертвые для личного пользования, бесплотные и бессловесные, подчиненные привидения, прихлопнутые по жизненной необходимости и из-за последствий мечтательности[140]. Жак отрекается. Сдирает с себя шкуру.

Сменяет кожу на лохмотья[141].

Плывет к святости.

Половину оставшихся у него грошей, не меньше, он отдает бедным. Он вяжет шерстяные носки для нищих. Он приходит на помощь нагруженным посыльным, брошенным собакам, избиваемым детям, преследуемым ворам, бездомным, убогим, блаженным, слепым. Если ему наступают на ногу, он подставляет другую. Если его оскорбляют, он не отвечает. Даже больше, он сам ищет презрения самонадеянных, наглых, с хрустом угрызаемых совестью. Он старается сделать так, чтобы его обсчитывали продавцы (с этими ох как нелегко). Ему нравится выглядеть придурком. Ему нравится допускать промахи,

---

[140] Примечания: 140

«Жизненные необходимости и последствия грез» — название сборника П. Элюара (1921).

[141] Примечания: 141

Сменяет кожу на лохмотья. — В выражении faire peau neuve (менять кожу, изменить образ жизни) автор заменяет существительное peau (кожа) на oripaux (пестрые лохмотья, остатки былой роскоши).

оплошности, глупости. Он выставляет себя олухом; даже там, где излишне пытаться им стать, он силится просто им быть. В глазах полицейских, официантов, муниципальных служащих, автобусных кондукторов, контролеров в метро и в кино он выглядит круглым идиотом. Он не боится обвинений, насмешек, оскорблений, которые всегда оставляют его невозмутимым. Но он ни к кому не испытывает высокомерия. Он спешит указать дорогу провинциалам, подносит зажженную спичку к сигаретам самых омерзительных буржуа, сообщает время самым торопливым прохожим, вежливо отвечает проституткам, следует за похоронными процессиями, унимает зуд занудных стариков. Он угодлив и благодушен.

Его вновь позвали играть в массовке. А все благодаря протекции Доминики, которая напомнила о существовании Жака знакомому господину из кинематографической промышленности. На этот раз ему предстоит быть бандитом в фуражке и с бакенбардами. Там Жак встречается со старыми товарищами, которые были, как и он, на баррикадах с Энжольрасом или на каторге с Жаном Вальжаном. Они очень хорошо к нему относятся, поскольку у него, похоже, нет никаких амбиций, тогда как сами они метят в звезды. Жаку на это

наплевать. Ему говорят, что так он ничего не достигнет, но, разумеется, все довольны, что он и не стремится ничего достигать, на подъеме — одним меньше, а Жак со своей стороны удивляется, что среди них нет ни одного, кто согласился бы оставаться статистом, всего-навсего простым статистом, кроме, конечно, него самого, который хочет стать всего-навсего святым.

На балу Вшей в районе Менильмуш[142] все крутые и к тому же ух как круто загримированные. Жак выхлебывает свой бокал кислого вина рядом со своей товаркой по несчастью в короткой плиссированной юбчонке, которая забросила медицину ради кина искусства.

И сказала «Прощай» своей копрологии[143]. Всю жизнь совать свой нос в испражнения новорожденных, нет уж, спасибо. Всю жизнь нюхать фекалии, гной, сукровицы, ну уж нет, с меня хватит. А ты-то где учился?

— Нигде.

— Да ты на меня только посмотри, как будто я

---

[142] Примечания: 142

Стр. 129. На балу Вшей в районе Менильмуш… — т. е. в районе Менильмонтан. Сцена бала Вшей, вероятно, взята из фильма «Жюстен из Марселя» Мориса Турнера (1934). Одну из героинь фильма звали Лулу.

[143] Примечания: 143

Копрология — от *гр.* kopros (экскременты) — анализ фекалий.

не вижу, что ты интеллектуал, коллега. Сознайся, что ты хотя бы сдал на бакалавра[144].

— Нет.

— Откуда же ты взялся?

— У меня были неприятности. Я попал в плохую компанию: мне уже из этого никогда не выбраться.

— Ты смеешься надо мной?

Она шутя рассердилась.

— Да, у меня были неприятности, — продолжает Жак. — Я из порядочной семьи, мой отец даже владел конюшней с беговыми лошадьми… но тут… опасные связи… Клерво[145]… Фум-Татауин[146]… И я стал отъявленным хулиганом, мог даже пустить в ход перо. Ну а ты, дитя, откуда ты?

В этот момент заявилась банда Тотора. А Жак массовничал в банде Бебера, вот так. Ну, сейчас бу-

---

[144] Примечания: 144

Экзамен на степень бакалавра по окончании средней школы.

[145] Примечания: 145

Вероятно, имеется в виду тюрьма, устроенная после революции (1808) в бывшем аббатстве Клерво. Примечательно, что его основатель и первый аббат, теолог и мистик святой Бернар (1090–1153), стремился сохранить духовную традицию христианства в монастырской общине, проповедуя в первую очередь строжайшее смирение.

[146] Примечания: 146

Фум-Татауин — город в южной части Туниса, где находился дисциплинарный батальон французских колониальных войск.

дет заваруха. Все начали пихаться, но оказалось, что из рук вон плохо, что совсем неубедительно, что денег не заплатят, если все не возьмутся как следует. Все начинается сначала.

— Ну и работка, — говорит экс-медичка.

— Да, — вздыхает Жак. — Везде над тобой надзиратели. А я-то мечтаю о тихой жизни в собственном домике на берегу речки, о бережке, на котором я бы поставил скамеечку, на которую я бы сел, и ловил бы себе рыбешку.

— Ну и насмешил же ты меня, — сказала она очень серьезно.

Вновь заявилась банда Тотора.

Разыгрывается неплохая потасовка.

— Эй, а вы что? Что вы там делаете? Уснули, что ли?

Эта реплика относится к Жаку.

Раз нужно, значит, нужно. Жак выходит вперед и прямым в челюсть сбивает с ног одного из своих противников, апперкотом в солнечное сплетение укладывает второго, и вот уже с разукрашенной физиономией на пол валится третий. Браво, браво, вопит режиссура. Ну уж нет, протестует массовка. Мы здесь не для того, чтобы получать в рожу по-настоящему, это уже не игра.

Жак садится и задумчиво смотрит, как спорят

эти люди.

— Ну, — говорит Мартина, — ну и насмешил же ты меня.

Ее зовут Мартина. Они выходят вместе. Жак извиняется перед коллегами, извиняется с искренним смирением. Одновременно (и однопричинно) получает поздравления и воодушевления. Просто невозможно, чтобы ему не дали какую-нибудь маленькую роль, не большую, маленькую, в следующем фильме.

— Ну, — говорит Мартина, — вот ты уже и выплыл. Теперь полетишь вперед, как на парусах.

— Мне наплевать, — говорит Жак.

— Так всегда говорят, но я в это не верю.

— Уверяю вас.

— Можно перейти на «ты», раз мы оба актеры.

— Если хочешь. Пойдем выпьем чего-нибудь?

— А как же.

Они спустились по улице Коленкур до самых могил[147]. Уселись на террасе.

— От кладбищ в городе больше воздуха, — сказала Мартина, — можно свободно вздохнуть.

— Меня это не смущает, — сказал Жак. — Смерть или что-то другое, мне все равно.

---

[147] Примечания: 147

Т. е. до кладбища Монмартр.

— А ты их много видел, мертвых-то?

— Наверняка меньше, чем ты, — сказал Жак, — ты же препарировала трупы.

— И даже живых, — сказала Мартина, — но только животных.

— А ты препарировала вшей?

— Конечно.

— Иногда я представляю, как препарируют меня самого.

— Очень весело.

— Кроме этого я уже привык думать о своей смерти каждый вечер, укладываясь спать. Я вытягиваюсь на кровати, натягиваю одеяло на лицо, это саван, и потом — все, я мертв, я начинаю гнить, вонять, меня начинают подтачивать черви, я разлагаюсь, я разжижаюсь, я уничтожаюсь, от меня остается только мой скелет, затем мои кости крошатся и мой прах развеивается. Каждый вечер.

— Ты мог бы думать о чем-нибудь другом?

— Мог бы. Запросто. Но я сам хочу думать об этом. Я хочу укротить свою гордыню. Если бы я ее не укрощал, то считал бы себя бессмертным. Ты не замечала, какими бессмертными мы себя ощущаем, когда об этом не думаем?

— Может быть.

— Я, видишь ли, ненавижу тщеславие. Поэтому стараюсь себя унизить.

— Похоже, ты доволен собой.

— Увы! Как ты права! С этим покончить невозможно. От этого никуда не уйдешь.

Он вздохнул:

— Я бы так хотел стать ничем и этим даже не гордиться.

— А это возможно?

— Говорят, что святые были именно такими людьми.

Она серьезно на него посмотрела.

— Ну, — сказала она, — ну и насмешил же ты меня.

Она жила в Латинском квартале, в комнате, украшенной анатомическими муляжами, плакатными парфенонами и кинозвездами. У нее было мило. В то время как Мартина раздевалась, Жак думал об аскетах прошлого, которые могли провести ночь в постели меж двумя обнаженными женщинами и даже пальцем не пошевелить. До этих аскетов Жаку было еще очень далеко.

Мартина считала, что они могли бы жить вместе, но это не совпадало с мнением Жака, который не прекращал своей святоборческой практики и к тому же совсем недавно заметил, что — вполне

возможно — влюблен в Доминику, хотя еще не очень четко уяснил, была ли она для него с этой точки зрения сама собой, или же при ближайшем рассмотрении представляла собой лишь некое подобие цели, намеченной им после разрыва с Камиллой и в начале гистрионической[148] карьеры, которую (карьеру) он не воспринимал как таковую, но которая была для него лишь происшествием, случайным эпизодом, последствием рока, занозой судьбы, тем, что не имело ничего общего с его главным предназначением, каковое могло быть, так думал он тогда, эквивалентно кулинарному приготовлению кроликов и зайцев с обдиранием шкуры, свежеванием, потрошением, высшей целью которого была абсолютная и бескорыстная непогрешимость идиота, лишенного обычной для его сородичей нетерпеливости по отношению к исполнению элементарных физиологических потребностей. Почему мудрость нельзя представить в женском образе, почему этот образ не могла бы олицетворить Доминика, буржуазная француженка, высокая брюнетка, конечно, более рослая, чем Камилла, а еще более

[148] Примечания: 148

От лат. histrion — комедиант, играющий в грубых фарсах; фигляр. В психологии гистрионизм — стремление привлечь к себе внимание, театральность.

холодная, более строгая, а еще более элегантная, но менее надушенная, менее шумная, и, короче, куда менее шлюха. Подобная любовь могла, естественно, оставаться совершенно платонической, а доминиканский образ — лишь иллюстрировать и иллюминировать путь, который вел Жака к полному духовному оголению. Так все и шло какое-то время. Затем получилось так, что Жак позвонил Доминике, и они вновь увиделись, но не во время светского ужина: их свидания были уже настоящими свиданиями. Но Доминика, похоже, не замечала, что в этом было не просто радушное продолжение детской дружбы.

Отваренный на неделю вперед рис, простая вода, раскладушка и ничем не занятое время по-прежнему составляли филаскетический режим Жака, хотя он и не мог отметить в этой области никакого продвижения, даже если порой у него получалось верить в то, что именно эта отметка, свидетельствующая об отсутствии, означает улучшение, но, осознавая это улучшение, он полагал, что тем самым сводит на нет всю его значимость, уничтожает значение, подобно тому, как точное измерение абсциссы частицы исключает возможность узнать скорость ее движения якобы.

Свидания с Домиником имели характер лесопарковый, прогулки в Лес начинались с остановки «Мюра»[149], и если иногда Жаку приходилось ждать, он мог изучать не только сливки общества (тяжелый случай), но еще и игривые журналы, которые подавались в виде бесплатного приложения к булочке и кофе со сливками.

Когда Доминика приходила, то говорила:

— Вы сейчас снимаетесь?

или

— Снег пойдет,

или

— Вы видели последний фильм, о котором так много говорят?

Он отвечает в зависимости от обстоятельств, что они рискуют попасть под дождь или что сейчас он не работает или что будет хорошая погода или что за последнюю неделю он в кино не ходил.

В Лесу уже появляется немало наездников, шоферов, сатиров и лесных духов всякого полу. Жак и Доминика идут в сторону Бют Мортемар[150].

---

[149] Примечания: 149

«Мюра» — ресторан у Булонского леса. Жоашен Мюра (1762–1815), неаполитанский принц, маршал наполеоновской армии.

[150] Примечания: 150

Бют Мортемар — возвышенный участок в Булонском лесу.

Они говорят мало.

Они знают, что это произойдет сегодня.

— Доминика?

— Ну же, — говорит она, не глядя на него.

— Мне кажется, что да.

— Что — да?

— Я вас люблю.

Она останавливается она не решается на него посмотреть она ищет в ответ что-нибудь подходящее она говорит ему вы с ума сошли ответ в общем-то неплохой могла бы найти что-нибудь и получше но она так и не а поэтому повторяет вы с ума сошли с удрученным видом. Похоже Жак легко выносит всю тяжесть своего безумия за признанием не следует никаких действий не то чтобы ему не хотелось но действия которые он хотел бы предпринять настолько точны и конкретны что он вынужден от них отказаться из-за публики он не прочь заняться любовью с Доминикой прямо здесь на скамейке но раз не получается то он предпочитает вообще ничего не даже ручку пожать. Он держится на расстоянии.

Затем это переходит в диалектику, затем в риторику, затем в софистику, затем в казуистику. То обсуждается, любит ли Жак Доминику по-настоящему или он все это себе придумал.

То обсуждается, может ли Доминика полюбить Жака, ибо она замужем. То обсуждается, не любит ли Доминика Жака, сама того не осознавая. То обсуждается, хватит ли любви одного Жака на двоих, следовательно, насколько она заразна. И так далее в том же духе. Эти вопросы они обсуждают не только в этот раз, но и во время следующих свиданий. Они говорили оба и много: Жак — в роли истца, Доминика — ответчицы. Единственная подвижка: теперь Жак уже мог намечать некие действия, естественно весьма умеренные, ибо Доминика была щекотлива в том, что затрагивало ее честь.

Доминика легко допускала одно: то, что она представляла собой идеал. Ей очень нравилось пусть не собственное обожествление так хотя бы экзальтированное вознесение в область чистых идей этой любви чьей побочной (но от этого не менее действующей не менее конечной и увы! не менее материальной) причиной она являлась. Она платонизировала[151] на полную катушку.

[151] Примечания: 151

Платон (428–348), древнегреческий философ, основатель Академии, автор учения об идеях и чистой духовности, в частности, понятия идеальной любви, никак не связанной с чувственностью.

Жак в ответ и не меньше ее плотинизировал[152] но считая бытующие представления о морали бессмысленными то бишь лишенными смысла не понимал по какой причине Доминика отказывалась с ним переспать ведь он не мог быть ей отвратителен а их совокупление в земной плоскости ему представлялось бесконечно желанным как некий реализованный образ духовного причастия. Естественно Жак употреблял очень осторожно слова столь нечеткие как земные и духовные пусть всего лишь прилагательные прекрасно осознавая что его аскеза приводила лишь к тому что понятия эти теряли всякое значение. Зато в термине совокупление он ничего расплывчатого не находил. Желая углубить его смысл он обратился к эротологии и закрепляя вместе с Мартиной полученные знания дополнял эти практические занятия соответствующим чтением а в частности изучением посвященных этой науке работ разных специалистов как античного так и нового времени. Поскольку ему не удавалось добиться от Доминики больше двух-

[152] Примечания: 152

Плотин (205–270), древнегреческий философ, основатель неоплатонизма, автор «Энеиды», в которой, в частности, выражалась идея о пути человеческой души как о восхождении к миру идеальному от мира чувственного, о слиянии в экстазе с Единым (Благом).

трех свиданий в неделю, он предвосхищал эти встречи как минимум суточным воздержанием дабы увеличить число своих побед в случае финального решения. К несчастью Доминика упрямилась и упиралась и оставалась ужасно порядочной и стыдливой даже если в конце концов и снисходила до легкого обжимания но время от времени и в меру позволяя Жаку проводить исполненной восхищения и уважения рукой по груди или бедру поверх корсажа или юбки само собой разумеется.

К тому же приближалась весна. От яростной страсти Жак наверняка бы изошел прыщами, если бы не имел (под рукой) Мартину, с которой практиковался, не переставая думать о Доминике. К тому же этот главный неуспех придавал его существованию прежний душок[153], и мало-помалу Жак отказывался от риса, сваренного на неделю вперед, и воды с привкусом хлорки ради более сочных явств и более радужных напитков. Это объяснялось еще и тем, что его драматические таланты ценились все больше и больше, он часто массовничал и получал денежки. С другой стороны, в это время уже пробовали заставлять

[153] Примечания: 153

Прежний душок… — *фр.* zest (вздор, фигня) и *фр.* zeste (цедра; незначительное количество; налет, привкус, душок).

экраны говорить[154], а поскольку Жак оказался фоногеничным, его изрядно обнадежили.

— Говорят, вам дали роль в следующем фильме Брунеллески[155], — сказала Доминика.

— Откуда вы знаете? Ах да, от вашего приятеля, влиятельного типа в кинематографической индустрии. Поблагодарите его за то, что он помог мне вначале. Этим я обязан вам, Доминика.

— Когда вы начинаете сниматься?

— Сегодня после обеда. Но знаете, у меня совсем маленькая роль. Я — чемпион мира по боксу, а один молодой боксер, не кто иной, как Вальмег, отправляет меня в нокаут в третьем раунде и становится в свою очередь чемпионом мира. Фильм звуковой. Это вообще первый звуковой фильм Брунеллески: настоящее событие.

— После этого вы пойдете вверх. Как я рада за вас, — сказала Доминика.

— Мне наплевать, — сказал Жак. — Мне на все это наплевать. Доминика, я вас люблю, я вас люблю.

---

[154] Примечания: 154

Звуковое кино стало известно во Франции в 1929 году.

[155] Примечания: 155

Несуществующий режиссер Брунеллески вряд ли имеет отношение к знаменитому итальянскому скульптору и архитектору Филиппо Брунеллески (1377–1446).

Он уже бредил вовсю, и если бы не проходившие на некоем расстоянии граждане, он бы поимел ее безжалостно.

Она так и не решалась так совсем и не.

Он взял ее за руки и удерживал перед собой, совсем как отец, который отдает под свой единоличный суд своего собственного ребенка.

— Отпустите же меня, — сказала она. — Вы с ума сошли.

Она высвободилась. И выразила глубокую брезгливость. Эта резкая реакция внезапно обескуражила Жака который тем не менее предпринял монолог подразумеваемый одновременно апологетическим и питиатическим[156] который Доминика прервала дабы назидательно объяснить что она не приемлет других почестей кроме как платонических и что между ними не может быть и речи о вульгарных и выделенческих формах реализации плотской любви. Еще какое-то время они это пообсуждали, и их прогулка закончилась.

Настроение у Жака напрочь испорчено. Фильм начинается со сцены, в которой Вальмег пробивается на чемпионат мира, почему именно с этой,

---

[156] Примечания: 156

Питиатической — от *гр.* pith/peithein (убеждать) и iatikos (излечивать) — здесь: излечивающий внушением, гипнозом; суггестивный.

Жак даже не задумывался. Его представляют звездуну, который его подбадривает. Разумеется, Вальмег чуть-чуть занимался боксом, но в нем нет ничего от чемпиона даже воображаемого. Жак дал ему несколько советов и показал несколько ударов. В обеденный перерыв он встретился с Мартиной в маленьком ресторанчике по соседству. Мартине показалось, что Жак сердится, в чем дело? неужели это из-за нее? она не понимает почему. Жак вел себя демонстративно нелюбезно.

После обеда снова работали над сценой чемпионата. Но Жак постепенно все больше склонялся к тому, что у Вальмега нагловатый тон и абсолютно невыносимая рожа и что совершенно несправедливо и гнусно, что этот засранец столь незаслуженно отбирает у него титул чемпиона мира. И вот, никого не предупредив, Жак решил отстаивать свой титул всерьез: во втором раунде, вместо того, чтобы получить в челюсть запланированный сценарием хук слева, он отправил своего противника в бессознательный нокаут. Этот акт вызвал у технического персонала протестующие крики. Брунеллески потребовал объяснений, которые превзошли все его ожидания, ибо он предполагал оплошность, но никак не

намеренный отказ уступить пальму боксерского и мирового первенства.

— Что за идиотизм, — сказали Жаку. — Получился какой-то комедийный гэг. Как несерьезно. Вы что, обалдели?

В это не могли даже поверить.

И Жак оказался на улице.

— Вот и лопнула моя карьера, — улыбаясь, сказал он Мартине в заключение рассказа о своем подвиге.

— Ну и насмешил же ты меня, — сказала она очень серьезно.

Чтобы отметить событие, хотя оно уже само по себе было незабываемым, они пошли пить перно[157] и ужинать в ресторан несколько лучший, чем обычно, обмениваясь репликами типа:

— А ты веришь в звуковое кино?

Или:

— Да и вообще, все это кино…

Или же:

— А как там твоя Доминика?

Жак пожал плечами.

Официант попался лысый. Было жарко, женщинам удавалось пахнуть сильнее, чем картошка

---

[157] Примечания: 157

Перно — анисовый ликер (45°), который пьют, обычно разбавляя водой, в качестве аперитива.

фри. Ужинающие демонстрировали радостное настроение. Пришел какой-то патлатый старикан и, услужливо улыбаясь, запиликал на скрипке.

— Как меня достает этот олух, — сказал Жак.

И пожал плечами.

Пиликальщик подсовывал под нос ужинающим свою плошку для милостыни с видом униженного и все же гордого говнюка.

— Ну до чего ж тошнотный, — сказал Жак, выдав ему десять су.

Он вздохнул.

— Доминика, — сказал он, — ах да. Доминика. Что за жизнь.

— Твоя подруга детства вредничает?

— Говорит, что амурничанье ее не интересует.

— Ну и насмешила же она меня.

— А меня нет. Мне досадно.

— Это пройдет.

— Не уверен.

— Конечно пройдет.

— Ты думаешь?

— Да.

Он задумался. Затем в третий раз пожал плечами и оплатил счет.

После ресторана они решили немного пройтись. Жак, похоже, всерьез задумался, Мартина

оставила его в покое.

— А может, съездить в Гавр, — вдруг сказал Жак.

— Я вижу, куда ты клонишь, — сказала Мартина. — Нет, спасибо. Без меня.

Они вышли на какую-то длинную улицу, одну из тех, где консьержей выставляют наружу проветриться вместе с детьми, снующими во все стороны. Они встречали парочки, одни — завязавшиеся недавно, другие — не такие свежие, уже распустившиеся[158].

Мартина взяла Жака под руку и прижалась к нему.

— Нет, — сказал Жак, — я все-таки поеду в Гавр. А ты не хочешь?

Поезд как раз должен был отходить.

— Отправь мне открытку с обратным адресом, — сказала Мартина. — Я тебе пришлю твой чемодан с тряпками и шмотками.

— Спасибо. Ты хорошая.

— Во-во, уж назвал бы просто дурой.

Пассажиров было не очень много. Найти свободное место оказалось нетрудно.

— Я рад, что мы с тобой познакомились, — ска-

---

[158] Примечания: 158

Игра слов: avec déjà des bourgeons дословно означает «с почками», а в переносном смысле «с прыщами».

зал Жак. — А за меня не переживай. Впрочем, я ни о чем не жалею.

— А я немного жалею, что ты уезжаешь.

Они обнялись; засвистел свисток проводника, и она вышла из вагона. Экспресс тронулся, медленно. Жак помахал рукой, Мартина помахала в ответ, после чего потянулись стрелочные посты и железнодорожные приспособления. Жак сел.

Напротив него вжимались друг в друга молодой господин и молодая дама, оба — вида неимоверно буржуазного. Чтобы занять время, они предавались чтению и манипулировали прессой (периодической).

В районе Сотвиля[159] гражданин поднял голову и сказал:

— Вот и в самом деле, правильно говорят, гора с горой не сходится, а человек с человеком встретится.

Жак бросил на него взгляд, напрочь лишенный приторной любезности. Гражданин протянул руку:

— Люка! Ты меня не узнал? Люка из Рюэйля. Ты ведь Жак Сердоболь.

— Ну привет, — сказал Жак, пожимая пятерню.

---

[159] Примечания: 159

Сотвиль — город в Нижней Нормандии; *фр.* sotte — глупый.

Люка представил ему свою жену.

— Мы с Жаком вместе сдавали на бакалавра, — стал объяснять он. — Мы учились в «Пастере» в Нейи, прекрасный лицей, ничего не скажешь. Помнишь 58-й километр, старая железная дорога на Сен-Жермен. Какие шутки мы тогда вытворяли! Помнишь контролера с большими усами? Он от нас чуть с ума не сошел. Помнишь, как мы ему за воротник сыпали волоски от шиповника, а еще как мы раздували чихательный порошок в лицо пассажирам, которые до самой Этуаль не могли прочихаться, сами-то мы выходили раньше, как всегда. Ах, черт возьми, приятно увидеть старого дружбана. Что ты поделываешь с тех пор? Я — с автомобилями. Люблю машины. Я их покупаю, продаю, перекупаю, перепродаю. Красивая тачка — это моя жизнь. А ты, ты-то чем занимаешься?

— Я инженер-химик.

— Я так и знал, — сказал Люка. — Большое предприятие?

— Я руковожу исследовательской лабораторией. Занимаюсь ветеринарными и паразитарными вопросами. Например, вшами.

— Ой! Фу! Фи! — сказала мадам Люка.

— Это поразительно интересное животное, — сказал Жак. — Впрочем, существует даже посло-

вица: «Вошь — не слон, не погладишь»[160].

— Все разыгрываешь, — сказал Люка.

— Но самое классное — это фтириус пубис.

— А это что такое? — спросила мадам Люка.

— Мандавошка, — сказал Жак.

— О-о! — сказала мадам Люка.

— Как ты ее назвал?

— Фтириус пубис.

— Смешно, смешно. Надо рассказать приятелям.

— Удачная идея.

— А как твои родители?

— Спасибо, хорошо. У отца по-прежнему трикотажное дело. У мамы ревматизм, но не очень сильный.

— Ты помнишь, как мы устраивали партии в покер у тебя дома и они нас выгоняли?

— Для родителей главное — нравственность.

— А поэт? Помнишь поэта?

— Де Цикаду? Еще бы.

— Он еще жив?

— Думаю, да.

— Как он нас удивлял своей накидкой и гет-

---

[160] Примечания: 160

Во французском языке такой пословицы нет. Реминисценция из Песни II (9) «Песней Мальдорора» Лотреамона: «Слон скорее даст себя одолеть. Но не вошь!» (пер. Н. Мавлевич, М., 1993, стр. 322).

рами.

— Как-то в туалете, — сказал Жак, — я нашел клочок газеты. В ней, похоже, о нем довольно лестно отзывались.

— Тьфу! Вся эта поэзия — одно дурилово. А помнишь историю его любви? До чего же это нас веселило. Помнишь? Жена его бросила ради женщины! До нас это долго не доходило. Она была парикмахершей. Де Цикада ездил в Сюрен и торчал перед ее лавкой, прячась за дерево. А когда ее замечал, свою неверную супругу, то незаметно на цыпочках уходил. Помнишь, Сердоболь? Мы не раз за ним подсматривали.

— Да, — сказал Жак.

— А его приятель герборист? Его звали Предлаже, да?

— Да, Предлаже, — сказал Жак.

— Он величал себя президентом Линнейского общества Западного Предместья. Он еще интересовался насекомыми, как это, энтомолог, да? Однажды мы раскрасили голубой акварелью вошь и принесли ее в коробке, как он обрадовался, этот Предлаже, он таких никогда не видел, как завопил «новый вид!» и дал нам по пятьдесят сантимов каждому. Мы их скурили, его двадцать су.

Мадам Люка встала, чтобы выйти в клозет, и,

покачиваясь из-за большой скорости скорого поезда, вышла из купе. Сердоболь и Люка остались одни. Люка понизил голос:

— Слушай, а дочки Маньена, помнишь?

— Дочки Маньена? — спросил Жак.

— Ну да. Ты что, забыл? Камилла и Доминика.

— Камилла? Доминика? Ах да.

— Ну, наконец-то. Меня бы удивило, что ты их не помнишь.

— Камилла. Доминика. Ну конечно же, конечно же.

— Знаешь, что с ними стало? «Нет». Так вот, представь себе.

Он еще понизил голос:

— Два или три месяца назад я познакомился с одним типом, у которого несколько своих ремонтных мастерских, с типом по фамилии Морсом. Он пригласил меня поужинать. Мы очутились в баре «Ю.Т. А.», знаешь, где это?

— Нет.

— Он представил мне свою жену, и угадай, кто же была эта мадам Морсом!

— Не имею ни малейшего представления.

— Мы только что о ней говорили.

— Камилла?

— Да нет же! Доминика!

— Не может быть. Доминика?

— Доминика. Именно она.

— И что?

— Она стала красивой бабой, ну знаешь, фигура, надушена и все дела. А сиськи, я тебе скажу, так и торчат, а ноги, я их украдкой рассматривал, при ее довольно короткой юбчонке, чего я только там не увидел, короче, до белья.

— Ну и ну, — сказал Жак.

— Но это когда я ее видел в первый раз, — продолжил Люка, еще больше понижая голос. — Ты же понимаешь, что я не мог на этом остановиться.

— Да?

— Да. Я сразу же понял, что такие экземпляры дают.

— И что?

— Так и действительно: дала.

III

IX

С вершины холма они разглядели городишко Сан-Кулебра-дель-Порко[161], который тянулся вдоль берега, порт с двумя суденышками и толпу, циркулирующую по набережным; отсюда было видно хорошо. Перед спуском они ненадолго остановились. Проводники сели и замолкли под своими широкими шляпами. Жак и Рубядзян спрыгнули с лошадей и закурили по сигарете.

Они немного поговорили о том, что собирались делать в Сан-Кулебре-дель-Порко.

Они далеко отбросили окурки и вновь тронулись в путь, сопровождаемые своей аппаратурой, конвоируемой без особого рвения. Время от времени копыта лошадей скользили из-за крутого наклона тропы. Солнце поднималось, набухая и распаляясь. Пыли становилось все больше и больше.

Они подъехали к городу со стороны предме-

---

[161] Примечания: 161

Culebra del porco — колбаса свиная *(исп.)* (по аналогии от culebra — змея).

стий, как это обычно и происходит. Дети кричали им вслед, и камни пролетали рядом с лицами путешественников. Всадники проехали конечную трамвайную остановку и сам трамвай, в который усаживались негры, китайцы, индейцы. Уатман[162] сидел на корточках и что-то жевал.

Жак и Рубядзян намеревались переночевать у консула, господина Сталя, господина Оливейро Сталя, у консула, представлявшего здесь все европейские, азиатские, африканские, океанические и большую часть американских стран, у консула, жившего в двухэтажном и обалконенном доме, где, несмотря на вентиляторы, было так же жарко, как и везде.

Их колонна из шести лошадиных сил затормозила у консульского жилища. Жак и Рубядзян вошли. У обоих были солидные бороды, поскольку они провели шесть месяцев с индейцами борхерос, снимая о них документальный фильм для продюсерской компании Й.К.Л.М. Служанка-мулатка восхищенно и несколько удивленно уставилась на бороды и с помощью соответствующей жестикуляции объяснила им, что патрон, перепивший прошлой ночью, еще спит. Она про-

---

[162] Примечания: 162

Уатман — от *англ.* wattman (вагоновожатый).

вела их в комнату, где очкастый писарь потел над пристегивающимся крахмальным воротничком и грудой писанины, подлежащей официальному штемпелированию. Заговорить с ними он не соизволил.

Проводники расселись в тени. Жак вышел, чтобы отдать им распоряжение о разгрузке аппаратуры. Они медленно, но уважительно встали. После чего снова сели. Жак вернулся в кабинет. Рубядзян успел снять сапоги и теперь предавался самосозерцанию, выискивая яйца (между пальцами на ногах), которые могли отложить насекомые. Жак предложил ему свою помощь, которую тот отверг; тогда по глоточку рома? Тот согласился. Жак также сделал большой и долгий глоток. Убрал фляжку в задний карман.

— Ну и скучища же здесь, — сказал Рубядзян на английском языке.

После чего натянул сапоги.

— И потом, что это за манера принимать гостей, — добавил он на том же наречии.

Жак пожал плечами. Сел и начал набивать трубку. Рубядзян принялся насвистывать зажигательный мотив. Бюрократ посмотрел на него с презрением. Затем вновь уткнулся в консульскую писанину.

— Нужно быть полным извращенцем, чтобы жить в такой дыре, — сказал Рубядзян, используя преднамеренные англицизмы.

Он незаметно кивнул в сторону чиновника:

— Думаете, он способен прочухать инглиш?

Жак пожал плечами. Чиновник промокнул официально заверенный документ массивным бюваром.

— Lo comprendo mejor que le hablo, — said the zombi in english[163].

Рубядзян вытащил пачку сигарет и протянул ему одну.

— Gracias señor, — el bárbaro respondió[164].

После чего оскалил зубы и чиркнул по ним спичкой. Та зажглась, и он запалил свою кэмелину.

— Неплохо, — сказал Рубядзян. — Надо взять на заметку.

— Пить будете?

Жак протянул ему флягу с ромом. Обратно получил ее полупустой.

— Итак, — сказал Рубядзян.

---

[163] Примечания: 163

Я его понимаю лучше, чем на нем говорю. — сказал зомби по-английски *(исп.* и *англ.).*

[164] Примечания: 164

Спасибо, сеньор, — ответил варвар (исп).

— Я — el señor Estábamos[165], — said the zombi. — Вы еще не видели господина Сталя? «Нет». Нет? En verdad[166] вы увидите редкостного carejo (мудака).

В открывшуюся дверь вошел Сталь.

— Господа, — сказал он, низко кланяясь.

И пошел навстречу, протягивая руку кинематографическим исследователям.

— Жак Сердоболь.

Но спутник Жака представиться не успел: рухнул на пол, а из открытого рта у него пошла пена. Он засучил ногами, задергался, закричал. Сколько пены! Как будто наелся мыла, хорошего фокейского[167] мыла.

Трое присутствующих смотрят на него.

— Малярия ему впрок не пошла, — сказал Жак.

— Это то, что называют «высокой болез-

---

[165] Примечания: 165

Сеньор Эстабамос *(исп.).* Estábamos дословно означает «мы были» и, возможно, соответствует английскому «has-been».

[166] Примечания: 166

En verdad… — на самом деле, воистину *(исп.).*

[167] Примечания: 167

Фокейское мыло — т. е. марсельское мыло. Так во Франции называют то, что соответствует старорежимному советскому «хозяйственному мылу».

нью»[168]? — preguntó Estábamos[169].

— Точно.

Жаку пришлось заняться товарищем, его выхаживать; аппаратурой, ее раскладывать; хозяином, развлекать его беседой; самим собой, устраивать себе сиесту.

С наступлением сумерек Рубядзян, по-прежнему лежащий пластом, так и не почувствовал в себе настроения выходить. Сталь повел Жака ужинать в хороший местный ресторан «Король Франции», основанный в 1692 году дворянским бастардом, чьи различным образом скрещенные потомки как раз и составляли местную элиту кулинарных деятелей. Приличные обитатели Сан-Кулебра-дель-Порко особенно ценили это заведение, поскольку удобства, устроенные прямо в зале и отделенные от него всего лишь половинчатой створкой, позволяли пользователям продолжать разговор, начатый за столом, что представляло определенные выгоды во время деловых ужинов, ну а дела в Сан-Кулебра-дель-Порко делались вовсю.

---

[168] Примечания: 168

«Высокая болезнь» — а также «сакральная», «великая», «блаженная», т. е. эпилепсия.

[169] Примечания: 169

Спросил Эстабамос *(исп.)*.

Жак и консул сели за маленький столик и заказали официанту блюда местной кухни; алоэ под луковым соусом, канарейка в тесте по-гвиански, ласточкины гнезда[170], томный щавель, пирожные и имбирь, мокко в янтарных чашечках. Вина: токайское, калифорнийское бургундское, никарагуанский марк, сенегальская кислятина[171]. После всего этого пиршества, в течение которого речь шла лишь о незначительных мимолетностях, они перебрались в «Saint James Infirmary[172] Bar». Там клиентура была разнообразная, но сплошь кошелькастая; присутствовали китайцы, головорезы, коммивояжеры; пили в основном уиски. Были и женщины. Был и пианист, игравший в чикагском стиле, вместе с трубачом, демонстрировавшим весьма неплохой

---

[170] Примечания: 170

Ласточкины гнезда — блюдо китайской кухни, для приготовления которого используются гнезда определенного вида ласточек, выделяющих клейкую слюну. Богато протеинами и витаминами и, согласно народным поверьям, имеет свойство увеличивать женскую сексуальность и мужскую потенцию.

[171] Примечания: 171

Калифорнийское бургундское, никарагуанский марк, сенегальская кислятина — такой же нонсенс, как советское шампанское или азербайджанский коньяк. Бургундское вино может производиться только в Бургундии; в Никарагуа и Сенегале виноград не произрастает.

[172] Примечания: 172

«Saint James Infirmaz» — название композиции Луиса Армстронга (1927).

уровень исполнения, но в манере слишком уж армстронговской, чтобы ее можно было назвать оригинальной.

Вентиляторы работали с полной отдачей. Консул и Жак сели на прохладную плетеную банкетку, официант в белом чесучовом пиджаке подошел к ним и принял заказ. В результате им принесли джин-физз[173]. На площадке танцевало пять-шесть пар. Некоторые женщины были довольно красивы.

После нескольких глотков у Сталя пробудился интерес к личности собеседника. До этого он рассказывал лишь о том, что касалось его самого, его, консула всех стран в Сан-Кулебра-дель-Порко. Он успел поведать гостю о различных стадиях своего сифилиса, своей малярии, своих гепатических колик, своей тоски, своего алкоголизма, своего одиночества, своей желтой лихорадки, своей гонореи, своего отчаяния и теперь вопрошал сам. Он спросил, что станет итогом этой экспедиции. Фильм. Несомненно. Документалка о борхерос, индейцах необычайно диких. И как же прошло путешествие. Бог ты мой, обычные заморочки. Не говоря уже о крокодилах, тиграх и ягуарах, были

[173] Примечания: 173

Джин-физз — коктейль из джина, лимонного сока и сахара.

комары, желтая лихорадка, черная рвота, стрелы с курарой, не говоря уже об отсутствии женщин, которое создает, конечно, благоприятный климат для борьбы с венерическими заболеваниями, но все же, не говоря уже об отсутствии женщин. Сталь это понимал. Сейчас пригласим сюда двух. Он подозвал официанта в белом чесучовом пиджаке, сообщил ему о своем спешном пожелании заполучить еще два напитка и попросил его попросить двух приятных и одиноких особ присесть за их столик. Подошли две девушки, высокие, на редкость хорошо сложенные, в платьях на голу кожу. Они сели, понадобились дополнительные напитки. Так как оркестр опять взялся за дело, они сказали, может, потанцуем, но кавалеров это не особенно интересовало, и девушки принялись курить и болтать меж собой.

Сталь возобновил прерванный разговор. Стало быть (стало быть), жить в такой затерянной дыре, как эта, невозможно, однако он в ней все-таки жил. А почему? Из-за чего? Он был здесь, потому что сам этого захотел. Захотел, вот и все объяснение. Он был здесь потому что. Короче, история печальная с самого начала. История, связанная с женщиной. Жить в такой затерянной дыре, как эта, невозможно, сказал Сталь, однако он в ней

все-таки живет. Можно спросить почему. Смотришь на всех этих типов, европейцев, которые живут в Сан-Кулебра-дель-Порко, и спрашиваешь себя, как они могут жить в Сан-Кулебра-дель-Порко с ее лихорадками, комарами, татуированным солнцем, в ужасной скуке этой тропической, влажной и суррогатной жизни. Он, Сталь, здесь, потому что сам этого захотел, ну, в общем, захотел, вот и все объяснение, и потому что, вот еще одно объяснение. Жить в эдакой стране вот так вот без причины все же невозможно, а его причина это женщина. А вы? Можете даже не отвечать. Все всегда из-за этого. Всегда одна и та же причина, всегда один и тот же повод. Какая-нибудь печальная история. Какая-нибудь история, связанная с женщиной. Какая-нибудь печальная история, связанная с женщиной. Ах эти женщины, мсье.

Да уж, приехать в Сан-Кулебра-дель-Порко, чтобы выслушивать здесь все это.

— Вы ведь тоже, не правда ли, ну признайтесь.

— Точно. Я — тоже.

— Вас обманула женщина?

— Нет. Я ее любил, а она меня нет.

— О-ля-ля, что я и говорил. Что за жизнь. Всегда одна и та же история. Одна и та же тягомоти-

на. А вас не утомляет все время страдать из-за женщин?

— Еще как, — вздохнул Жак.

— Как все это банально.

— А женщины, — спросил Жак, — женщины, которые живут здесь, они здесь тоже из-за каких-нибудь мужчин?

— Мне по фигу, — сказал Сталь.

— Потанцуем? — спросила одна из приглашенных за стол.

— Я — нет, — сказал Сталь.

Жак встал. Девушка, которую он выбрал, ему улыбнулась, и они упорхнули, скользя по лакированной танцплощадке.

— Я слышала ваш разговор со Сталем, — сказала цыпочка. — Старый мудак.

— Это почему же?

— Любовь это прекрасно, даже если от нее страдаешь.

— Вы действительно так думаете?

— Вовсе нет. Я сказала это только для того, чтобы сказать, что Сталь — старый мудак.

— Понятно.

— Нет, кроме шуток, скажите мне, ну что может быть для мужчин интереснее историй, связанных с женщинами, а для женщин — историй,

связанных с мужчинами?

— Не знаю.

— А что вы здесь делаете?

— Я только что провел полгода в диких лесах, где снимал борхеросов, индейцев, как вам конечно же известно, необычайно диких.

— Нужно быть полным извращенцем, чтобы выделывать подобные штуки.

— Точно. Или на душе должно быть тяжело.

— Из-за женщины.

— Точно. Сталь считает это банальным. А я с этим ничего не могу поделать.

— Ты ее любил?

— Вроде того.

— Оказалась злюкой? Вертихвосткой? Стервой?

— Я бы не сказал.

— Изменила? Оскорбила? Бросила?

— Я уже и сам не понимаю.

— Бедный мальчик.

Ногтем указательного пальца она щекочет ему ладонь. Музыка закончилась. Они вернулись за стол.

— Ну как, — спросил Сталь. — Жизнь бурлит?

— Спасибо, — сказал Жак.

Сталь и его подруга возобновили серьезную

дискуссию по поводу наркотиков. Вторая пара вернулась к своим сентиментальностям.

— Значит, это была сильная любовь.

— Похоже на то, — сказал Жак. — Но только с моей стороны.

— Понятно.

— Подруга детства.

— Даже так?

— Даже так.

Она вздохнула:

— Что тут поделаешь? Поезжай хоть в Сан-Кулебра-дель-Порко, все равно ничего не изменишь.

— Что я и констатирую.

Драммер[174] выдал заключительную барабанную дробь, и воцарилась тишина. Управляющий объявил о начале шоу. Вновь заиграла музыка, на танцевальную площадку выбежала дюжина темнокожих и представительных герлз[175], чьи мускулистые ягодицы сразу же образовали правильный двенадцатиугольник. Герлз были одеты в штормовки бретонских рыбаков, что в этом заведении и в этих краях, естессно, казалось

---

[174] Примечания: 174

Драммер — от *англ.* drummer (музыкант, играющий на ударных; ударник).

[175] Примечания: 175

Герлз — от *англ.* girls (девушки).

невероятной экзотикой. Когда их дерганье замедлилось, появилась тринадцатая танцовщица, она вынесла плетеную клетку и поставила ее на столик ad hoc[176]. Затем на сцену вышел пожилой господин: красный жилет, монокль в глазу и трость под мышкой.

Жак взирал на все это пустым взглядом.

— Ты все еще думаешь о ней? — спрашептала его поверенная.

— О ней? Да.

— Как ее звали?

— Доминика.

— Красивое имя.

— А тебя как зовут?

— Люлю Думер.

Зазвучала музыка, означающая пора заткнуться. Пожилой господин открыл плетеную клетку и вытащил оттуда внушительных размеров омара, который начал с трудом перебирать по гладкому полу своими многочисленными неловкими ножками. Очередная оркестровая трель объявила выход нового персонажа, а именно индейца борхерос, одетого почему-то моряком, ну а относительно всего остального, неимовер-

---

[176] Примечания: 176

Ad hoc — специальный, предназначенный для этой цели *(лат.)*.

но варварского вида. После нескольких очень зрелищных прыжков вправо и влево борхерос бросился к животному, ловко его схватил, отломал ему кончик хвоста и принялся пережевывать добычу с помощью на редкость развитого зубного аппарата. На следующем этапе он сожрал клешню. Жертва продолжала с трудом перебирать по гладкому полу своими многочисленными неловкими ножками.

— Он съест его целиком, — сказала Люлю Думер.

— Ты уже видела этот номер?

— Нет, это в первый раз.

— Любопытно, не правда ли? — сказал Сталь.

Оркестр заиграл классику. Борхерос кусанул еще разок, вскоре от ракообразного осталась одна голова. Голова лежала на столе и, несмотря на увечность, шевелила обгрызенными усиками.

— Несколько затянуто, — сказала Люлю Думер, — уже надоело.

— Самое трудное уже сделано, — сказал Сталь.

И действительно, минут через десять борхерос покончил со всем остальным, включая панцирь. Зал зааплодировал.

— В конце концов, едят же живьем устриц, — сказал Сталь.

— И все же, — сказала Люлю Думер, — стоило сюда приезжать, чтобы увидеть такое. Ну и духотища.

— Разумеется, — сказал Жак, — при такой температуре достаточно, чтобы омар чуть-чуть залежался, и тип запросто подохнет в своей же блевотине.

После экзита[177] герлз оркестр заиграл снова, и Жак опять вывел Люлю Думер на танцплощадку.

— Так ты не против? — спрашивает Жак.

— Нет. К тому же ты мне и так понравился.

Они немного покружили.

— Ты из Парижа? — спрашивает Люлю Думер.

— Почти. Из пригорода. Как далеко кажется отсюда пригород Парижа.

— Из какого пригорода?

— Из западного. Из Рюэйля.

— Правда? Я была в Рюэйле. Мальмезон. Лес Сен-Кукуфа.

— Забавно. Ты была в Рюэйле.

— Забавно.

Они немного покружили.

— Мы могли запросто встретиться в Рюэйле, — говорит Люлю Думер. — Ты когда там был?

---

[177] Примечания: 177

После экзита... — от *англ.* exit (выход).

Жак высчитывает.

— Мы могли запросто встретиться, — говорит Люлю Думер.

Они немного покружили.

— А знаешь, — говорит Люлю Думер, — может быть, в Рюэйле ты встречал де Цикаду? Поэта.

— Конечно. Еще бы. Де Цикаду. А как же. Поэта.

— Еще тот тип, а?

— Особенно для Рюэйля. Чтобы поразить рюэйльских обитателей, вовсе не обязательно быть таким уж выдающимся.

— Говорят, он великий поэт.

— Непризнанный. Но бывает, что все меняется.

— И великий больной, ко всему прочему. Ты когда-нибудь видел его во время приступа? Ну и зрелище!

— Да. Но я его почти вылечил. Когда был инженером-ветеринаром.

— Тем лучше для него.

— А моих родителей ты не знала? Сердоболь. Трикотажное производство. «Нет». Ты родилась в Рюэйле? «Нет». А что ты делала в Рюэйле?

— Домработницей была. С тех пор кое-чего достигла. Сам видишь.

— Но все равно: для такой славной девушки,

как ты, Сан-Кулебра-дель-Порко — место далеко не идеальное.

— Выехала-то я правильно, но немного запуталась по дороге.

— Это дело надо исправить.

— Не все так просто.

— Что бы ты сказала, если бы очутилась на моем месте.

— Но ты ведь, похоже, и сам еще ничего не исправил.

— Конечно нет.

Оркестр закончил играть. Теперь за столом Сталя уже сидит целая компания: мужчина в красном жилете и его индеец борхерос, а с другой стороны Рубядзян, оклемавшийся после приступа и уже накачавшийся уиски. Треп крепчает. Жак и Люлю Думер садятся.

— А вот у вас вши были? — спрашивают у них.

А они и отвечают «Естессно».

— Я их даже разводил, — говорит Жак. — Я хотел вывести породу очень больших, очень жирных и очень сильных вшей. Перед тем как работать в кино, я занимался зоотехникой.

— Как интересно, — говорит мужчина в красном жилете, наклоняясь к Жаку.

— Очень любопытно, — добавляет индеец

борхерос, который говорит по-французски так же хорошо, как папаша и мамаша Берлиц[178], вместе взятые.

Жак вглядывается в лица двух чудиков.

— Ну, так что с этими гигантскими вшами?

Это переспросил мужчина в красном жилете.

— Времени не хватило, — говорит Жак.

Индеец борхерос делает такое же разочарованное выражение, как и его хозяин.

— Я все бросил и ушел с труппой бродячих комедиантов, — говорит Жак.

— Из-за женщины, — говорит Сталь.

— Естессно.

— Из-за той, о которой ты только что рассказывал? — спрашивает Люлю Думер.

— Нет. Из-за ее сестры.

— Еще одна подруга детства?

— Точно.

Рубядзян смотрит на Люлю Думер и находит, что она очень даже мила.

— Совсем как у меня, — говорит мужчина в красном жилете. — Десять лет я был викарием

---

[178] Примечания: 178

Максимильен Берлиц (1852–1921), американский педагог немецкого происхождения, преподаватель иностранных языков, создатель собственной методики, заключавшейся в ассоциации предмета или действия с обозначающим словом. В 1878 году в Провиденс открыл собственную школу.

в Сен-Брен-ле-Коломбен, и вот однажды мимо проезжал цирк. Я влюбился в наездницу. Чтобы увидеть эту женщину, я переоделся в светскую одежду, пришел на спектакль и уселся в первом ряду. Естественно, все меня узнали.

— Для этого следовало быть редкостным нахалом, — сказал индеец борхерос.

Индеец борхерос уже сто раз слышал эту историю, еще в ту пору, когда работал официантом в «Пети Кардиналь», но сия реплика была как бы частью совместного номера, а посему он выдавал ее так же хорошо в Сан-Кулебра-дель-Порко, как в Макао[179], Сомюре[180] или Альжирзирасе[181].

Жак даже не вздрогнул. Для него подобные встречи совсем не желательны. Он склонился к Рубядзяну и шепнул ему на ухо:

— Если ты не прекратишь так смотреть на эту девушку, я набью тебе рожу.

Мужчина в красном жилете продолжал:

— Через две недели я нагнал цирк и устроился в

---

[179] Примечания: 179

Трудно определить местоположение населенного пункта: Бразилия (Масаи и Масае) или Китай (Масаи)?

[180] Примечания: 180

Сомюр — город в западной части Франции (провинция Анжу).

[181] Примечания: 181

Альжирзирас — выдуманное название, образованное слиянием: Альжесирас (Испания) и Алжир (Алжир).

нем клоуном. У меня оказался талант клоуна, а я об этом даже и не подозревал. Что до наездницы, до чего ж красивая была, стерва. Я не жалею о том, что сделал.

Жак вновь склоняется к Рубядзяну.

— Слушай-ка, ты, извращенец, — выдает он ему по-английски, — if you take one more peak at my doll I break your neck[182].

Но Рубядзян, уже поднявший себе настроение вискарем, эту угрозу всерьез не воспринимает. Он продолжает пялиться на Люлю Думер.

— Как пришел к вам этот талант? — спрашивает Сталь у индейца борхерос.

И тут Рубядзян получает…

— Еще когда я был официантом, — отвечает индеец борхерос, — то поражал посетителей…

…прямо в пятак…

— …тем, что пережевывал ножки омаров, ракушки улиток и даже маренских устриц. Но вот раскусить португальские так ни разу и не смог.

…сокрушительный…

— А однажды один очень образованный молодой человек, который часто приходил к нам

---

[182] Примечания: 182

Если ты еще раз взглянешь на мою куколку, я сверну тебе шею *(англ.).*

обедать, даже сравнил меня с вэгэ[183], ну, с поэтом, знаете.

…удар.

Рубядзян падает на пол. Его поднимают. Ему промакивают шнобель. И он начинает распускать нюни.

Былиж они два старых приятеля прожилиж шесть месяцев в диких лесах среди индейцев борхерос исключительно диких и вот тебе на из-за женщины конец старой дружбе, былиж два старых приятеля прожилиж шесть месяцев вместе в диких лесах среди…

— Смени пластинку, — сказала Люлю Думер. — А потом, мне эта музыка не нравится.

— Сваливаем отсюда? — предложил Жак.

Они ушли вместе.

X

Могильщики принялись сеять землей поверх опущенного гроба, снег падал туда же и даже на самое дно; крышка покрывалась белыми пятнами. Де Цикада всхлипывает в последний раз, Сердоболь и Предлаже отрывают его от этого зрелища, де Цикада утирает слезы, они медленно

---

[183] Примечания: 183
Речь идет о В. Гюго.

выходят с кладбища. Их окутывает снежный вихрь, машину Сердоболя уже полностью замело. Неподалеку от них Валерианов холм морозит свой горб в свинцовом небе. Не слышно ни звука. Трое мужчин садятся в машину Сердоболя.

— Ну и погода, — говорит Предлаже.

— Сегодняшний вечер вы проведете у меня, — говорит Сердоболь де Цикаде. — Вы останетесь у нас ужинать.

— Соглашаюсь охотно, — говорит де Цикада. — У вас, Сердоболь, чувствительная душа, хотя вы и не поэт.

— Я — ваш друг, де Цикада, — говорит Сердоболь.

— У меня такая тоска, — говорит де Цикада. — Уверяю вас, сейчас мне совсем не хочется писать стихи. Ах, черт возьми, только подумать, что она будет гнить как падаль, от этого у меня сердце разрывается. А всем остальным до этого нет никакого дела, черт возьми, черт возьми, черт возьми.

— Не переживайте так, де Цикада, — говорит Сердоболь.

Он наконец завел машину, «дворники» начали медленно счищать снежные хлопья, машина тихо тронулась.

— Легко сказать: не переживайте. Но ведь ничего уже не поделаешь. Какой ужас!

— Увы, — сказал Предлаже, не раз уже тронутый траурной скорбью.

— Уверяю вас, когда я вернусь домой, мне совсем не захочется писать стихи. Что за жизнь, что за жизнь.

— Это забудется, — сказал Предлаже.

Де Цикада повернулся к нему:

— Вы так думаете?

— Увы, — сказал Предлаже.

Доехав до Пастушьей площади, они повернули налево и поехали вверх по авеню Жоржа Клемансо[184].

— И потом, — сказал Сердоболь, — она уже столько лет не является вашей женой. Это должно вас немного утешить.

— Именно это я никак не могу переварить.

Они замолчали до самой Шаровой площади. Еще немного, и они будут в Рюэйле.

— Только подумать, — воскликнул де Цикада, — только подумать, что черви уже начали ее жрать!

---

[184] Примечания: 184

Жорж Клемансо (1841–1929) — французский политический деятель, левый радикал, министр внутренних дел (1906), президент Государственного совета (1906 и 1917).

— Не надо преувеличивать, — сказал Предлаже.

— То есть?

— Мадам де Цикаду предали земле в зимнее время и в герметично закрытом гробу, а посему можно с максимальной вероятностью утверждать, что ни одна личинка насекомого не успеет вылупиться на ее теле, которое будет разлагаться медленно в соответствии с законами естественной ферментации и в итоге превратится таким образом в прах, так и не став жертвой тех, кого мы, энтомологи, называем образно и почти что поэтически работниками смерти, а именно скромных членистых, весьма полезное призвание коих состоит в том, чтобы на наших широтах уничтожать остающиеся на свежем воздухе трупы, преимущественно животных, поскольку человеческие останки, по обычаю, предаются земле, как это мы, увы, только что имели возможность наблюдать.

Де Цикада подавил всхлип.

— Мысль о том, что она мало-помалу высушится и превратится в прах, меня немного утешила. Спасибо, Предлаже.

— Вот положительная сторона науки, — произнес с некоторой завистью Сердоболь.

— А, — спросил де Цикада, — что на самом деле представляют собой могильные черви?

— Я кое-что знаю по этому поводу, — сказал Предлаже, — поскольку изучал вопрос вместе с одним ученым, доктором Мененом. Это действительно — по крайней мере, в начальный период загнивания — личиночные червячки, ибо речь идет о личинках диптеров, в частности, Calliphora vomitoria, проще говоря, самой обыкновенной синей жирной мухи, Curtonerva stabulans, то есть ее сельской разновидности, а также Phora atterrima и Ophyra cadaverica, которые появляются лишь после того, как бутириновое и казеозное[185] брожение переходит в аммиачное.

— Как это все весело, — сказал Сердоболь.

— А еще мы не должны забывать о Rhizophagus parallelocollis, которые являются колеоптерами[186], и о Philantus ebeninus, которые являются стафилинидами[187]. Кстати, отметим, что форы предпочитают худые трупы, а ризофаги — жир-

---

[185] Примечания: 185

Бутириновое и казеозное брожение — т. е. масляно-кислое и творожистое.

[186] Примечания: 186

Колеоптер — насекомое отряда жесткокрылых.

[187] Примечания: 187

Стафилинида — насекомое отряда коротконадкрылых.

ные.

— Удивительно, — сказал Сердоболь, — что эти маленькие твари, совсем как люди, имеют свои предпочтения.

— Каждому свое, — сказал де Цикада, — а вообще-то, если я обожаю жирную ветчину, это вовсе не дает вам права сравнивать меня с какими-то тризнафагами.

— Ризофагами, — сказал Предлаже.

Они доехали до трикотажного предприятия.

— Зайдите выпить с нами по рюмочке, — предложил Сердоболь герборисгу. — Согреетесь.

— Нет, спасибо. Торговля не ждет.

Уговаривать не стали.

Мадам Сердоболь выдала из своего арсенала несколько растроганных фраз. Де Цикада поблагодарил. В камине вовсю горели дрова. Запылал пунш.

— До чего ж подкован этот Предлаже, — сказал де Цикада. — Вот я, например, все эти естественные науки никогда не зубрил. И, впрочем, зря, так как сейчас мне кажется, что из них могла бы исходить поэзия с каким-то особенным ароматом.

— Мсье де Цикада, вы напишете стихи о смерти этой несчастной мадам де Цикады? — спросила мадам Сердоболь, которая в этот момент вязала

пару носков для своего мужа, так как недолюбливала фабричные изделия.

— Нет, мадам, глубокое горе безмолвно.

— А вот я, когда обжигаюсь, не могу оставаться безмолвной. Я тогда кричу «уй».

— Да ты что, лапушка, — сказал Сердоболь, — как же можно такое сравнивать.

— Нет, мадам, — продолжил де Цикада. — Пусть любовь, питаемая к ней, и разочарование, испытанное впоследствии, навеяли некоторые из моих самых удачных произведений, но целомудрие, должен вам признаться, запрещает мне использовать в эстетических целях скорбное событие, которое так угнетает меня сегодня.

— Это значит, что стихов вы писать не будете? — спросила мадам Сердоболь.

— Он только что тебе это объяснил, — сказал Сердоболь.

— У поэтов капризный нрав, — сказала мадам Сердоболь.

— Это и есть поэзия, — сказал де Цикада.

— А не сыграть ли нам в жакé[188]? — предложил Сердоболь.

— Почему бы и нет? — сказал де Цикада. — Это

---

[188] Примечания: 188

Жакé — настольная игра с костями и фишками.

нас отвлечет.

Сердоболь принес коробку, и вот уже по доске стали перекатываться кости, жетоны составляться в пирамиды, и лишь время от времени тишину нарушало высказанное по ходу игры замечание или урчание автомобиля в заснеженной мгле. Когда пробило семь часов, мадам Сердоболь встала и сказала: сейчас будем ужинать. Мужчины закончили партию, и все сели за стол. Служанка внесла супницу, и в этот момент раздался звонок в дверь.

— Вот те на, — сказали все, — кто это может быть?

Никого не ждали. Служанка пошла посмотреть.

Мадам Сердоболь уже начала разливать суп, но прервала это занятие и, застыв с поднятой поварешкой в руке, вытянула барабанные перепонки в сторону двери, ибо что-то там происходило. Послышались чьи-то голоса. Там что-то происходит, но что же там может происходить?

Вбегает перепуганная служанка:

— Там дама, которая говорит, что она мадам Сердоболь, и маленький мальчик, который…

А вот и маленький мальчик. На нем куртка с капюшоном, запорошенная снегом, тяжелые

башмаки, перепачканные грязью; ему лет шесть. Он бросается к де Цикаде с криком «здравствуй, дедуля!», обнимает его, затем бежит к мадам Сердоболь с воплем «здравствуй, бабуля!». Ошибка, которую он совершил при идентификации дедушки, ситуацию отнюдь не прояснила. А вот и дама. На ней жалкий плащик и та еще шляпенция. Запорошена она не меньше, чем ребенок.

— Я ваша дочь! — восклицает она.

И, указывая на мальчугана:

— А это ваш внук!

Она скидывает свой плащ и отдает его служанке.

— Мишу! Иди сюда, я тебя раздену. Ну и наследил же ты своими грязными башмаками! К счастью, у нас в чемодане тапки.

Служанке:

— Принесите мой чемодан.

Служанка бежит за чемоданом.

Наконец Сердоболь произносит:

— Я хотел бы знать, мадам…

— Насилу отыскали дом. Мишу, погрей ноги. Посмотри, как красиво горят дрова. Я уж думала, никогда не найдем, все в кромешной тьме, да еще этот снег.

— Мадам…

— Ну, чего? Еще не догадались, кто я такая? Может, еще скажете, что не знали о моем существовании? Ну же!

— Значит, это вы, — спокойно говорит мадам Сердоболь.

— Кто из них мой дедушка? — спрашивает Мишу.

— Это я, заинька, — говорит Сердоболь.

— Какой славный мальчик, — говорит де Цикада.

— Вы ведь с нами поужинаете? — говорит мадам Сердоболь.

— И не только поужинаем, — говорит Сюзанна. — Я пришла просить у вас крова.

— Все равно сначала поужинаем, — говорит мадам Сердоболь. — Суп остывает.

Принести дополнительные тарелки и приборы было совсем нетрудно.

— Не люблю суп, — сказал Мишу.

— Только не изводи нас своими капризами, — сказала Сюзанна.

— Не заставлять же его есть суп, если он не любит, — сказал Сердоболь. — Правда, малыш?

— Да, дедуля. Дедушка — хороший чувак.

— Значит, вот как вы собираетесь его воспитывать, — сказала Сюзанна.

— Детям следует предоставлять хотя бы немного свободы, — сказал де Цикада.

— А вы что, наш родственник? — спросила Сюзанна, смерив его взглядом с головы до ног. — Нас еще не представили друг другу, — добавила она более любезно.

— Господин Луи-Филипп де Цикада — поэт, — сказал Сердоболь.

— А, так это вы — де Цикада. Жак мне часто о вас рассказывал. Вам помогло лекарство, которое он вам прислал?

— Я очень суеверен. Стоит мне сказать, что лекарство помогает, и потом оно уже не производит никакого эффекта.

— Я вас понимаю. У Жака тоже были такие бзики. Я с трудом понимала, чем же он занимается. Он утверждал, что если расскажет, то этим все испортит.

— Он был таким еще в детстве, — сказала мадам Сердоболь, — немного скрытным.

— Он был не то чтобы скрытным, — сказала Сюзанна, — скорее, не очень-то доверчивым.

— Я хочу дольку чеснока, — сказал Мишу, потому что в этот момент принесли ягнятину.

— Ну конечно же, заинька, — сказал Сердоболь.

— В детстве он мне доверял, — сказала мадам Сердоболь. — Он говорил мне: вот увидишь, мама, я стану профессором, и объяснял как, или же врачом, и объяснял как. Когда ему было уже лет тринадцать, вот тогда он перестал мне рассказывать, что у него на уме.

— Мне хотелось, чтобы он перенял мое дело, — сказал Сердоболь, — но он захотел стать врачом-паразитологом, главным образом, чтобы изучать вшей.

— Хи-хи, — хихикнул Мишу. — Вшей.

— Как тебя зовут, мое дитятко? — спросил Сердоболь.

— Мишель, — ответила Сюзанна.

— Мишу, — ответил Мишу.

— А сколько тебе лет, сладкий ты мой? — спросил де Цикада.

— Шесть лет. Дядя, а почему у тебя такой большой галстук?

— Какой очаровательный ребенок, — сказал Сердоболь.

— Ну просто живая копия, — сказал де Цикада.

— Он хорошо учится? — спросила мадам Сердоболь.

— Неплохо, — сказала Сюзанна, — только вот вшей подцепил.

— Вот те на, — сказал Сердоболь.

— Дедушка, — сказал Мишу, — я хочу еще дольку чеснока.

— Сорванец в духе Генриха IV[189], — сказал де Цикада.

— Будьте с ним начеку, — сказала Сюзанна.

— Я никак не могу вспомнить, любил ли Жак чеснок, — сказал Сердоболь.

— А вы ведь трикотаж производите, мсье Сердоболь? — спросила Сюзанна.

— Да, мадам, — сказал Сердоболь.

— Мальчику нужно будет справить теплую одежду и носки, — сказала Сюзанна.

— И самокат, — сказал Мишу.

— До чего же потешный мальчишка, — воскликнул де Цикада.

— Будет у тебя самокат, — сказал Сердоболь.

— А еще мне бы машину с педалями, — сказал Мишу.

— Я покатаю тебя на своей, — сказал Сердоболь, — на большой, на настоящей.

— Мама, вот здорово, у дедушки есть машина.

— Ты доволен, деточка? — расчувствовалась мадам Сердоболь.

---

[189] Примечания: 189

Возможно, Генрих IV (1553–1610), король Наварры, король Франции (с 1589 г.), очень любил чеснок.

И так далее и так миленько и так славненько, что ужин подошел к концу.

Де Цикада из деликатности пожелал непременно удалиться. Сердоболь захотел его обязательно проводить. Тем временем мадам Сердоболь показала Сюзанне ее комнату. Туда поставили маленькую кровать, на которую не без труда уложили протестующего Мишу. После чего женщины спустились к камину.

Вернулся Сердоболь. Было слышно, как он топает ногами, чтобы стряхнуть снег. В коридоре трикотажник задержался, чтобы снять обувь и надеть шлепанцы. Вошел и сел между женщинами.

— Итак, дочь моя, — сказал он.

Сюзанна подняла голову.

— Мы ждем, когда вы нам поведаете вашу историю (прошлое) и введете нас в курс дела относительно ваших намерений (будущее). Ну а пока (настоящее) вы здесь у себя дома, если вы и вправду супруга нашего сына.

— Я родилась, — сказала Сюзанна, — двадцать тире тридцать лет тому назад в маленькой деревушке в районе О-Керси[190]. Мои родители были

---

[190] Примечания: 190

О-Керси (или Верхний Керси) — область в департаменте Лот, на юго-западе Франции.

испольщиками, а ферма, довольно замызганная, принадлежала графу де Виженев. Когда мне исполнилось пять лет, никто уже не сомневался, что я — его дочь, то бишь моя мать, женщина небольшого росточка, согрешила с нашим аристократическим хозяином. Мой отец, тоже не особенно высокий, сделал вид, будто ничего не произошло, так как боялся получить тумаков от своей супруги (рука у нее была тяжелая) и потерять работу. Со мной же он особенно не церемонился. И вот, когда мне не было и семи лет, он попытался в первый раз меня изнасиловать. К счастью, в этот момент появился один графский слуга, и моему отцу пришлось обратно застегивать штаны, ворча и не очень любезно чертыхаясь. Слугу звали Теодюльф, и именно он через три недели после этого лишил меня девственности, против моей воли, разумеется. Уже в то время сельская жизнь меня не очень-то прельщала. Меня отправляли в школу за шесть километров от дома. Ну и дрались же мы с мальчишками! Когда я стала чуть взрослее, они собирались по пять-шесть человек, чтобы потискать мне груди и посмотреть мое естественное устройство. Что до папаши, я имею в виду ненастоящего, то он все время подкарауливал меня в

темноте, чтобы совершить-таки со мной инцест, который, впрочем, инцестом все равно бы не стал, поскольку папаша не был моим настоящим отцом, а настоящий, кстати, тем временем успел погибнуть в результате несчастного случая на охоте. Нужно ли добавлять, что мой папенька, тот, ненастоящий, к этому приложил руку, мерзавец. Его, маминого мужа, звали Бордье, я чуть не забыла вам сказать, а меня зовут Сюзанна Бордье. В четырнадцать лет ферма Бордье меня достала окончательно. В трех километрах от фермы находились вольфрамовые шахты и бараки, в которых жили рабочие, в основном арабы из Северной Африки. Я мечтала работать официанткой у них в бистро, там целый день хрипел патефон и готовился кускус[191], знаете, что это такое?

— Нет, — сказали старенькие родители.

— Там пили белое вино без закуски, да так, что часто вытаскивались ножи и бритвы, и тогда дело доходило до шрамов. В среднем получалось по два зарезанных в неделю. В один прекрасный день когда папаша Бордье повел себя особенно гнусно похотливо и настойчиво я взяла чемодан

[191] Примечания: 191

Кускус — блюдо североафриканской кухни, состоящее из различных видов жареного и вареного мяса, овощей и пшенной крупы с приправами и специями.

положила туда пару шелковых чулок пояс для подвязок гигроскопическую вату и попрощавшись с этими склизкими и загаженными стенами которые меня так часто видели жертвой разных сатиров вылетела из гнезда в сторону других чуть более цивилизованных цивилизаций. Стоит ли говорить что хозяин бистро и слышать ничего не хотел и выставил меня за дверь: он слишком боялся папашу Бордье. Что мне оставалось делать? Один араб, у которого был мотоцикл, сказал мне: «Ти малишка красивий» каковой я скажем без ложной скромности и была и предложил прокатиться с ним в соседний городок; я согласилась. Итак забралась я на его аппарат и в дорогу. Мотоцикл знаете ли это что-то потрясающее.

— Никогда не ездили, — сказали старенькие родители.

— Наступала ночь, одна за другой зажигались звезды. Мы неслись во весь дух сквозь сумерки по национальной дороге 308 Б. Какая поездка. Какое воспоминание. Этот араб, которого звали Бу Аму бен Тоблер[192], привез меня в маленькую гостиницу, где жил сам, он уже давно туда перебрался из барака, так как деньжат у него было

---

[192] Примечания: 192
Сюшар-Тоблер — марка бельгийского шоколада.

побольше, чем у остальных. «Ти спать в моя комната, — сказал он мне, — а я спать в комната мой друг Бу Адду бен Сюшар». Так оно и произошло. Ну, что вы на это скажете? Если это не истинное джентльменство, то пусть прямо сейчас отрежут причиндалы у папаши Бордье, который и так заслуживает, чтобы ему их отрезали.

— Этот сын пустыни повел себя весьма благородно, — сказали старенькие родители.

— Еще бы, но минуточку! После недели тихой и целомудренной жизни по крайней мере моей так как по поводу двух дружбанов я даже не хочу вам намекать на то что они могли промеж собой вытворять…

— О, не стоит нам намекать, — сказали старенькие родители.

— Итак после довольно приятной недели а мы ходили в кино или в кафе вместе без всяких проблем значит после недели как-то утром двое этих курчавых стучат в дверь моей комнаты я спрашиваю «ктотам» и вот они входят. Оба праздничнo одеты было как раз воскресенье и говорят мне: «Ми очень в тебя влюбиться, малишка красотка, ти вибирать между нас двоих». Ничего не скажешь, все правильно, правда? Естественно я выбрала бен Тоблера который ко мне так поря-

дочно отнесся должна же быть справедливость но где-то приблизительно через месяц он проиграл меня в кости и тогда я стала любовницей бен Сюшара но ненадолго так как он нашел себе хозяина и я тоже в лице Танайски отец которого был русским белогвардейцем а мать черномазой. Этот красивый парень хоть и простой шахтер был непонятно в честь чего в очень хороших отношениях с одним из главных людей города а именно с типом по имени Бапоно который изготавливал месиво для свиней и корм для куриц. Танайски меня пристроил служанкой к Бапоно непонятно зачем так как этот гражданин даже ни разу не попытался ущипнуть меня за задницу.

— Ну вы и шутница, — сказали старенькие родители.

— А вот то что я расскажу вам теперь совсем не смешно потому что в одно прекрасное утро хотите верьте хотите нет Танайски обнаружили серьезно танайсованным. Он прохлаждался в утреннем тумане, профессионально нашпигованный шестью револьверными пулями. Для меня это оказалась большим облегчением, для мсье Бапоно тоже, так как, должна вам сказать, Танайски был совершенно невыносим. В результате этого эпизода Бапоно позолотил мне ручку

тысячефранковой бумажкой и попросил меня исчезнуть. Приказ, который я тут же и выполнила, сев на поезд до Парижа, куда я приехала через четыре часа согласно расписанию. Не успела я сделать и трех шагов по асфальту большого города, как тут же один молодой сутенер вызвался меня защищать от невзгод судьбы и полиции, а заодно поддерживать меня в суровой борьбе за выживание, а именно такова жизнь обитателей европейских столиц. Я отказалась, причем в резких выражениях, которые так поразили субъекта, что он осыпал меня бранью, тогда я пригрозила ему зонтиком, и да здравствует независимость!

— Вы поступили очень благоразумно, дочь моя, — сказали старенькие родители.

— Я отправилась ночевать к одной изворотливой подружке, которая на следующий же день нашла мне место. По разным обстоятельствам я была вынуждена часто менять бистро, в которые трудоустраивалась. Последним оказался «Пети Кардиналь», где хозяевами были Дюсейи. Я работала там уже приблизительно полгода, клиентура не так чтобы потрясающая, местные лавочники, служащие, почтальоны, интерес небольшой, когда один молодой студент, совсем недурен собой, вы уже узнали в нем Жака…

— Да, действительно, парень он видный, — ответили старенькие родители.

— …взял за привычку приходить каждое утро завтракать. Он любил лошадей, хозяин тоже, короче, об этом они и беседовали, а с Дядюшкой он говорил обо всем понемногу: искусство, науки, философия. Дядюшка — это дядя мадам Дюсей, разжалованный кюре, который когда-то все бросил ради цирковой наездницы. Не знаю, как это получилось, но однажды Дюсей пригласил Жака за свой стол, и после этого парень получил пансион в «Пети Кардиналь», где кухня, к слову, была неплоха. Он ел с нами, мы — это двое хозяев, Дядюшка, я и официант, официант бывал разный: Альфред, Теодор, Жан, Гораций, кого-то, может, и забыла, ну да не суть. Так получилось, что мы виделись каждый день и в итоге понравились друг другу, Жак и я, и случилось то, что в таких случаях обычно случается: мы сошлись, но о женитьбе в общем-то особенно и не думали, что простительно: молодость.

— Теперь начинаем понимать, — сказали старенькие родители, — а то все как-то не получалось.

— Мы любили друг друга, мы были счастливы, и вот у меня в животе начал расти Мишу, а потом

у Жака возникли проблемы, а вы не хотели его видеть.

— Увы, — вздохнули старенькие родители.

— Тут начался облом, непруха, нужда, нищета. Тогда я подумала о Бапоно, написала ему очень вежливо, но решительно и внятно. Он мне ответил, что ему нужен химик. Это устраивало Жака, ну просто лучше быть не может, и мы обосновались в маленьком городишке, где у Бапоно был свой завод. Жак принялся всерьез работать, но вскоре вдруг надумал основать театральную труппу, только подумайте!

— Однако драматическое искусство его никогда особенно не привлекало, — сказали старенькие родители, — как, впрочем, и кино, разве что когда он, Жак, был совсем маленький и ходил смотреть кавбоеф.

— Что бы там ни было, он собрал трех балбесов, двух болванов, каких-то сопляков и вертихвосток, и им взбрело в голову корчить из себя клоунов, играя какую-то пьесу, не знаю кого, наверняка фигню какую-нибудь. Из-за этой истории я была готова от злости зубами скрипеть. Как будто он не мог копаться в своей лаборатории, чтобы

стать каким-нибудь Брандером или Пасти[193], великим ученым, в общем.

— Вы сто раз правы, — сказали старенькие родители, — возможно, сейчас он был бы уже знаменит.

— А я должна была сидеть дома, подтирать задницу Мишу и скоблить кастрюли. Спасибо! А ко всему прочему в один прекрасный день мой супруг свалил. Сбежал с гастролирующей труппой, вот так просто, ночью, как ни в чем не бывало, ничего мне не сказав. Честное слово! Это уже было совсем некрасиво. Я даже считаю, что это было офигенно подло и чертовски паскудно. С тех пор я его больше не видела, даже ничего о нем не слышала. Затем я работала на заводе, но тут кризис, работы больше нет, тогда я подумала о вас, ну вот я и здесь, и ваш внук тоже.

— Короче, — сказал Сердоболь, — теперь вы были бы счастливы жить с нами.

— Точно, — сказала Сюзанна.

— Ну, — сказал Сердоболь, — добро пожаловать,

---

[193] Примечания: 193

Игра слов на перестановке суффиксов, причем branleur означает «лоботряс», «бездельник», а на жаргоне «дрочила». Луи Пастер (1822–1895), французский биолог, работавший над проблемами ферментации, бактериологии. Открыл стафилококк, вывел вакцину против бешенства. Эдуард Бранли (1844–1940), французский физик и врач, открыватель «радиоэлектрических» волн и принципа передающих антенн.

дочь моя.

На этом все расцеловались.

— Но это хотя бы правда, все, что вы тут нам порассказали? — спросил Сердоболь.

Сюзанна вытянула руку и разбрызгала немного слюны на ковер[194].

— Наш сын, — сказал отец, — кем же он стал?

Мать вздыхает. Она вяжет. Сюзанна читает детективные романы. Мишу развлекается. В газете печатают последние известия.

— Может быть, он уехал в какую-нибудь колонию? — предполагает семья.

Еще одна пара вязаных чулок, еще один детективный роман, еще одно развлечение, еще одни новости.

— Где он? На острове безвестном, быть может, царствует? — спрашивает семья.

Мишу рисует черных человечков. Они получаются довольно бесформенными.

— Расставшись с кругом тесным для лучших стран?[195]

Семья вздыхает. Скорей бы дождаться, когда

---

[194] Примечания: 194

Аллюзия на французское выражение juré craché — дословно «поклялся и плюнул», где плевок подтверждает истинность заявления.

[195] Примечания: 195

См. комм. 135 *«…вы царите…»*.

закончится зима, а за ней весенние холода. Семья читает семья вяжет семья беседует семья бегает по саду не такому уж и большому. Рядом фабрика что построена во времена Тьера а может Греви[196] не позже довольно добротная патриархальная кустарная корпоративная. Там производят теплую одежду для бедных сельчан.

— Он никогда не хотел перенять мое дело. Это его никогда не интересовало.

Сердоболь показал Сюзанне свои мастерские, один раз. Сюзанна заявила, что удовлетворена просмотром, но о повторной экскурсии не заикалась. Она читает еще один детективный роман. Мадам Сердоболь вяжет еще одну пару носков.

— Мой папа — генерал в Китае, — объявляет Мишу.

— Он очень любил стратегию, — говорит Сердоболь. — Он изучал ее в специальных книгах. Он разрабатывал планы и рисовал прямоугольники, которые затем закрашивал разными цветами, в зависимости от того, чьи это полки: уланы, зуавы, галлы или императорская гвардия. Он говорил, что поступит в Военное училище.

— Мой папа — Папа Римский, — утверждает

---

[196] Примечания: 196

Т. е. во второй половине XIX века. Адольф Тьер — президент Франции с 1871 по 1873 г., Жюль Греви — с 1879 по 1887 г.

Мишу.

— Его первое причастие было безукоризненным. У него были хорошие результаты по латыни, которую он учил, чтобы позднее читать свой требник. Конфирмация его воодушевила, особенно епископ. Я бы ничего не имел против, если бы он стал священником, хотя и предпочитаю иметь внука. Два месяца подряд только и было разговоров о семинарии. Затем он перестал об этом думать. Начал превращаться в атеиста.

— А что это такое, дедушка? — спрашивает Мишу.

— Не лезь куда не надо, — отвечает Сюзанна, не поднимая глаз.

Она читает еще один детективный роман. Но мадам Сердоболь не всегда вяжет еще одну пару носков, иногда это какая-нибудь без рук кафка.

— Мой папа — пират, — говорит Мишу.

— После того как мы съездили в Гавр и посмотрели на трансатлантические пароходы, он грезил только об одном: о море. Он все время рисовал корабли и учился распознавать звезды. Но потом заинтересовался посольствами.

— У пиратов — сокровища, — говорит Мишу.

— Не вижу себя в роли жены посла, — говорит Сюзанна.

Когда без рук кафка готова, ей на смену зачинается шерстяной шлем, хотя никакой необходимости в этом нет. Мишу чувствует в себе призвание инженера.

— Мой папа — изобретатель, — заявляет Мишу.

— Идеи у него были. В десять лет он изобрел мухоловку, в двенадцать — новый способ накачивать велосипедные шины, в четырнадцать — аппарат для раздачи игральных карт.

— В общем, ничего серьезного, — говорит Сюзанна.

Когда наступает осень, семья говорит себе, что Жак вероятнее всего не стал вообще никем.

— Хоть бы он не попал на каторгу, — думает семья.

Но в присутствии Мишу об этом не говорят вслух.

А зима уж опять на носу. Нет Жак Сердоболь так никем и не стал даже международным жуликом даже знаменитым убийцей даже известным бандитом. Должно быть неприметно работает в какой-нибудь конторе иль на каком-нибудь заводе а то на ферме даже ну откуда нам-то знать. Не мог ли он, гипотеза другая, скончаться? Покоится

ли он[197] в далекой и забытой деревушке под скромной гробовой плитой на тесном кладбище где отвечает нам лишь эхо а ива осенью листву теряет и нищий что у старого моста ей песнь свою наивно-заунывную поет?

— Трусливо бросил жену и ребенка, — говорит Сюзанна, — вот его самый великий подвиг.

— Он был страшным эгоистом, — говорит отец, в то время как опавшие листья скучиваются на улице.

— Ты преувеличиваешь, преувеличиваешь, — говорит мадам Сердоболь.

— Бросить жену это еще можно простить такое случается но оставить ребенка: нет!

Мадам Сердоболь вздыхает.

На его счет никогда не было особенных иллюзий. А теперь их нет вообще, никаких. При Мишу от любых комментариев воздерживаются. Ему подарили так называемые географические кубики, он еще слишком мал, чтобы оценить картографическую науку, но это позволяет ему путешествовать вместе со своим отцом.

---

[197] Примечания: 197

Покоится ли он… — перифраз отрывка из стихотворения «Oceano Nox» В. Гюго: ср. «Вас некому назвать! — ни камню у гробницы/ На узком кладбище, пугающем мечту,/ ни иве, что листы роняет над могилой,/ ни даже песенке, наивной и унылой,/ что нищий пропоет на сгорбленном мосту!» (Собр. соч. М., 1953, т. I, стр. 559, пер. В. Брюсова).

Семья продолжает кто свой детективный роман кто свое вязание кто свой кроссворд кто свои игры а зима потихоньку приближается прыгая с ветки на ветку с крыши на крышу скользя по водосточным трубам в канавы мертвые ветки серые крыши разорванные трубы замерзшие канавы. Мишу возвращается из школы со своим большим ранцем, он разворачивает свою науку под лампой, в то время как остальная семья пристраивается у гудящего обогревателя.

Мишу учится хорошо: он первый по всем предметам — арифметика, рисование, социальная гигиена, каллиграфия — всегда первый. А посему в награду ему разрешают часто ходить в кино. Но ходит он туда не с дедушкой-бабушкой которые презирают кина искусство и не с матерью которую трудно расшевелить. Туда его водит де Цикада. Они вместе комментируют просмотренные картины, восторгаются актерами, критикуют. В газетах все чаще говорят о некоем Джеймсе Чэрити[198] американском актере вроде бы французского происхождения фильм с которым как утверждают демонстрируется в ближайшие дни в Париже фильм по-французски

[198] Примечания: 198

Чэрити — англ. charity (благотворительность, милосердие; милостыня).

хотя и сфабрикованный в СэШэА.

В саду после обеда Сюзанна читает детективный роман а мадам Сердоболь вяжет а ее супруг дремлет а Мишу учится он хорошо учится Мишу а де Цикада после длительного и уединенного взращивания своей скорби так что из нее вырос эдакий скользкий сгусток который порой теснит ему сердце и поднимаясь застревает в горле де Цикада теперь ежедневный посетитель Сердоболей смотрит поверх кино-газеты которую пролистывает не без интереса на ноги Сюзанны ибо увы увы дело житейское Сюзанна в его глазах имеет много очаровательных достоинств от макушки до пяток и от чулочного шва до серебристого перманента.

— Э… э… вот любопытная штука.

Это сказал он.

— Я сейчас вам прочту.

Он начинает.

Тут спицы скрещиваются детективный роман закрывается с заложенным на недочитанной странице пальцем и изучения предметов откладываются подальше от глаза уставшего от слюды и сланца.

«Владение Джеймса Чэрити, в стиле ренессанс, на вершине холма расположено, а обширный

парк его окружает. Большая машина великого актера, заехавшая за нами в гостиницу, останавливается наконец. Джеймс Чэрити встречает нас на пороге, в окружении секретарей и прислуги. Пройдя просторную залу для бильярда, поскольку наш соотечественник — страстный любитель этой игры, почти спорта, мы оказываемся в тихом патио, чью тишину если и нарушает, то лишь тонкая текучая струйка маленького фонтана».

— Для того чтобы все это иметь, надо быть богатым, — говорит Сюзанна.

— Подождите, подождите! Самое главное впереди. Я продолжаю.

«Мы усаживаемся перед минт-джалепсами»[199].

— А это еще что такое?

— Цветы?

— Раковины?

— Им следовало бы пояснять непонятные слова. Я продолжаю: «И мы приступаем к нашему нелегкому делу:

— Джеймс Чэрити, ведь вы, не так ли? французского происхождения, не так ли?

— Почти парижского даже ибо рожден в Рюэй-

[199] Примечания: 199

Минт-джалепс — mint-juleps — коктейль из виски (обычно бурбона), воды и сахара с листьями мяты.

ле был я городе благородном что близ Понтуаза раскинувшегося недалеко от Сюрены». Ну, что вы об этом думаете? Вот к чему я вел: наш земляк.

— Однако, — говорит мадам Сердоболь, — вокруг нас я не знаю никаких Чэрити.

— Однако тут написано черным по белому. Этот тип из Рюэйля, как и я. Я продолжаю.

«— Вы были несомненно в детстве эдаким несносным ребенком?

— Нет я думаю. Я бы сказал: склонным к прогуливанию школы. Уже тогда, в возрасте малом еще, посещал прилежно затемненные залы.

— Проявлялось уже, в возрасте малом еще, ваше призвание к так сказать энному искусству?

— Да конечно черт возьми. Ах немые ковбои, безмолвные вампиры, бессловесные макслиндеры, афонические чарличаплины, до чего же увлечен я был страстно действием их, в жанре эпическом, я бы сказал».

— Для американца он треплется совсем неплохо, — говорит Сюзанна.

— Кроме вас, мсье де Цикада, я больше никого не знаю, кто бы мог так красиво изъясняться, — говорит мадам Сердоболь.

— Стоит признать, закручено ладно. Я продолжаю.

«— А о вашей семье, родителях, братьях и сестрах, подробностей несколько вы несомненно сообщить могли бы утоляя наше и их то есть ее публику я имею в виду хотя и простительное, но чрезмерное любопытство? не так ли?

— Ничто не скрою я в происхождении моем. В носочном бизнесе отец, ничем не примечательная мать, ни братьев, ни сестер, вот вся моя родня, по отношению к которой я, однако, тем не менее поныне и сейчас привязанности некие питаю».

— Но ведь, насколько мне известно, я единственный трикотажник в Рюэйле! — воскликнул Сердоболь. — Ничего не понимаю!

— Немыслимо, — говорит мадам Сердоболь.

— Подождите, сейчас будет самое любопытное. «И каким, — это спрашивает журналист, — и каким конечно же путем окольным кинематограф достигали вы не так ли?

— Путем окольным же конечно: уместный термин ибо путь чрез множество профессий пролегал и в том числе агрономическую химию что время некое практиковал я в городишке скромном где мало о сколь мало представлялось мне возможностей благоприятствующих призванья и способностей развитию заметим артистических моих.

— Сколь путан из этой скажем так дыры был путь сказал бы я не так ли?

— Бросившись в комедийный поток который течет по венам дорожным моей отчизны родной под видом гастролей, циркаческих и цыганских более или менее. Однажды ушел с труппой бродячей и с тех пор не видали меня дядья как впрочем и совокупно жена дети родители собаки теленок корова[200] и выводок цыплячий».

— Из этого можно хоть что-то понять? — спросила Сюзанна.

— Этот парень — типа Жака, нашего родного Жака. Только вот он пробился. А наш…

Мсье Сердоболь вздыхает, его жена тоже. Сюзанна следует их примеру. Мишу стыдливо опускает глаза.

— Я продолжаю, — говорит де Цикада со дна самого глубокого молчания. «Таким образом, — это спрашивает журналист, — у вас была сказал бы я ну так сказать какая именно нога не важно правая иль левая ступня ну в общем если можно так сказать уж в стремени не так ли?

— А то. Но мне тогда наверняка конечно было

---

[200] Примечания: 200

Жена, дети, родители, собаки, теленок, корова… — пародия на строчку из басни Лафонтена «Молочница и кувшин молока» (книга VII, гл. X) «Прощай теленок, корова, свинья и цыплята…».

цели далеко до. В кинематографе о сколь мои дебюты сколь скромны вначале были. Статистом заурядным вот я согласился быть кем хоть и знал уже актером величайшим что должен стать однажды, вот сейчас».

— Ну, достал, — говорит Сюзанна, — просто замучил своим жаргоном, и кого он из себя только не строит, даже противно.

— Я думал, это вас позабавит, — говорит де Цикада. — Впрочем, продолжение тоже интересное. Он был у индейцев борхерос.

— Ой, прочти нам это, Лу-Фифи, — говорит Мишу.

Ведь он сам уже столько раз был у индейцев и не только борхерос но еще и у живарос зунис команчей ирокезов. Но все же это путешествие в Сан-Кулебрадель-Порко в духе Помбала[201] его впечатляет. Какой все же этот Джеймс Чэрити! Герой! Великий человек! Какой актер!

Озвученный по-французски Джеймс Чэрити мало-помалу потихоньку полегоньку не спеша не торопясь все-таки добрался до Рюэйль-Палласа. Мишу увлекает туда де Цикаду. Сюзанну вытянуть так и не удалось. Сначала зрителей

[201] Примечания: 201

Себастьян Хозе де Карвало е Мело, маркиз де Помбал (1699–1782) — португальский политический деятель, премьер-министр.

пичкают новостями, затем документальным фильмом о сардине, затем наступает антракт с брикетами эскимо и его рекламой, и, наконец, вот оно, «Рэйман Киноу Компани» представляет «Шкуру Грез»[202] с Джеймсом Чэрити и Люлю Сердоболь в главных ролях.

— Смотри-ка, — говорит Мишу, — у нее фамилия Сердоболь. Как у меня. Как у папы.

Де Цикада ничего не отвечает.

Фильм начинается. Дело происходит во Франции: новобранцы в форменных красных штанах, маленькие и нервозные господа в цилиндрах и с усами, телеги с сеном, управляемые извозчиками в рабочих блузах. Первый кинематограф: ангар, скамейки, для звукового сопровождения — фонограф, после каждого ролика просмотр приостанавливается. В ангаре сидит целая толпа ребятишек, объектив выделяет одного из них, один из его приятелей ему кричит: «эй Джеймс!» другой «эй Чэрити!». Понятно: этот маленький симпатичный мальчишка с темными кучерявыми волосами и есть будущий великий актер Джеймс Чэрити.

Показывают ковбойский фильм с Вильямом

---

[202] Примечания: 202

…«Шкуру Грез»… — См. комментарии к названию романа.

Хартом[203]. Воодушевление детей. Один из них, это Джеймс Чэрити, встает, поднимается на сцену и попадает на экран. Он вырос, он стал мужчиной, теперь он одет ковбоем, вот он прыгает на коня и скачет. Преследования, револьверные выстрелы, светловолосые девушки в сапожках, которых крадут темноволосые предатели в ботфортах, индейцы в перьях, насильственные смерти. Действие заканчивается. Джеймс целует героиню в губы, затем сходит с экрана, спускается со сцены и опять, маленьким мальчиком, садится на свое место.

— Я ничего не понимаю, — говорит Мишу.

Джеймс взрослеет, по-прежнему уносимый грезами. Вот он уже исследователь, изобретатель, артист, боксер, вор, он все мечтает и мечтает, к чему все это его приведет? А вот появляются судебные приставы. Зрители трепещут.

— Его же не посадят в тюрьму? — спрашивает Мишу.

Де Цикада на него шикает.

И вот опять мечты: он присоединяется к провинциальной театральной труппе, комический

---

[203] Примечания: 203

Вильям Сарри Харт (1870–1946) — американский актер и режиссер, один из первых героев вестерна. Примечательно, что одна из написанных им книг называлась «A lighter dreams» («Сны лодочника»).

роман. Случай приводит его к первым массовкам. Бал Вшей, на котором Джеймс играет роль плохого парня. И вот уже другие фильмы, где на разных стадиях он появляется то исследователем, то изобретателем, то артистом, то боксером, то вором. Он едет к индейцам борхерос исключительно диким. В Сан-Кулебра-дель-Порко встречается с молодой актрисой Люлю Сердоболь. Они вместе едут в Голливуд попробовать, не получится ли там что-нибудь. И очень быстро успех слава триумф. В итоге Джеймс женится на Люлю Сердоболь и, целуя ее в губы, подписывает (свободной рукой) королевский контракт на свою говорящую и многоязычную «Шкуру Грез».

Конец.

— Красивый фильм, — говорит Мишу.

Вернувшись домой, де Цикада закуривает трубку и принимается пролистывать свои стихотворения. Прочитывает то одно, то другое. Находит их не такими уж плохими, например, вот это, которое могло бы появиться в антологии Жака Сердоболя, если бы она когда-нибудь появилась. Он вздыхает, пускает несколько колец табачного дыма в потолок. Звонят. Он идет открывать. Сюзанна. Он ее целует.

— Ну как, фильм понравился? — спрашивает

она.

И начинает раздеваться.

— Очень, — говорит де Цикада.

Он на нее смотрит. Она снимает чулки.

— Кое-что мне показалось странным, — продолжает он, — актеры новые, но у меня такое ощущение, что где-то я их уже видел.

— Иногда себе и не такое представишь, — говорит Сюзанна, растягиваясь на кровати.

— Это уж точно, — говорит де Цикада. — Это уж точно.

Он убирает свою рукопись в ящик и закрывает его на ключ. А затем идет к кровати.